
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. «Мы всегда правы»	3
Александр ВОСКРЕСЕНКИЙ. Под ширмой пандемии	136
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества.	
Очерки русской жизни	165

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Поступок. Повесть	12
Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. Телефонный звонок. Рассказ	146
Юрий ЖЕКотов. Амурские привилегии. Рассказ	188
Юрий ШИПНЕВСКИЙ. Невезуха. Рассказ	199

ПОЭЗИЯ

Надежда КНЯЗЕВА. В берёзовой глуши. Стихи	124
Татьяна ПАРСАНОВА. Надо жить... Стихи	132
Петр ШУШКОВ. Тепло любимых рук. Стихи	157
Ирина КАТЧЕНКОВА. Воля и сила. Стихи	161
Стихи поэтов Донбасса	204

РУССКИЙ ВОПРОС

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Сберечь державообразующий народ** 215

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий МЕДВЕДЬ, Сергей ДОЦЕНКО. **Польские уроки** 223

СИМВОЛ ВЕРЫ

Сергей ЧЕЧАНИЧЕВ. **Тайна молчания Государя** 233

ЛАРЕЦ

Александр КУПРИН. **Сашка и Яшка**. Рассказ 244

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Владислава РОМАНОВА. **Новый фашизм и путь к свободе** 252

Валерий КИРИЛЛОВ. **Тупик «глобальной перспективы»** 256

Вадим КУЛИНИЧЕНКО. **Им не нужна наша Победа** 260

Валерий ФИЛИМОНОВ. **Удар по правам и свободам** 265

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы**. Размышления и воспоминания. Продолжение 269

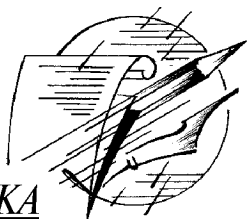
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Татьяна НИКОЛЬСКАЯ. **Уже написана «Тля»...** 280

«МЫ ВСЕГДА ПРАВЫ»

За свою журналистскую жизнь я брал интервью для «Правды» у двух президентов Франции — Франсуа Миттерана и Жака Ширака, у премьер-министра Франции Пьера Береговуа, у двух премьер-министров Австралии Гофа Уитлэма и Джона Малькольма Фрейзера и первого премьер-министра Папуа-Новой Гвинеи Майкла Томаса Сомаре. Никто из них не претендовал на абсолютную правоту, потому что сам жанр интервью этого не предполагает, ибо цель его не декларация самоуверенности и собственного «я», а поиск истины и взаимопонимания.

Проект «20 вопросов Путину» эти правила интервью, несмотря на ловкий, скорее комплементарный, чем агрессивный, троллинг Путина со стороны Ванденко, построен на прямо противоположном принципе. Главное было доказать, что Путин за прошедшие 20 лет со дня его прихода к власти проявил себя исключительно как рыцарь без страха и упрека, провел государственный корабль через все рифы безупречно и безаварийно, и тем самым подтвердить правоту действий ВВП на всех этапах его нахождения у власти

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

последние 20 лет. Задача перед Ванденко была поставлена, прямо скажем, невыполнимая.

Сравним успехи Путина и его команды в деле восстановления экономики России после развала СССР и ее грабежа олигархами и чиновными ворами при Ельцине с результатами послевоенного восстановления СССР. Урон, который был нанесен войной советской экономике, поистине огромен и ужасен. По официальным данным Советский Союз потерял около трети своего довоенного достояния:

- 1710 городов, 70 тыс. сел и деревень разрушено;
- 27,5 млн. погибших;
- миллионы раненых, покалеченных и нетрудоспособных;
- 27—30 тыс. предприятий разрушено.

Казалось, восстановить всё это немислимо вообще. Но благодаря героическому труду и энтузиазму советского народа, умелой политике власти к началу 1950-х годов советская экономика была восстановлена и, по некоторым подсчетам, даже опережала показатели довоенной промышленности. Регулярно снижались цены. Уже в 1950 г. отменили карточки.

С какими же результатами пришел к своему 20-летию у власти Владимир Путин? Каждый третий в стране получает меньше 15 тысяч рублей в месяц, а больше 5 млн. человек имеют зарплату лишь на уровне МРОТ. Многие получают и того меньше, особенно в сельской местности. На одной из «встреч с народом» к Путину бросилась пенсионерка с вопросом: «Как прожить на пенсию в 7 тысяч рублей в месяц?» А таких, как она, в России сегодня миллионы.

Растет расслоение в обществе. По уровню имущественного неравенства Россия давно обошла Европу и США и достигла показателей Латинской Америки, говорит зампред ВЭБа Андрей Клепач. Уровень жизни вернулся к отметкам 2009 года, а возврат к докризисным показателям будет возможен лишь в середине 2020-х годов. Счетная палата в конце марта с.г. рапортует: в России более 12 млн. человек живут без водопровода, более 11 млн. — без качественной питьевой воды. Газификация в стране зашла в тупик, потому что, в отличие от советского времени, она проводится не бесплатно, а за баснословные поборы «Газпрома», лживо объявленного «всенародным достоянием». Коррупция в стране достигает космических масштабов. Взятки исчисляются уже не в тысячах рублей, а в миллиардах. Бюджет разворовывают беспардонно. Та же Счетная палата оценила общий объем финансовых нарушений в бюджетной сфере за 2019 год в 884,6 млрд. рублей. А вернуть в бюджет России и Союзного госу-

дарства им удалось 4,52 млрд. рублей. «И где тогда осели 880 миллиардов?» — иронизирует «Московский комсомолец» по этому поводу.

19,2 млн. человек, или 13,1% населения, получают доход ниже прожиточного минимума. За последние три года армия нищих пополнилась на 2 млн. человек.

«Попытка закрыть глаза на бедность в стране, где почти 40% жалуются на нехватку денег на одежду и еду, лишает экономику перспектив — с бедным населением осуществить технологический прорыв не получится», — говорит Татьяна Малеева, директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХ и ГС.

У Путина в руках другие данные. В его интервью ТАСС он признал, что в стране сегодня 13,5 млн. людей живут за чертой бедности. Реальная же картина такова. В 2017 году 19,4 млн. человек (13,2% населения России) проживали за чертой бедности, в 2018 году — 18,9 млн. (12,9%). Конечно, по сравнению с 1999 годом, когда, как говорит Путин в интервью ТАСС, «за чертой бедности жило 42 миллиона человек, т.е. треть населения страны», прогресс есть и существенный. Но статистика — дама коварная. Всё зависит от того, как считать...

Путин сообщил о том, что у нас сокращается уровень безработицы. Но не говорит, что Россия — это единственная страна в мире, где существуют работающие нищие. По словам вице-преьера Ольги Голодец, оплата труда на уровне МРОТ создает работающих бедняков и не обеспечивает должной производительности труда. «Я обращаю ваше внимание, что на уровне минимального уровня оплаты труда у нас в экономике работает 4 миллиона 900 тысяч человек. Коллеги, о какой производительности труда можно говорить, если человек за месяц своей работы получает такие деньги?» — сказала Голодец.

По ее словам, более разрушительного воздействия на экономику страны, чем бедность работающего населения, не оказывает ни один другой фактор. Причем если такой период длится десятилетиями, а за 20 лет правления Путина так оно и было, то на выходе мы имеем целое поколение людей, у которых не работает механизм мотивации — его просто нет.

Еще один фактор, о котором первые лица в России умалчивают. Это — детская бедность. В 2014 году уровень детской бедности в РФ составлял 20,7%. В 2015-м этот показатель резко вырос — до 27,4%. По данным Росстата, в 2019 г. 26% семей с детьми жили за чертой бедности, т.е. более четверти российских семей! Особенно остро проблема бедности

детей стоит в сельской местности (по итогам 2017 года — 45% детей) и в многодетных семьях (52,2% детей в таких семьях растут в бедности). Уровень бедности среди детей в два раза превышает показатель бедности в целом по стране! В июне 2019 г. вице-премьер Татьяна Голикова сообщила, что 51% родителей с несовершеннолетними детьми находится за чертой бедности. По ее словам, эта проблема наблюдается во всех российских регионах.

Директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХ и ГС Татьяна Малеева отмечает, что детская бедность формирует так называемую ловушку нищеты. Когда дети растут в условиях дефицита, они не получают достойного образования, полноценного медицинского обслуживания и других услуг. Следовательно, в будущем они могут стать аутсайдерами на рынке труда. Сколь лицемерно на этом фоне звучат выступления дежурных ораторов из «Единой России» на тему «Дети — наше будущее»!

Кто же отбирает это будущее у наших детей и у граждан России в целом? К середине 2019 года в России насчитывалось 246 000 долларовых миллионеров, хотя еще год назад их было 172 000. В то же время число долларовых миллиардеров в России увеличилось с 74 до 110 человек. Россия стала второй в мире страной по числу миллиардеров, уступив первенство лишь США. В списке богатейших людей планеты фигурируют 87 россиян. По данным Credit Suisse, на долю 10% самых богатых россиян приходится 83% суммарного объема личного благосостояния жителей страны. Этот показатель выше, чем в США (76%), где наблюдается один из самых высоких уровней концентрации богатства среди развитых стран. По данным экспертов Credit Suisse, по этому показателю Россия также опережает Китай. Там на долю 10% самых обеспеченных граждан приходится 60% личного благосостояния всей страны (см. Клара Минак. Число долларовых миллионеров в России увеличилось на 43% за год. Forbes, 21.10.2019).

Помимо этих 10% российских богачей, которые, кстати, имеют, как правило, по два-три гражданства, банковские счета и собственность за рубежом и регистрируют свои фирмы не в России, а в офшорах, к самым обеспеченным гражданам относятся и высшие российские чиновники, депутаты Федерального собрания и другие «слуги народа».

Зарплаты топ-менеджеров вполне сопоставимы с доходами некоторых федеральных чиновников. Вопиющими показателями в этом плане было отмечено правительство Д. Медведева, которого, по словам Путина, «просто переместили на

другую работу». А ведь это давно пора было сделать, но почему-то у Путина до этого руки никак не доходили, хотя о царившей при Медведеве в Белом доме коррупции не говорил только ленивый. Так, годовой доход самого богатого члена его правительства, ныне сидящего в тюрьме министра по делам «Открытого правительства» Михаила Абызова в 2015 году составил 455,6 млн. руб. Были среди коллег Абызова и другие, теперь ушедшие в отставку мультимиллионеры, у которых никто так и не спросил: «А откуда дровишки?»

С 2012 г. журнал Forbes ежегодно публикует свой рейтинг 25 самых дорогих топ-менеджеров. Высшие строчки в нем традиционно занимают руководители госкомпаний («Газпром», «Роснефть», ВТБ, РЖД и «Транснефть»). Доходы некоторых из них, прежде всего друзей Путина по питерской мэрии и кооперативу «Озеро», поражают воображение. Так, по данным Forbes, председатель правления «Газпрома» А. Миллер получил в 2015 г. общую сумму вознаграждений в 78,3 млн. дол., что при курсе 70 рублей за доллар составило бы 5 млрд. 481 млн. рублей. Немного меньше Forbes насчитал у руководителя «Роснефти» Сечина — 53,1 млн. дол. (Сечин эту цифру обжаловал в российском суде и иск у русского отделения Forbes выиграл). В первую пятерку миллиардеров на госслужбе также вошли: шеф Сбербанка Г. Греф — 47,8 млн. дол., шеф «Интер-РАО» Б. Ковльчук — 13,3 млн. дол. и руководитель «Транснефти» Е. Токарев — 3 млн. долларов.

Если сравнить доходы руководителей крупнейших корпораций США с доходами глав российских госкорпораций, то станет ясно, что российские суперменеджеры им дают 100 очков вперед. По данным исследования компании Equilar, средний годовой заработок топ-менеджеров 100 крупнейших компаний США по итогам 2015 года достигал 14,5 млн. дол. (883 млн. руб. в пересчете по среднегодовому курсу доллара в 2015 году).

Отметим, что российские богатеи, как миллиардеры от бизнеса, так и от госслужбы, платят всего лишь 13% налога со своих супердоходов — столько же процентов, сколько со своей зарплаты отдает государству рядовой труженик, едва сводящий концы с концами. И когда Ванденко прямо в лоб задал вопрос Путину, нормально ли то, что некоторые топ-менеджеры в РФ получают до 1 млн. рублей в день, тот признал, что это его «коробит», но принялся оправдывать сие очевидное безобразие в нашей нищей стране тем, что госкомпаниям приходится нанимать очень дорогих иностранных специалистов и платить им высокие оклады, а руководителям госкорпораций вроде бы как неудобно перед ними получать меньше.

Отвечая на вопросы корреспондента ТАСС, Путин сказал: «Первичный источник власти — это народ. Я говорю без рисовки без всякой. Для меня это очень важно. Мне очень важно чувствовать, понимать, чего люди хотят. Это принципиальный вопрос».

Можно было бы, Владимир Владимирович, давно понять самое очевидное: люди хотят жить, как люди, по-человечески, но за 20 лет вашего пребывания у власти вам так и не удалось этого добиться!

Причина фиаско Путина очевидна. С самого начала его прихода к власти интересы 10% населения в лице самых богатых россиян были поставлены им неизмеримо выше интересов остальных 90%, которые оказались в результате в столь жалком и унижительном положении. И за все 20 лет нахождения Путина у власти этот подход не претерпел никаких изменений. Объективно его интервью с Ванденко это подтверждает — хотели того руководители агентства ТАСС или нет. Как при Ельцине, так и при Путине все предложения о введении прогрессивного налога были провалены. Пример Франции, где ввели налог на богатство или налог солидарности на состояние, который ежегодно взимается во Франции с физических лиц, чье налогооблагаемое имущество стоит более 1,3 млн. евро (около 1 млрд. рублей), в Кремле проигнорировали, как и практику прогрессивного налогообложения в других странах. В результате ни «цивилизованного» капитализма, как в Западной Европе, ни государственного, как в Китае, в России создать не удалось. Сварганили капитализм олигархический, грабительский и репрессивный. И вместо того, чтобы хоть как-то поставить этих хищных китов под контроль государства и хотя бы заставить их не взвинчивать цены на бензин, как при росте цен на нефть, так и при их падении, им государство и лично Путин только потакают. Типичный тому пример — нефтяной гигант «Лукойл».

В разговоре с Ванденко Путин по старой памяти даже упомянул эту компанию как концерн с госучастием. Однако напомним: еще в 2004 году «Лукойл» окончательно стал частной компанией, а оставшиеся у государства 7,59% акций компании были проданы американской нефтяной компании Conoco Phillips за 1,988 млрд. дол. По мнению некоторых комментаторов, результаты открытого аукциона по продаже этого пакета акций были predeterminedены еще заранее, в ходе личной встречи президента Владимира Путина и президента Conoco Phillips Джеймса Малвы. После аукциона «Лукойл» и Conoco Phillips объявили о создании стратегического альянса. Позднее американская компания увеличила свою долю

участия в капитале «Лукойла». Результат для России — цены на бензин и дизельное топливо у «Лукойла» самые высокие в стране. И чья эта компания по сути дела — наша или уже американская?

Было бы, конечно, несправедливо сказать, что Путин ничего не делал для того, чтобы изменить положение вещей к лучшему. Он всё время ездил по стране и чуть ли не каждый день проводил совещания со своими подчиненными, работал много и упорно, «как раб на галерах» — по его собственной характеристике. Не скажу, что воз и ныне там, но он продвигается непростительно медленно, так медленно, что по основным экономическим и другим показателям Россию обгоняют даже вчерашние развивающиеся страны. Почему же так?

Конечно, первопричина — это потакание крупному капиталу и компрадорской буржуазии, заинтересованной прежде всего не в развитии, а в ограблении России. Но и с Путина нельзя снять ответственность за происходящее в стране. Анализируя многие его решения и указания, приходишь к выводу, что он нередко принимает желаемое за действительное, так как исходит из того, что он всегда прав. В этом есть свои когнитивные ловушки. Принятие желаемого за действительное, т.е. формирование убеждений и принятие решений в соответствии с тем, что является приятным человеку, вместо апелляции к реальности и фактам, мешают адекватному восприятию действительности. И, как считают бихевиористы (специалисты по поведению), в результате этого человек как бы сам начинает творить действительность. Некоторые психологи утверждают, что позитивное мышление может в результате такого подхода положительно влиять на поведение, и, следовательно, позволять достичь лучших результатов. Это называется «эффект Пигмалиона». Особо опасен такой «эффект» на высших уровнях власти. Мы наблюдаем это на примере реализации нацпроектов в России и в излюбленных сюжетах российского телевидения о тет-а-тет-отчетах госчиновников Путину в Кремле. За все 20 лет существования этого тележанра мы ни разу не услышали от приглашенного в Кремль гослица что-нибудь вроде «дела у нас из рук плохи! Не знаем что делать!» Всё происходит с точностью до наоборот. Стоит Путину начать разговор с очередного ценного указания, как госчиновник тут же отвечает ему «Уже сделано!» или «Принимаем меры. Все Ваши указания будут исполнены». Сплошной позитив. Но, отрапортовав президенту, чиновник, придя в себя от шока после вызова на ковер, вновь впадает в привычный анабиоз и палец о палец не хочет ударить, чтобы выполнить весьма дельные указания первого

лица. Особенно, если он не работать пришел на государственную должность, а обеспечивать благополучие себе, своим детям и внукам на годы вперед. В этом легко было убедиться во время наводнения в Иркутской области в 2019 г. Все заверения в том, что «всё быть сле», оказались липой. Путин приезжал и убеждался, что там еще и конь не валялся, а пострадавшие от наводнения люди живут в жутких условиях без всякой надежды получить какое-то жилье. Он приезжал второй раз и третий, пока не убедился, что местное руководство надо менять. И так ведь практически везде.

Искусство выдавать желаемое за действительное у Путина могут поучиться все кремлевские телепропагандисты — от Соловьева и Скабеевой с Поповым до Шейнина и Никонова с его Саймсом. Вот ведь сумел Владимир Владимирович с помощью «нормативов Мирового банка» обнаружить в России средний класс, о чем он и сообщил в интервью Ванденко. Цитирую: «По методике Мирового банка в каждой стране получается свой средний класс. Он у нас есть. Наша задача в том только заключается, чтобы укреплять этот средний класс. Есть соответствующая методика Мирового банка. Она заключается в том, что средний класс считается по количеству домохозяйств, людей, доходы которых в полтора раза больше, чем минимальный размер оплаты труда. У нас таких... МРОТ 11 280 руб., по-моему, в этом году — так, а средняя зарплата гораздо выше. У нас таких достаточно много — уверен, свыше 70%». Тут Путина явно подставили его помощники, ибо в определении критерия среднего класса Всемирный банк (он же — Мировой) никак не мог оперировать показателем МРОТ в РФ, а исходил из реальных цифр тех стран, где, действительно, существует средний класс в адекватном понимании этого термина.

Так, в США МРОТ составляет 1878 дол. в месяц, во Франции — 1521 евро, в ФРГ — 1557 евро, а в России всего 133 евро в месяц. И если наш средний класс живет на МРОТ, который в 10 раз меньше МРОТ на Западе, то это не средний класс, а беднота беспросветная.

На государственном уровне «эффект Пигмалиона» может обернуться весьма нежелательными последствиями. Но вот ведь какая штука. Утверждать ради достижения этого эффекта то, что не соответствует действительности, ведет к недоверию к автору таких заявлений. А стремление президента РФ выдать желаемое за действительное распространяется не только на нашу и международную действительность, но и на историю. После того как Путин в прошлом году объяснил всем нам, что русский народ своим происхождением обязан

хазарам и евреям из Хазарского каганата, в интервью корреспонденту ТАСС он, полемизируя с украинскими националистами, заявил, что «восточные славяне до XIV—XV вв. проживали на территории Речи Посполитой и считались русскими». Но Речь Посполитая была создана лишь после подписания Люблинской унии в 1569 году, т.е. веком позже. Можете себе представить, как такому ляпу порадовались наши недруги в Польше.

Плохое знание истории (в академии КГБ, видимо, ее изучали поверхностно, если изучали вообще) не раз подводило Путина, равно как и его уверенность в том, что он всегда прав. В интервью ТАСС вновь проявилась его манера доказательства от противного, к которой он неизменно прибегает, когда речь заходит о несогласной с ним молодежи или о политической оппозиции как системной, так и несистемной: «А вы что, хотите, чтобы и у нас машины жгли, как во Франции?» — парирует он попытку Андрея Ванденко выяснить, почему с такой жестокостью Росгвардия расправилась с участниками несанкционированного митинга протеста против подтасовок при выборах в Мосгордуму. Для Ванденко этот «аргумент» прозвучал, как удар росгвардейца дубинкой по голове. Видимо, неспроста в ТАСС решили досрочно прервать проект «20 вопросов Путину» после того, как прошло по Интернету и телевидению 17 серий его ответов. Сообщили, что остальные три будут показаны в спецфильме об этом интервью. Но в соцсетях истолковали отказ ТАСС от дальнейших бесед с президентом в прямом эфире тем, что «Путин нес такую пургу, что продолжать дальше эти интервью признали контрпродуктивным».

Как бы то ни было, уже из того, что мы увидели, стало ясно, что симпатии президента России не на стороне народа, а на стороне олигархов, хотя он и пытался заверить нас в обратном. И поэтому после его интервью, в ходе которого он то и дело выдавал желаемое за действительное, осталось куда больше вопросов, чем мы получили ответов. Печально всё это.

ПОСТУПОК

ПОВЕСТЬ

1

В полдевятого она вышла из подъезда, и Гордей сразу узнал ее, хотя в последний раз они виделись двадцать один год назад, когда ей было семь лет, а ему двенадцать. Довольный, что не пришлось долго ждать, он проводил ее взглядом до угла этого девятиэтажного дома, а потом выбрался из трактора, сооруженного из разноцветных лакированных дощечек и реек на детской площадке, и пошел за ней, держа за лямки свою большую синюю дорожную сумку. Он был в хорошем настроении, которое навело теплое августовское утро, предвещавшее и теплый солнечный денек. А еще Гордей испытывал легкое приятное волнение, чувствуя, что угадал всё правильно, хотя, конечно, рано еще было что-либо утверждать, но когда он смотрел на нее, стройную, светловолосую, с простой прической (волосы стянуты в узел на затылке), одетую в ладно сидящий бежевый костюм, он все-таки ощущал полное совпадение того, что представлял себе о ней, нынешней, с тем, что видел сейчас.

Она шла, покачивая коричневой сумочкой, неторопливо, вроде даже

ПРОЗА

и нехотя, как идут туда, где ничего отрадного не ждет. Подходя к остановке, ускорила шаг и вошла в переднюю дверь подошедшего автобуса. А он, подбежав, вскочил в заднюю и, заплатив за проезд, стоял в шуме двигателя рядом с сидевшим на своем месте молодым и атлетически мощным кондуктором, стараясь не потерять ее из вида в толпе. Она вышла в Привокзальном поселке, он тоже вышел и вновь пошел за ней. И следом за ней вошел в стеклянную дверь службы занятости Ленинского района, что располагалась на всем первом этаже пятиэтажного дома. А когда она заняла очередь и села в ее конец на одну из скамеек у стены фойе, подошел к ней и спросил:

— Кто последний?

— Вам к Ивановой? — медленно подняла она на него взгляд.

— Да...

— За мной будете.

— Хотя я точно не знаю, — сказал он, присаживаясь рядом с ней. — Может, мне к кому-то другому. Как это определить?

— Сначала к оператору, — указала она вялым жестом руки в дальний угол фойе, где у стеклянной стены, сквозь которую видна была улица, сидела за столом девушка в черной безрукавке и белой блузке и разговаривала с молодым взлохмаченным парнем, весь вид которого так и кричал о недовольстве жизнью.

— Ага, — сказал Гордей, с удивлением глядя на парня. И перевел взгляд на нее: — А потом что?

— Пройдете все этапы, встанете на учет...

— Значит, те, кто в этой очереди, все на учете?

— Разумеется.

— И вы тоже?

— К сожалению.

— Давно?

— Мне уже кажется, всю жизнь, — грустно улыбнулась она. И сидела неподвижно, глядя перед собой. А Гордей в этот момент, украдкой разглядывая ее лицо, понял, почему сразу узнал ее: она была очень похожа на свою мать, которую он хорошо помнил именно в этом возрасте, тогда ее матери было столько же, сколько ей сейчас — двадцать восемь.

— По-моему, вам надо отдохнуть, — пошел он в атаку. — Ну, просто отойти от всяких неприятных мыслей, развеяться... Предлагаю сходить сегодня со мной в ресторан.

— Ну, вы даете! — изумленно посмотрела она на него. — У вас просто какая-то пещерная бесцеремонность!

— Но я же с душой...

— Исключено!

— Да просто отдохнуть, поужинать...

— Мне отдыха не надо, — тихо сказала она, чуть приближаясь к нему, явно не желая, чтобы слышали безработные, сидевшие по другую от нее сторону. — У меня и так сплошной отдых. Мне нужна работа, а не отдых. Идите к оператору!

— Понял, — кивнул Гордей и, помолчав, тихо сказал: — Но вы подумайте. Может, мы еще встретимся...

— Вряд ли.

— А вдруг?

— Ничего не изменится.

Гордей беззвучно засмеялся и, доставая из кармана пиджака сотовый телефон, сказал:

— Не может не измениться. Потому как жизнь сама по себе постоянно меняется... Ого, время-то! — взглянул он на экранчик телефона, тут же сунул его обратно в карман и сказал ей с улыбкой: — Ну что ж, удачи вам. И все-таки, — многозначительно поднял он указательный палец. — Мне думается, мы еще встретимся.

И, взяв за лямки свою сумку, встал со скамейки и быстро пошел через фойе к стеклянной двери, вышел на улицу и направился к автобусной остановке. Он был доволен разговором с ней, и когда ехал в автобусе, вспоминал его во всех подробностях, до последнего слова. А ехал он назад, в тот дом, из которого недавно вышла Анна Епифанова, только что так нелюбезно поговорившая с ним.

2

Тем временем ее двадцатилетний брат Иван Епифанов готовил ограбление. Весь план он уже разработал, оставались некоторые детали, и он обдумывал их, сидя в своей комнате. За плечами Ивана было одиннадцать лет учебы в школе, год службы в железнодорожных войсках и три безуспешных попытки поступить на юридический факультет университета на бюджетной основе. Платное обучение было доступно, но только не для него: платить было нечем. А учиться Ивану ой как хотелось. Почему на юридическом? Это была его мечта со школьных лет, ею он загорелся в седьмом классе после одного случая. Однажды на перемене к нему в класс пришел его друг Андрей Фролов. Он учился классом старше, но они жили в одном подъезде, дружили с дошкольных времен, постоянно пропадали в гостях друг у друга, в общем, были неразлей вода. Андрей пришел показать Ивану новый детектив, который принесла ему почитать одноклассница, и они

стояли в проходе среди столов и разговаривали в обычном школьном шуме, Иван листал книгу... И вдруг у доски возникла потасовка между двумя ребятами. Андрей, не любивший ссор и драк, подошел к ним, стал разнимать, да одного толкнул посильней, чем следовало, и тот упал на учительский стол. Раздался девчачий смех, Андрей с досадой сказал Ивану: «Пойдем отсюда». И они вышли в коридор. Андрей кого-то увидел в толпе школьников, окликнул, заулыбался, помахал рукой в знак приветствия и начал что-то говорить сквозь шум. А через несколько секунд из класса выбежал паренек, которого он толкнул, бросился на него в ярости и с такой силой ударил по ребрам, что Андрей, хоть и был старше и крупней, согнулся пополам от боли. Но тут же разогнулся, мгновенно впадая в не меньшую ярость, и с размаху саданул паренька кулаком по лицу. Удар пришелся в глаз. Вадик, так звали этого паренька, взвыл, закрыл лицо руками и убежал обратно в класс. На том вроде бы всё должно было и закончиться, но на другой день в школу вместе с Вадиком пришел его отец, известный в городе фотокорреспондент областной газеты, и стал жаловаться классному руководителю, что сыну его так сильно испортили внешний вид накануне новогодних праздников, что ему и на люди стыдно показаться. И действительно, у Вадика под глазом красовался огромный синяк, который он постоянно прикрывал рукой. И Андрея потащили к директору. Он пытался доказать, что Вадик сам виноват, ведь он первый ударил его. Но ему не верили. Да и как было поверить: на лице-то у Андрея никаких следов побоев не было. И директор постановила: лишить Андрея поездки с классом на зимние каникулы на турбазу в сосновый бор. Классный руководитель уговаривала директора не наказывать его столь сурово, но бесполезно. Андрей очень сильно расстроился: он так хотел покататься в бору на лыжах! Иван, как мог, старался успокоить друга, когда они сидели у него дома, и всё думал, чем же ему помочь. И вдруг вспомнил, как Андрей перед той короткой дракой в коридоре с кем-то поздоровался. И спросил Андрея, кто это был, кого он там увидел. Андрей не сразу, но вспомнил. Это была Таня Ершова, ученица параллельного класса, ее мать дружила с матерью Андрея (они вместе работали на почте) и часто приходила к ним с Таней. На следующий день Иван зашел к ней в класс и спросил, не видела ли она драку, из-за которой наказали Андрея. Таня ответила с огорчением, что видела и что ей жалко Андрея: наказывать надо не его, а Вадика... «А вот Галя записала на телефон, — кивнула Ершова на стоявшую рядом одноклассницу. — Хотела меня подколооть: смотри, мол,

как мальчики тебя обожают... Галя, покажи-ка!» И Галя показала запись, где хорошо было видно, и как Андрей машет Тане рукой, приветливо улыбаясь, а потом что-то ей говорит, и как он, морщась, сгибается от удара, который наносит ему по ребрам выскочивший из класса разъяренный Вадик, и как Андрей, не помня себя от боли, бьет его в ответ... «Сбрось на мой телефон», — попросил Иван Галю, а потом пошел к классному руководителю Андрея и показал ей эту запись. «Всё понятно, — вздохнула она. — Пойдем!» И они пошли к директору, и та, посмотрев запись, крепко сжала Ивану локоть: «Молодец! Доказал. Повезло Андрею, что у него такой друг», — а классному руководителю сказала: «Андрей может ехать со всеми на турбазу. А с Вадиком и его отцом я сама поговорю...»

Никогда еще Иван не испытывал такой радости — она бушевала в нем, распирая грудь, когда он выскакивал из директорского кабинета. Эта радость крепко запомнилась ему, как и радость, засветившаяся на лице Андрея, когда он сказал ему, что никакого наказания не будет. Андрей закричал: «Ура-а!» — и обхватил Ивана, и приподнял его, продолжая кричать; а Иван, смеясь счастливым смехом, подумал: до чего это, оказывается, здорово, — защитить человека! И сказал себе: «Всегда теперь буду защищать людей!» И тут же решил, что вообще сделает это своей профессией, станет адвокатом.

Он никому не сказал об этой своей неожиданно родившейся мечте, подумав: а вдруг она со временем исчезнет, как исчезали многие другие, так же неожиданно рождавшиеся мечты. Но эта мечта не исчезла, оно жила и жила, поселившись в нем настолько прочно, что он постоянно только и думал об этом, испытывая просто физическую тягу к чтению книг по правоведению, и в основном только их и брал в библиотеках. Он старался не пропускать ни одной телепередачи, в которых показывали судебные процессы. Его тянуло в городские залы суда, и он побывал почти в каждом из них, и ходил на суды всё чаще. К одиннадцатому классу он знал в этой области очень много. Оставалось только расширить знания и придать им профессиональную огранку, получив университетское образование. Но тут возникло препятствие, преодолеть которое он не мог: вступительные экзамены. Ивану было непонятно, почему он не выдерживает их, почему его имени не оказывается в списках принятых на бюджетной основе. Когда он не поступил в первый раз, сразу после одиннадцатого класса, то подумал, что сделал какие-то ошибки в диктанте или написал неправильные ответы в тестах. А ког-

да его не приняли на бюджет во второй раз, уже после армии, где он всё свободное время готовился к этим злосчастным экзаменам, он почувствовал, что его просто прокатили: сдал-то всё отлично, должны были принять... Он ходил в приемную комиссию, ходил к декану юридического факультета, к преподавателям, просил, чтобы ему показали его проверенные работы, говорил, что с юридической точки зрения он прав, и ему, раз он сомневается, должны доказать, что он не имеет права учиться на бюджетной основе. Но над ним только посмеялись.

И вот уже в третий раз его постигла неудача. Выходя из здания университета после того, как узнал, что опять не принят на бюджет, он чувствовал себя в тупике. У него было ощущение, будто он держит метлу, да не просто сжимает черенок, а черенок этот намертво прирос к рукам, так что и отодрать невозможно, и никогда ему уже с метлой не расстаться. Ощущение было более чем мотивировано, ибо работать ему приходилось дворником. И никаких других перспектив кроме как продолжать мести улицу, впереди уже не виделось. Он понял, что если и на следующий год будет поступать на юрфак, его не примут, как бы безукоризненно он не сдал экзамены, что против него стоят неведомые силы, которых ему не одолеть. И единственный путь к незаменимому для него образованию — платное обучение. Но об этом даже не думалось. Вообще ни о чем не думалось. Он шел, чувствуя себя пустым. Пусто было в голове, пусто на душе. Он сел в первый попавшийся автобус, даже не посмотрев его номер, и сидел в нем со своей опустошенностью, пока не проехал через весь город почти до вокзала, и там, сам не зная зачем, вышел, хотя удобней было бы до вокзала и доехать, а уж оттуда — домой, на маршрутке. Но он и об этом не думал, он пошел наугад, через проспект по пешеходному переходу, потом перешел через трамвайные рельсы, и пошел по проспекту вдоль высоченных серых зданий, и там по пути стали один за другим попадаться банки. Он зашел в один из них, опять же не зная зачем, может быть, подсознательно понимая, что это — хранилище его единственно возможного спасения. С видом мрачно скучающего бездельника Иван прошелся возле нескольких матово-зеленоватых стеклянных дверей касс, и за одной из них, странным образом недоприкрытой («Будто специально для меня», — думалось ему потом), в довольно широкую щель увидел пачки долларов, несколько штук, одна за другой выскользнувших из руки кассирши в стеклянное окошко и тут же подхваченных рукой стоявшего у окошка человека и бережно уложенных в кейс; и уже проходя мимо

той двери и бросая взгляд на висевшее впереди на стене черное табло с горящими красными огоньками с курсами валют, Иван мгновенно произвел в уме необходимое арифметическое действие, и оказалось, что двух таких пачек с лихвой хватило бы на решение его так безысходно гнетущей проблемы. Он повернул назад и увидел, как из кассы вышел довольно молодой, наголо стриженный, среднего роста плотный человек с кейсом; и пошел за ним, скорей повинуюсь понесшим его ногам, чем управляя ими. Выйдя из банка, обладатель кейса прошел по проспекту до ближайшей улицы, свернул на нее и сел в стоявшую на парковке машину, какую-то иномарку. А Иван вскочил в свободное такси, которое выруливало откуда-то со дворов («И это будто специально для меня», — думал он потом) и попросил таксиста ехать за той иномаркой.

— Шпиона, что ли, ловишь? — засмеялся таксист, седоволосый, но с молодыми, весело блестящими глазами и сахарно-белыми зубами.

— Нет, — серьезно ответил Иван. — Личные дела. Соперник. Девушку уводит.

— О-о, это дело тако-ое... — покачал головой таксист. — Убивать его, надеюсь, не собираешься?

— Ну что вы!

— Смотри-и, — посмеивался таксист. — Так уж и быть, помогу тебе...

Дальше ехали молча. Глядя на иномарку, преследуемую по всем правилам тайной погони — так, чтобы сидящий в ней не заподозрил, что его ведут, — Иван мало-помалу осмысливал ситуацию, в которую вогнал себя в общем-то бессознательно: сказала опустошенность в сочетании с готовностью хвататься за любую, пусть самую хилую надежду, — но теперь опустошенности не было, ее сменила довольно-таки сумбурная наполненность разными противоречивыми чувствами и мыслями, первая из которых: попросить таксиста остановить машину, расплатиться и выйти. Но это было как-то уже неудобно, не хотелось, чтобы таксист принял его за идиота, да и начатое дело он привык доводить до конца. В общем, решил проследить до упора, а там будь как будет.

Обладатель кейса приехал в частный сектор городской окраины рядом с Новоселовкой, родным микрорайоном Ивана, и остановился у двухэтажного каменного дома, почти коттеджа, огороженного железным забором. Иван рассчитался с таксистом, который остановил машину умело, скрытно, в переулочке рядом, откуда дом обладателя кейса был виден, но тот их видеть не мог. Когда таксист уехал, Иван

постоял у штакетника, посмотрел в просвет между яблоньками, как обладатель кейса открывает ворота и загоняет во двор машину. А когда он закрыл ворота, скрывшись во дворе, Иван вышел из переулка, медленно прошел мимо этого «почти коттеджа», осматривая его, и подошел к старушке, сидевшей чуть дальше, на скамеечке у калитки старого деревянного дома по ту сторону улицы. Он поздоровался и спросил:

— Не подскажите, можно ли в этих домах у кого-нибудь снять комнату?

Старушка, не переставая шустро шелкать семечки, живо взглядывая на Ивана из-под надвинутого на брови коричневого платка, плотно облежавшего голову и завязанного сзади, отвечала:

— Нет, здесь никто не сдает. Я тоже не сдаю. Мне и негде сдавать, у меня два внука живут с семьями. Может, там где, подальше...

— А в этом доме? — указал Иван на дом обладателя кейса.

— У Сидоркина-то? Да нет, он, наверно, не сдаст. Хотя я его мало знаю. Он всего года два, как этот дом для себя одного построил...

— И живет один?

— Один, оди-ин, даже собаки нет. И никогда я не видела, чтобы к нему кто-то пришел.

— А кто он, этот Сидоркин? Чем занимается?

— Вроде у него какой-то бизнес. Даже он какой-то у них вроде председатель, у этих-то, бизнесменов... А вы зайдите к нему, он только сейчас вот приехал...

— Бесплезно, — махнул рукой Иван. — Пойду, поищу дальше. Спасибо вам.

И пошел, на ходу оглянувшись и отметив, что фонарь здесь почему-то всего один — вот у этого дома, где сидит старушка. Значит, в темное время суток дом Сидоркина освещен плохо, а может, и вообще не освещен, может, свет этого фонаря до него даже и не доходит, так что можно с той стороны от ворот перемахнуть через забор ни для кого не видимым. А если еще учесть результаты только что проведенного краткого, но внимательного осмотра, из коего следует, что в этом «почти коттедже» нет камер видеонаблюдения и нет сигнализации, раз нет ни одного идущего к нему извне провода, и плюс к этому учесть, что во дворе, по словам старушки, нет собаки, то получается, что доступ к двум способным решить его судьбу пачкам долларов довольно-таки легок, может быть, так же легок, как доступ к прайсам, обычно лежащим на столиках или в проволочных стеллажиках в банках — правда,

это в том случае, если у Сидоркина нет сейфа, что, судя по его непредусмотрительности, вполне возможно: он, не исключено, держит валюту где-нибудь в столе или в шкафу. Но даже если и есть сейф, его может открыть сам Сидоркин — под стволом нацеленного на него пистолета...

Вот какие мысли бродили в голове Ивана, пока он шел на остановку, и сначала они представлялись ему бредовыми, он смеялся над ними и над собой, слегка жалея себя: до чего довела эта жизнь! — но постепенно в его сознании из сонма всех этих мыслей как-то сама собой стала проступать вовсе не бредовая концепция выхода из ситуации именно с помощью финансов Сидоркина, и ему уже было не до смеха. Возникли еще некоторые сомнения, но он в конце концов решительно отмел их и начал обстоятельно всё продумывать.

Это было два дня назад. А сегодня в тумбочке письменного стола Ивана уже лежал пистолет, не настоящий, купленный в магазине детских игрушек, но на вид ничем не отличавшийся от настоящего, и черная шапочка, которую можно было натянуть на голову до горла; он уже сделал в ней прорезы для глаз и рта.

Перед ним на столе лежал листок бумаги с написанным сверху адресом Сидоркина — улица Завалихинская, 42 — и нарисованным ручкой видом сверху его дома и двора. Иван раздумывал сейчас, откуда всё-таки лучше войти в дом. Через забор-то он перелезет, конечно, в наиболее темном месте, как подумал еще там, оглянувшись на дом сразу после разговора со старушкой; но сейчас особенно важным для него было то, что он успел увидеть, как Сидоркин открывает видневшееся над железным забором окно второго этажа своего «почти коттеджа». Значит, вполне возможно, открытым может оказаться и какое-нибудь окно первого этажа. И надо будет тихонько обойти дом, уже в своей маске-шапочке на голове, найти это окно и влезть в него. Если же открытым будет только окно второго этажа, — найти способ, как влезть в него: что-то подставить или просто забраться по окну первого этажа, там невысоко. А если все окна окажутся закрытыми, то ничего не останется, кроме как разбить окно первого этажа и ворваться... Главное — стремительность и натиск...

Но не странно ли, что этот преступный план разрабатывал человек бесконечно далекий от преступности, никому не причинивший зла за все свои без малого двадцать один год (через девять дней исполнится), человек доброй и чистой души, одно только добро и желавший нести всегда людям? Как же он мог решиться на такое? Дело в том, что Иван вообще-то и не решился. И свою концепцию выхода из ситуации преступной

не считал. Потому что деньги он собрался не отнять у Сидоркина, а... взять в долг. Не попросить, а именно взять. Почему же не попросить? Думал он и об этом, представлял даже, как придет к нему, объяснит всё и попросит в долг. И сразу возникла перед глазами картина вежливого отказа: дескать, самому нужны, именно сейчас. А ведь и в самом деле, не спроста же он снял их с валютного счета, где они могли спокойно лежать да лежать в безопасности. В общем, Иван решил не попросить в долг, а «взять». Ошеломив Сидоркина наставленным на него пистолетом, он потребует две пачки, только эти две необходимые ему пачки долларов, а перед тем, как уйдет с ними в руках, скажет, что со временем обязательно вернет их ему, и даже с процентами. И тут у него тоже был свой план: поступив в университет, он уже где-нибудь на втором курсе начнет выполнять какую-нибудь работу в судах (ни в коем случае не бросая работать дворником), возможно даже — если доверят — практиковать в качестве адвоката, а потом, постепенно осваиваясь, расширять сферу деятельности, чтобы вуз окончить не просто молодым специалистом, а полностью сформировавшимся профессионалом, и после получения диплома сразу начать работать на всю мощь, с высоким заработком, который и позволит быстро и с лихвой вернуть долг Сидоркину.

Было, правда, что-то такое во всём этом, что довольно ощутимо отягощало ему душу, но в чем признаваться себе он не хотел — не хотел и думать об этом и не думал, отгоняя эти, как он считал, ненужные мысли, если они вдруг начинали подступать и назойливо вертеться в мозгу. И упорно продолжал разрабатывать свой план. А теперь уже и заканчивал с ним, оставалось только помозговать, как лучше уйти, в какую сторону рвануть, чтобы в случае чего и с собаками не смогли отыскать, и он внимательно разглядывал на мониторе компьютера нужную ему часть карты города... Наконец, всё было продумано. Он быстро и несколько даже нервно откинулся на стуле, взлохмачивая обеими пятернями свои светлые волосы и чувствуя себя в общем-то готовым выполнять, что называется, поставленную перед собой задачу. В успехе он не сомневался. Но подумал, что идти одному, без поддержки и подстраховки, все-таки чересчур рискованно. Надо бы взять кого-нибудь с собой. А кого он мог взять? На кого мог положиться, как не на своего друга Андрея? Решено, берет его. Сегодня Андрей дома, отсыпается после суточного дежурства. Да уже, наверное, и отоспался, он никогда не спит долго, мог бы и вообще не спать, потому что ночью спит на своей работе в охране. Итак, вперед, к нему!

Он встал из-за стола. И в это мгновение раздался звонок.

Иван вышел в прихожую и открыл дверь. За ней стоял незнакомый человек лет тридцати, одетый в темно-коричневый костюм и рубашку цвета топленого молока, ростом повыше среднего, то есть немного выше, чем Иван, с лицом как бы обветренным и вместе с тем не обветренным, а вроде немного передержанным на солнце, отчего покрывал его ровный легкий загар. Впрочем, лицо его было приятным, короткая стрижка на пробор темно-русых волос хорошо ему шла, а улыбка, ослепительная, радостная, какая может быть только в ожидании радостной встречи, располагала к нему, и Иван мгновенно ощутил внутри себя это расположение, как и ощутил подспудное желание, чтобы этот человек не оказался посторонним, не перепутал квартиры, а пришел именно к ним.

А он к ним и пришел, сразу понял Иван, как только этот человек, поздоровавшись, спросил:

— Виктор Федорович или Валентина Антоновна дома?

— Оба дома, — широко распахивая дверь, сказал Иван и крикнул: — Пап! Мам! К вам пришли! — и сказал гостю: — Заходите.

Он вошел. Иван закрыл дверь и включил свет в прихожей, а из своей комнаты вышли его родители, отец — возрастом под шестьдесят, с непричесанными и светлыми больше, пожалуй, от седины, чем от природной светлости волосами, одетый в пижаму, с очками в руках; и мать — тоже светловолосая, но еще без седины, явно моложе отца, одетая в костюм, взгляд на который мог навести на мысль, что она — учительница, как и было на самом деле: Валентина Антоновна преподавала рисование в школе. Сейчас, в летние каникулы, она работала в школьном лагере, два дня через два дня, и сегодня у ней был выходной. Пристально глядя на пришедшего, она тихо ответила на его громкое улыбочивое приветствие и так же тихо проговорила:

— Какое знакомое лицо...

А отец Ивана, надевая очки, степенно произнес:

— Здравствуйте. Что вы хотели?

Гость добродушно рассмеялся и сказал:

— Если вы, Виктор Федорович, посмотрите на меня повнимательней, то, я надеюсь, узнаете.

И тут же Валентина Антоновна обрадованно, и даже очень, закричала:

— Витя, да это же Гордей! Сын Васи Венцова!

На лице Виктора Федоровича нарисовалось большое удивление:

— Гордей?

И как только гость кивнул, он бросился к нему, обнял и быстро-быстро, со слезами в голосе заговорил:

— Гордей, родной ты мой! Как хорошо, что ты, наконец, приехал к нам... Как хорошо!.. Надолго? — отпрыгнув, но держа Гордея за плечи и глядя ему в глаза, спросил он.

— Навсегда. Хочу обосноваться в городе моего детства.

— Вот как? Что ж, прекрасно! Давай-ка твою поклажу... Давай, давай, давай, — выхватил Виктор Федорович за лямки из рук Гордея его большую синюю сумку и, согнувшись от ее тяжести, поставил к стене у двери. И, опять посмотрев Гордею в глаза, сказал: — А на Ваську-то, я гляжу, как похож!

— Вот и я говорю, — сказала, смеясь, Валентина Антоновна.

— Как же это я тебя сразу-то не узнал?!

— Так мне уже тридцать три! — отвечал со смехом Гордей. — А вы меня в последний раз видели, когда мне было двенадцать.

— О, времечко-то промахнуло!

— Нашего Вани еще на свете не было, — кивнула на Ивана Валентина Антоновна.

— Да, он родился сразу после того, как вы с Галиной уехали в Новокузнецк, — сказал Виктор Федорович и добавил грустно: — Без Васьки... Такая трагедия была! Первый инфаркт и... все... Как жалко мне Василия, дорогого моего однокашника! Он был у меня, Гордей, самым лучшим другом!

— Помню, Виктор Федорович, помню, какими друзьями вы были, — сказал Гордей и повернулся к Ивану: — Ну, здравствуй! Будем знакомы, — протянул он руку Ивану, отмечая про себя, что в отличие от Анны он похож не на мать, а на отца. И еще Гордей отметил, что у Ивана в жизни, по всей видимости, далеко не всё в порядке: уж больно он был напряжен, это чувствовалось и по рукопожатию, несколько как бы судорожному, и по его лицу, бледноватому в этом неярком электрическом свете: на нем блуждало беспокойство; оно и в глазах проглядывало — глаза его словно не в силах были подолгу задерживаться на каком-то одном предмете, быстро перескакивали на другой. Вот и на Гордея он смотрел не более секунды, а потом отвел, точнее, спрятал взгляд. «И чем же это, интересно, он так сильно встревожен?» — подумал Гордей. И смотрел, как Иван резко шагнул к двери на прозвучавший звонок. Он заметил, что лицо его при этом оживилось, но сразу и потускнело, как только он открыл дверь, за которой стояла миловидная хрупкая девушка. Она со светлой улыбкой смотрела на Ивана таким взглядом, каким смотрят на человека, по которому скучали.

— Здравствуй, Даша, дорогая! — сказал Виктор Федорович. — Заходи. Познакомься. Это Гордей Васильевич Венцов, сын нашего большого друга, к сожалению, покойного.

— Очень приятно, — сказала Даша, входя и подавая Гордею руку.

— А это — Даша Авдеева, — говорил Гордею Виктор Федорович. — Друг нашего Ивана, учится в медицинской академии.

— Вот как? — Гордей мягко, двумя руками пожал Даше руку. — И каким же врачом будете?

— Педиатром, — с той же светлой улыбкой ответила Даша. — А сейчас, на летних каникулах, работаю санитаркой в детской городской больнице.

— Где ее папа — заведделением, а мама — врач, — вставила Валентина Антоновна,

— У нас семейная династия, несколько поколений, — пояснила Даша. От взгляда Гордея не ускользнуло, что она косится на Ивана, при этом ее светлая улыбка становится еще и нежной. Иван же в ответ недовольно от нее отворачивался.

— Так! — спохватился Виктор Федорович. — А что это мы здесь стоим? Ты, Гордей, наверное, прямо с самолета?

— С поезда, — поправил Гордей. — Хотел сразу в гостиницу, да вот потянуло к вам...

— Какая гостиница! — вскричал Виктор Федорович. — О чем ты говоришь? Даже не думай! Бери свою сумку и неси сюда, — шагнул он к одной из дверей своей четырехкомнатной квартиры и толкнул ее, отчего дверь распахнулась, обнажив светлую чистенькую комнату. — Здесь моя мама жила, ты ее должен помнить.

— Помню, конечно.

— А теперь ты живи!

— Спасибо, — смущенно проговорил Гордей. — Мне только на несколько дней...

— Да хоть навсегда!

— Мне потом надо будет квартиру снять...

— Заноси сумку! И — на кухню, живо!

— Сейчас я, сейчас, — засуетилась Валентина Антоновна. — Всё приготовлю, время еще есть... Даша, ты будешь завтракать?

— Нет, спасибо, я же из дома...

— А ты, Ваня?

— Я уже и поел, и подмел, — ответил Иван и коротко и недовольно бросил Даше: — Пойдем ко мне. — И они скрылись в его комнате.

А Валентина Антоновна быстро ушла из прихожей, и пока Гордей вносил в комнату сумку и ставил ее на пол, принесла ему свежее постельное белье:

— Вот тебе, Гордей. Сейчас я застелю...

— Да я сам, спасибо!

Он взял белье, и она, улыбаясь, вышла. В этой комнате стояла большая кровать с блестящими никелированными спинками и панцирной сеткой, у окна стояли старенькие стол и стул, а сбоку от стола, за спинкой кровати, стояла советских времен стиральная машина «Сибирь». В комнате чувствовался дух запустения. Гордей мигом раскатал лежавший на кровати толстый рулон матраца, в котором оказались верблюжье одеяло и пуховая подушка. Быстро заправил одеяло в пододеяльник, а на подушку надел наволочку, плотно укрыл простыней матрац, и так же быстро заправил постель, взбив подушку и аккуратно положив ее у спинки конусом. Дух запустения не то что бы совершенно исчез, но комната приобрела более-менее обжитой вид. Гордей достал из сумки чем-то набитый большой белый полиэтиленовый пакет, занимавший не меньше половины сумки и явно составлявший львиную долю ее тяжести, и понес на кухню. Там у плиты уже хозяйничала Валентина Антоновна, а за ее спиной стоял Виктор Федорович и что-то ей говорил. Но он умолк, когда увидел, как Гордей кладет на стол пакет и выставляет из него одну за другой не меньше десятка стеклянных банок разной величины, от двухсотграммовой до трехлитровой. И чего только в них не было! И варенье, и повидло, и маринованные огурцы, и помидоры, и кабачки, и овощная икра, и аджика, и соленые грузди, и что-то еще, похоже, собственного изобретения. Восхищенно глядя на этот комплект домашних заготовок, Виктор Федорович потер руки:

— О-о, ка-акие явства! Ну, Галина, молоде-ец... Как она сама-то?

— Мама давно замужем, — отвечал Гордей. — Муж строитель, прораб. Отличный мужик, тоже был вдовцом, у дочери его дружная семья... В общем, всё у мамы хорошо. Да вы ведь и сами всё это знаете.

— Знаем, знаем, отлично знаем, она писала. А за плоды ее трудов, — положил Виктор Федорович руку на банки, — ей полагается награда!

— Она всегда, всегда любила это дело, — растроганно сказала Валентина Антоновна.

— В отличии от некоторых других дам, — поддел ее супруг.

— Ну, что ж тут попишешь, — без всякой обиды отвечала она. — Хозяюшке половник в руку, а художнице — кисть.

— Запечатлей своей кистью этот натюрморт!

— Хорошая мысль, — меняясь в лице, сказала Валентина Антоновна и посмотрела на банки пристально-оценивающе. — А правда, можно... Чудесная цветовая гамма...

— Будет дополнение к этому, — указал Виктор Федорович на висевший на стене над холодильником большой рисунок акварельными красками в тонкой рамке, на котором был изображен стол с овощами и фруктами вразброс.

— Блеск! — взглядевшись в рисунок, воскликнул Гордей. И действительно, это была необычная, яркая, интересная акварель. — А вы теперь, Валентина Антоновна, значит, не только преподаете, но еще и сами творите?

— Она сама, сама-а! — ответил за супругу Виктор Федорович. — Давно этим занимается. Одного учительства ей мало. У ней уже прошла выставка, и с успехом, и готовится другая... Но я, товарищи, что хочу сказать? Ко всему этому, — бережно поглади он банки, — по высшему замыслу должен примкнуть сосуд с чистой, как родниковая вода...

— Ну, конечно! — перебила Валентина Антоновна. — С утра-то...

— Но мы с Гордеем должны помянуть его отца!

— Я хочу сегодня к нему на могилу съездить, — сказал Гордей, сворачивая пакет и бросая его в мусорное ведро под раковиной умывальника.

— Вместе и съездим, — сказал Виктор Федорович. — Я всё равно без дела сижу.

— А что так? — удивился Гордей.

— А по сокращенному графику тружусь, два дня в неделю.

— Вот съездите, тогда и помяните, — строго сказала Валентина Антоновна. —

Только в меру! А сейчас мойте руки и — за стол. Тефтели уже согрелись, вермишель тоже, чайник закипает...

4

А Иван разговаривал в своей комнате с Дашей. Верней, она разговаривала с ним, а он молчал и всё отворачивался, тем самым подчеркивая, что слушать ее не желает. Он решил расстаться с ней, решил твердо, решил еще позавчера, когда начал обдумывать свой план ограбления, почему и ответил ей грубо, когда она позвонила ему на мобильник и спросила о результате вступительных экзаменов; и даже не столько грубо, сколько глупо, и понимал это, слегка стыдясь теперь за те свои слова, в которых прозвучало какое-то вроде и обвинение в адрес Даши, хотя говорил он вообще: мол, коль всё уже против него, то и он против всего, и не хочет никого видеть, а надо ему сейчас быть одному и только одному, на что

Даша, вспыхнув, отрезала: «Ну и торчи один, как бирюк, раз тебе так надо!» И отключила связь. А теперь, отдежурив сутки в больнице, пришла к нему как ни в чем не бывало, приветливая, дружелюбная, будто и не было никакой телефонной ссоры; и всячески успокаивала его, говорила, что ничего страшного не произошло, что всё еще наладится, и прочее, прочее. А он молчал угрюмо и соображал, как же подходчивей объяснить ей, что им необходимо расстаться.

Но если бы в эту минуту Ивана спросили, *кто* для него Даша, он бы незамедлительно ответил: первая любовь. И единственная. Причем, не ушедшая, отнюдь, хоть и внушал он себе обратное, но это лишь потому, что, не разобравшись еще в себе, не понимал: то, что было у него к Даше, остается в нем, — просто навели копоты на всё светлое в его душе неудачи, и всё опротивело, и кажется уже, что и любви не надо, и это самое лучшее, что только может быть в жизни, ничего не стоит. Куда ж деться, слишком много значит для человека любимое дело. И мало ли было на свете людей, пожертвовавших ради него любовью. Впрочем, это уже не про Ивана. Ему-то жертвовать самым дорогим никакой необходимости не было. Но он и этого не понимал. Тут надо бы вкратце сказать, как пришла к нему эта любовь. Всё началось в девятом классе. К тому времени он успел прочитать немало юридических книг, и одноклассники видели их у него, и не обращали внимания, ни слова ему не говорили. Но одна книга была замечена и вызвала кое у кого ехидный смех. Это была книга известного русского юриста Петра Сергеевича Пороховщикова, впервые изданная еще до Октябрьской революции под псевдонимом П. Сергеич. Называется она — «Искусство речи на суде». Название-то и вызвало смех: что, мол, за ерунда интересует Елифанова! Иван, растерявшись, покраснев, слабо отбивался, жалея, что вытащил книгу из своего рюкзака, чтобы почитать на перемене. И тут за него вступилась Даша Авдеева, совершенно для него неожиданно, поскольку они особо никогда даже и не разговаривали. Она кричала: «Вам тоже полезно это почитать! Следите за своей речью! Вас невозможно слушать, уши в трубку заворачиваются...» — и так далее, и так далее. От Ивана отстали и больше не смеялись. А после уроков Даша догнала его на улице и сказала: «Ты не обращай внимания на этих дураков, они просто ничего не понимают! Скажи-ка, а вот та книга... Тебя всерьез это привлекает?» Иван не сразу-то и ответить смог, долго стоял и смотрел на нее в изумлении. Первый раз в жизни к его страсти был проявлен живой интерес. Даже лучший друг Андрей Фролов никогда его не проявлял. «Вчера ты так здорово отве-

чал по обществузнанию! — говорила Даша. — Я потом смотрела в учебнике, и много из того, что ты рассказывал, нешла. А сегодня поняла: ты, наверно, еще и специально этим занимаешься, да? Для себя?»

Они разговорились, долго сидели на скамейке возле ее дома в майском дымчатом солнечном свете, в запахе цветущей на газоне сирени. Потом еще не раз возвращались из школы вдвоем. А немного позже, уже на летних каникулах, Даша, случайно встретив Ивана, позвала его с собой и с ее родителями в питомник за ягодами. И там они ходили с пластмассовыми ведрами и стеклянными банками в пакетах, разговаривали, срывали ягоды с кустов красной и черной смородины и крыжовника в стороне от ее родителей, которых, как медиков, интересовали ягоды лечебные: облепиха, боярышник, какие-то еще, а они набрели на заросли малины, ныряющие под сосны, где было прохладно и сыровато, и пахло хвоей, и разговор тек свободно, сам собой; и хотелось вот так вот говорить и говорить, попутно выбирая из зеленой шершавой листвы красные мягкие ягоды, и слушать то, что говорит она в ответ; и было очень легко и вместе с тем как-то сладостно-томительно на сердце. А на следующее утро Иван проснулся с чудесным, неведомым ему ранее чувством, заполнявшим грудь, и сразу вспомнил о ней, и засмеялся от нахлынувшей радости: «Пришло ведь, а? Пришло!» И наслаждался этим нежнейшим и сладчайшим чувством, и долго-долго, до самого одиннадцатого класса, почти до выпускных экзаменов, ничего ей об этом не говорил, хотя встречались они постоянно, и куда только ни ходили: в кино, в театр, на дискотеки, на выставки, даже на привезенную из Санкт-Петербурга экспозицию камеры-обскуры Петра I. В общем, перед выпускными экзаменами он признался ей в любви, очень сильно волнуясь, не зная, какой ответ услышит, и даже, по правде говоря, не очень-то надеясь на взаимность. Но оказалась, она его тоже любит, причем, именно с того дня, когда они ездили за ягодами в питомник, так что получалось, любовь пришла к ним одновременно. Она еще призналась, что много раз хотела сказать ему о своей любви, да всё мешала гордость: не она же, в самом деле, должна говорить об этом первой. Но первой его поцеловала — тут же, порывисто, нежно. И отпрянула с запунцовевшим лицом и светящимися чистым светом глазами. И сразу чуть насупилась и спросила: «Ну, а как же теперь? Как нам дальше?» Иван засмеялся, поцеловал ее в ответ и сказал: «Дальше всё должно идти своим ходом. Сначала надо поступить, а там уже будем решать...» И добавил мысленно: «с женитьбой», но вслух этого не ска-

зал, и ни разу еще, ни в едином их разговоре не звучало слово «женидьба». Оно прозвучало бы непременно и, безусловно, было бы претворено в жизнь, если б он поступил в университет: семью потянул бы, нисколько в этом не сомневался, — знал, что попутно с учебной будет работать, да и тогда уже работал — дворничать-то начал еще в одиннадцатом классе: зимой устроился в своем домоуправлении.

Но он, как уже известно, не поступил, и ему предстояло идти в армию. А Даша легко поступила в медицинскую академию на бюджет, говорила, что будет его ждать, хотя и тогда в их разговорах не было ни слова о женидьбе. Потом, когда он отслужил, был намек на нее — намекнула она, опять же не произнося этого слова, но он ответил, что сначала ему надо поступить на юрфак, а уж потом... И когда снова не поступил, женидьба отлетела для него еще на год: никак не мог он позволить себе этого в ранге дворника; и на весь следующий год не то чтобы замкнулся и отдалился от всех, но стал реже видиться и с Дашей, и с Андреем — убрав свой участок, всё больше сидел у себя в комнате за книгами, читал и читал, веря, что на третий-то раз поступит. Иногда ему казалось, что он уже и забыл о Даше, и подумывал, что, пожалуй, не стоит ему на ней жениться, всё это уже в прошлом, да и было-то не серьезно: так, детское увлечение. А Даша наоборот, всё трудней переносила разлуку с ним, всё сильней скучала по нему и каждый раз старалась побыть с ним подольше. И очень переживала за него, когда он сдавал экзамены, и не меньше, чем он, а может, и больше, была расстроена из-за того, что его опять не приняли.

Сейчас она ему говорила напористо, с жаром:

— Бывает же так: не получается что-то, вот не получается и не получается, а потом — неожиданный поворот, и всё получилось! И у тебя получится! Я чувствую, я уверена — всё, все у тебя получится...

Иван молчал и думал: «Хорошо хоть ограничивается этой демагогией, а не талдычит, как мать: «Иди в политех, по стопам отца, на его родной машиностроительный факультет, там поступишь на бюджет без всяких». Отец-то молодцом, обрывает ее сразу: «Пусть идет учиться, где ему по душе!» Да и Аня, сестра, умница, поддерживает меня...» Думая так, Иван прислушивался к доносящимся сквозь дверь голосам из кухни и слышал голос отца, говорившего в этот момент громко и, похоже, удивленно.

5

И в самом деле, Виктор Федорович, поглощая тефтели и поглядывая на гостя, говорил не без удивления:

— Да ты что, Гордей?! Правда?! Ты по нашей с Васькой стезе пошел?!

— Именно по вашей! — отвечал Гордей, он тоже ел. — По кузнечно-штамповочной.

— Галина об этом не писала. Писала только, что ты окончил вуз.

— Она, думаю, много о чём не писала вам. Не писала, например, что я работал на Северах, нет?

— Нет.

— А я там восемь лет отработал. На дизельном заводе, в кузнечном цехе.

— О! И кем?

— Начинал мастером, потом был старшим мастером, а последние четыре года работал начальником участка.

— То-то, смотрю, Гордей, у тебя лицо будто немного загорелое, — сказала Валентина Антоновна, прихлебывая чай из чашечки в сине-золотистых разводах. — У Василия такое же было, он ведь тоже в кузнечном работал.

— Это, наверное, от нагревательных печей, — кивнул Гордей.

— И давно ты с Северами распрощался? — спросил Виктор Федорович.

— С неделю назад взял расчет. Заскочил еще к маме в Новокузнецк, а потом — к вам.

— Ну, мне пора, надо в школу сходить, кое-что выполнить, — сказала, вставая из-за стола, Валентина Антоновна.

— И в выходной тебе покоя нет, — покосился на нее Виктор Федорович.

— Что поделать, такая работа. Помой потом, Витя, посуду.

Она ушла, а Гордей с Епифановым, покончив с завтраком, пили чай и продолжали разговаривать.

— И чем думаешь заниматься у нас? — поинтересовался Виктор Федорович.

— Хочу завести свое дело.

— Серьезно? — Епифанов, задержав у рта чашечку, внимательно посмотрев на Гордея.

— Да. А что?

— Да нет... ничего... — несколько озадаченно проговорил Виктор Федорович и спросил: — И какое же дело думаешь завести?

— Пока точно и сам не знаю. Хотелось бы что-нибудь по металлопроизводству, то есть там, где я кое-что понимаю. Но сначала надо осмотреться.

— Вот это правильно! И мой тебе совет, Гордей, — многозначительно поднял палец Виктор Федорович. — Постарайся осмотреться лучше!

— Что вы этим хотите сказать? — насторожился Гордей.
— Осмотришься, поймешь.
— А конкретней?
— Конкретней тебе объяснит только жизнь. Всё будет зависеть от цели, которую ты ставишь перед собой. И если собираешься взяться за металлопроизводство...
— Но это у меня цель-минимум.
— Да? А максимум?
— А максимум... — Гордей помолчал, подумал и сказал: — Хочется совершить что-то в жизни вообще. Какой-нибудь поступок. Настоящий, чтоб от него людям толк был. А то, знаете, работал, работал, что-то заработал, теперь можно это реализовать... Ну, да ладно, всё это — как получится... Хватит обо мне, давайте о вас. Как ваши дела?

Виктор Федорович слегка потемнел лицом, будто на него легла тень, одним глотком допил чай, поставил чашку и, прежде чем начать говорить о своих делах, долго молчал.

6

Даша всё успокаивала Ивана. А ему во что бы то ни стало надо было сказать ей, что это последний их разговор. Женитьба отлетела для него теперь уже не на год, а на неопределенно долгое время, может быть, навсегда. Его план никак не мог позволить ему завести семью невесть еще сколько лет — пока он не выучится, не встанет на крыло и не рассчитается с долгом. А долг этот, конечно же, будет на нем висеть. Значит, Дашу надо освободить. Нельзя заставлять ее ждать столько времени. Всё у ней будет хорошо без него. Надо сказать ей сейчас... Но как, бесов дух?

Он уже и не слушал ее, думал о своем, сидя на стуле, а она прохаживалась по комнате и говорила, говорила. Ее слова доносились до него как издали, сливаясь в один сплошной звук. Долго ли, нет так длилось, Иван не знал, но чувствовал: пора переходить к делу, причем решительно. Он посмотрел на нее, и в этот момент она, продолжая говорить, остановилась, и он увидел ее на фоне висящей на стене большой акварели матери, где в нежных желтоватых и синих тонах клубилась дождевая пыль на узкой улице в лужах, и силуэты двоих, идущих по лужам рука в руке, казалось, то исчезали, то снова появлялись и продолжали идти в этой оживающей, если смотреть не отрываясь, водяной пыли. И он вспомнил, как они с Дашей однажды вот так же попали под дождь, и вместо того, чтобы бежать от него, шли все медленней и медленней, то и дело останавливаясь и замирая под теплыми струями в долгом поцелуе. Он подумал, как трудно будет ему без

нее, как сильно будет тянуть к ней — пока не забудется окончательно, если только вообще забудется. Что-то содрогнулось в нем, на сердце больно заныло, и он еле удержался, чтобы не вскочить и не прижать ее к себе. Но удержался. Он был волевым. А тут еще слова ее стали доходить до него. Она села на стул и, глядя на него, говорила:

— А может, тебе, Ваня, стоит подумать и поступить в какой-нибудь другой вуз? Нет, я всё понимаю, знаю — ты очень хочешь пойти в эту профессию, но... Может, права твоя мама? Раз не получается, можно же выбрать другую...

Самое скверное заключалось в том, что раньше он ничего подобного от нее не слышал.

— Ну что ты такое несешь! — вскипел он. — Не хочу я другую! Мне эта нужна! Или никакая! Думай, что говоришь! И вообще, иди отсюда! — резко махнул он рукой и отвернулся, скрипнув стулом.

— Что-о?! — изумленно протянула Даша. — Ты хочешь, чтоб я ушла?

— Да, — твердо сказал он, снова повернувшись к ней. — Я хочу, чтобы ты ушла. Навсегда!

На лице Даши проступила малиновая краска, глаза ее засверкали. Какой хорошенькой была она в эти мгновения! — с этими очень светлыми, отливающими серебром волосами, прелестно заплетенными, пушистыми на висках; с тонкими чертами лица, нежными скулами, изящно выточенным носом и подрагивающими, полноватыми, но красивыми и почти алыми губами. Ивану снова пришлось приложить усилие над собой, чтобы не броситься к ней, не обнять.

— Прямо-таки навсегда? — проговорила она, глядя на него и еще сильнее сверкая чуть сузившимися глазами, а в них проглядывали и обида, и боль, и оскорбленность.

— Именно, — сказал Иван с прежней твердостью, но внутри у него всё дрожало.

— Хорошо, я уйду! — заносчиво крикнула Даша, вскакивая со стула. — Только не пожалей потом!

И выскочила из комнаты в прихожую, там повозилась с замком и хлопнула дверью.

— Надо не пожалеть... — пробормотал Иван. — А нелегко будет... да, нелегко... но... Надо!

Он встал со стула, стараясь унять всё не проходившую дрожь внутри себя и думая, что делать дальше. И вспомнил: он же собирался к Андрею. Тут раздался звонок. Иван пошел в прихожую и открыл дверь. За ней стоял Андрей.

— Чего это Дашка пулей вылетела? — спросил он, входя. — Чуть не сбила меня. И у тебя, гляжу, лицо и морда не в ладах... Поссорились?

— Не суть важно...

— Или это ты из-за того, что опять не поступил? Ваня, дружище! Я тебе очень-очень сочувствую...

— Да погоди ты! У меня к тебе дело! Пойдем в мою комнату.

7

А на кухне продолжали беседовать Виктор Федорович и Гордей.

— Это еще, можно считать, не так уж и плохо, что я работаю по сокращенному графику, — говорил Епифанов слегка надтреснутым голосом, тяжело нависнув над столом и глядя сквозь очки на свои лежащие плашмя белые руки интеллигента, не знавшие в своей жизни никакого иного труда, кроме как с карандашом, ручкой да компьютером. — Все-таки худо-бедно работаю. А всё идет к тому, что вообще сократят с завода. И куда мне податься? Где теперь нужны технологи нашего профиля? Я и начинал-то технологом, в одном цехе с твоим отцом, в кузнечном, нас туда распределили после института. Его поставили в производство, и он быстро стал заместителем начальника цеха, а я свое дело не хуже вел, и тоже скоро пошел на повышение, меня пригласили в отдел главного технолога завода. Там я до-олго работал, всё терпел начальника, но в конечном итоге не вытерпел, сказал ему то, что считал нужным сказать. А чего можно ожидать, когда ты сказал дураку, что он дурак?.. Пришлось уйти. Меня взяли в цех холодной штамповки, технологом, и там у меня пошло отлично, освоился лучше некуда. И когда начальник ушел на пенсию, меня поставили на его место. Так я до сих пор и работаю начальником цехового техбюро — с той лишь разницей, что тогда в подчинении у меня было около двадцати человек, а сейчас — трое.

Он опять замолчал, всё так же глядя вниз.

8

Плотно закрыв дверь своей комнаты, Иван за плечи усадил Андрея на стул, на котором только что сидела Даша, и походил туда-сюда. Он не знал, как начать. Андрей смотрел на него молча, ждал. Иван начал издали:

— Вот ты скажи мне, Андрюха... — Он сел на другой стул, возле стола, и говорил, глядя другу в глаза. — Я не спрашивал тебя, не мое, в общем, дело, и всё же... Ты доволен своим... Ну, так скажем, положением в обществе?

— Так... — удивленно проронил Андрей. — Вроде нормально всё.

— Нормально? — испытующе глядел на него Иван. — В наши с тобой годы работать сторожем и дворником — это, ты считаешь, нормально?

— Погоди, — поморщился Андрей. — Я, во-первых, не сторож, а работник службы безопасности.

— И чем ты там занимаешься? — с усмешкой спросил Иван.

— Ну как... Охраняю объекты.

— Сторожишь, короче. Сторож.

— Да нет, ты...

— Проехали! — перебил Иван. — Знаешь, чем мы с тобой отличаемся друг от друга?

— Знаю, — уверенно ответил Андрей.

— Чем?

— Почти ничем. Разве что только я на год тебя старше да армейскую службу проходил не в войсках, как ты, а выбрал альтернативку — санитаром в больнице. Отчего и провел на службе не год, как ты, а два. Вот и все наши с тобой отличия. А в остальном мы одинаковы, в том числе и по положению, как ты говоришь, в обществе. Оба представители низшей, так сказать, его ступени. Ты дворник, а я... Ну, вынужден согласиться с тобой. Сторож. Так что в принципе мы с тобой ничем друг от друга и не отличаемся.

— Да, но ты всем доволен, — сказал Иван.

— Почему это всем? — возразил Андрей. — Не-ет, не всем.

— А чем ты недоволен?

— Зарплата маленькая, — со вздохом ответил Андрей. — Не могу никуда съездить. Мечтаю рвануть на Красноярские столбы, а не на что.

Иван отвечал на это жестко:

— Я в целом говорю. А в целом ты всем доволен. Этим мы и отличаемся друг от друга. А еще, Андрюха, мы с тобой отличаемся друг от друга тем, что ты не думаешь о том, что с тобой будет дальше. Не думаешь, что если продолжать заниматься охраной объектов, никуда больше не нацеливаясь, то дни будут идти однообразным потоком, и в конце концов, когда приблизится возраст, скажем, моего отца, они сольются в один монотонный день, и тебе нечего будет ответить на вопрос: на кой черт я вообще прозябал на этом свете? Что сделал в жизни? И что в ней от меня останется?

Андрей задумался, и надолго. Потом задумчиво сказал:

— Да... вообще-то...

Помолчал, всё думая, и сказал:

— Ну, а какой тут выход? Как из сторожей-то выбраться? Учиться же надо, и серьезно учиться. А чтобы серьезно учиться, деньги нужны.

— Вот именно!

— А где их взять?

— Есть вариант! — хлопнул Иван ладонью по столу. — Слушай внимательно!

И, сильно понизив голос, начал выкладывать свой план.

9

Виктор Федорович всё так же молчал, глядя вниз, а Гордей, сидевший по другую сторону стола от него, смотрел, как морщится и разглаживается кожа на его высоком лбу, как темные веки за стеклами очков прикрывают и снова открывают глаза. Наконец, он посмотрел на Гордея и сказал:

— И живу я сейчас в ожидании, когда сократят. Надежды на то, что этого не произойдет, ни-ка-кой. И отправят меня на биржу труда, и стану я ходить туда и отмечаться, чтобы получить жалкое пособие, вместе со своей дочерью Анной. Ты помнишь ее?

— Как же мне ее не помнить...

— Так вот она со своим дипломом текстильного института никак не может устроиться. Ее предупреждали: работать будет нигде, текстильная промышленность у нас в городе разрушена. Но она никуда больше не хотела... Сын-то, Иван, то-очно такой же, уперся в свое: хочу в университет на юридический и всё! Это дело ему нравится, он и сейчас уже в нем разбирается хорошо, у него даже, бывает, консультируются. А уже третий раз не поступил. Не принимают на бюджет и всё! Экзамены хорошо сдает, но-о... — развел руками Виктор Федорович и, вздохнув, добавил: — А на платную основу... Где уж нам...

— Он что-то такое сказал Валентине Антоновне, — вспомнилось Гордею. — Дескать, подмел... Он что, дворником, работает?

— Да дворником, Гордей, куда ж деться... А у меня теперь еще одна проблема, и какая! Я надеялся на заводе дотянуть до пенсии, оставалось-то меньше трех лет: недавно пятьдесят семь стукнуло. Но с этой пенсионной реформой добавляется еще пять! И главное — все против! У нас и пикеты, и митинги шли, и народу собиралось на площадях — тысячи!

— У нас точно так же. Вся страна против.

— А они — свое... Э-эх-хе-хе-е-е!.. И как мне теперь дожить до пенсии, если сократят?! О-ох, не знаю, не знаю... — вздохнул Виктор Федорович и замер, прислушиваясь. — Вроде звонит телефон. Подожди, Гордей, я сейчас...

Он встал и пошел в свою комнату. Через минуту вернулся и сказал:

— Ты пока отдохни с дороги, а я отлучусь к приятелю. На полчаса, не больше. Он мне овощей с дачи привез, — и засмеялся: — Как-то хорошо сегодня все складывается: ты привез овощей маринованных, а он — свежих. Схожу. Вернусь, поедем на могилу к твоему отцу.

Он отправился переодеваться, а Гордей пошел в отведенную ему комнату, но, закрыв дверь, не лег отдыхать, а достал из своей сумки планшет, блокнот и ручку, сел на кровать, быстро нашел в Интернете и записал адреса самых крупных заводов этого города. Затем начал искать адреса предприятий малого бизнеса в разных направлениях. Быстро найдя и записав в блокнот три с лишним десятка адресов, нашел и записал адрес Областного Союза предпринимателей. Сквозь двери до него доносились приглушенные голоса из комнаты Ивана, а когда он выключил планшет и положил его вместе с блокнотом и ручкой в сумку, голоса стали громче, потому что те двое, которые говорили, вышли в прихожую. Гордей стал различать слова, и это заставило его вскочить с кровати, подойти к двери и прислушаться.

А в прихожей кричали друг на друга Иван и Андрей.

— Не пойду ни за что! — кричал Андрей. — На грабеж не пойду!

— Не пойдешь — твое дело! — кричал Иван. — Но ты мне больше не друг, так и знай!

— Я тебе друг! — кричал Андрей. — И лучший друг! Потому и не могу тебя поддержать!

— Андрей! Нет дела, в котором не пестрели бы вечные противоречия жизни... то есть... Ты должен меня поддержать, должен! Не поддержишь — всё! Запомни — послезавтра в десять! В двадцать два ноль-ноль как штык! Улица Завалихинская, дом сорок два! Это отсюда недалеко, найдешь! А не впишешься, справлюсь без тебя!

— Это еще как получится! — крикнул Андрей. — Зря ты так уверен! Может не и получится! Никогда не будь ни в чем уверен!

И ушел, хлопнув дверью гораздо сильнее, чем хлопнула ею Даша.

Гордей стоял у двери. Он слышал, как Иван походил по прихожей, как скинул шлепанцы, надел туфли и ушел.

Гордей вышел из комнаты. Теперь он был в квартире один. Бросив взгляд в зеркало, висевшее на стене в прихожей, он поразился тому, как застыло и посерьезнело его лицо, выхваченное из сумрака светом, доходившим из кухни. «Хорошо я попал, — подумал он. — Тут надо что-то делать...»

Он вошел в приоткрытую дверь комнаты Ивана и подошел к его письменному столу. На нем, возле клавиатуры компьютера лежал листок с видом сверху дома и двора Сидоркина и его адресом. Гордей взял листок, несколько минут внимательно смотрел на него, потом положил на прежнее место. Взгляд его упал на приоткрытый верхний ящик тумбочки стола, из которого выглядывала черная шапочка. Он выдвинул ящик, взял шапочку, осмотрел ее, просовывая пальцы в прорези, достал из ящика пистолет, осмотрел и его, подумав: «От настоящего не так-то просто и отличить», — а потом аккуратно положил и пистолет, и шапочку в ящик и задвинул его не полностью, чтобы шапочка выглядывала, как раньше. И подумал: «Вот чем он был так сильно встревожен!» И стоял задумчиво, долго, время от времени шепча: «Надо как-то решать этот вопрос... Да, надо решать...» Увидев приклеенный скотчем к стене над столом лист бумаги, он приблизился к нему и некоторое время разглядывал написанные на нем телефонные номера с именами, а потом, достав из кармана свой мобильник, занес в него один номер и имя. Вдруг что-то толкнуло его внутри, и он сразу сорвался с места и быстро прошел в отведенную ему комнату.

И успел. Только сел на кровать, как из-за двери послышался звук открываемого замка, а потом в комнату заглянул Епифанов. За ним на полу лежали два больших пакета, набитых овощами.

- Как ты, Гордей? Отдыхаешь? Не спал?
- Нет, Виктор Федорович, я в поезде выспался.
- Ну, так поедем на кладбище?
- Конечно, поедем.

10

Сидеть в очереди в службе занятости Анне Епифановой, как всегда, пришлось долго. Она даже слегка задремала и не услышала, как из-за двери донеслось: «Следующий!» Ее потормошила за плечо сидевшая рядом полная дама, густо благоухающая духами, и Анна поспешно встала и вошла в кабинет, разделенный тонкими стенками на секции (это всегда напоминало ей телефонную станцию междугородных переговоров). Она села в секцию, где принимала специалист Иванова, немолодая худошавая женщина с такими же светлыми, как у Анны, волосами, но не естественными, а крашеными. На лице ее было прочно отпечатано выражение жесткой суровости, и Анна связывала это с тем, что оба ее сына, как обмолвилась она однажды, тоже были безработными — после окончания авиационного техникума. Анна дала ей свой

листок поиска работы с новыми записями кадровиков тех организаций, в которые она заходила последние полмесяца. Записи, сделанные разными почерками, были идентичны: «Вакансий нет». Посмотрев листок, специалист предложила несколько освободившихся рабочих мест, бесконечно далеких от профессии Анны, и ей ничего не оставалось, кроме как выбирать из них те, где вроде бы можно было какое-то время поработать. Выбрала три места, и Иванова написала на бумажном квадратике их адреса и дала ей. В заключение специалист сделала в своих бумагах отметку, удостоверяющую, что Анна пришла к ней именно тогда, когда должна была прийти по графику, а значит, она имеет право получить пособие по безработице за последние полмесяца. Если бы она пришла завтра, ей в пособии за эти полмесяца было бы отказано.

Попрошавшись с Ивановой, Анна вышла из кабинета и подошла к одному из нескольких стоявших в ряд у стеклянной стены компьютеров, похожих на терминалы для оплаты услуг. Привычно постукивая пальцами по кнопкам клавиатуры, она долго просматривала на мониторе столбцы вакансий, надеясь: а вдруг да появится, вдруг да выскочит нужное! Но не появилось, не выскочило. И когда она вышла на улицу и двинулась вниз по крутой асфальтовой дорожке к тоннелям под железнодорожными путями, ее вдруг охватила невероятная усталость, нутряная, едкая, не та, что возникает от чрезмерной нагрузки, а та, которую нагнетает вынужденное безделье, заикленность на безделье, оторванность от дела, нужного себе и другим. Безделье изнурительней труда, от него устают больше, чем от работы. Плюс постоянное внутреннее напряжение от необходимости искать и искать место, неизбежные расстройства из-за отказов, нередкое недоедание, страх перед завтрашним днем... Анна подумала, что прав тот придурок, который предложил ей сходить с ним сегодня в ресторан: действительно надо отдохнуть, отойти от всего этого. Шагая в тоннелях по прогибающимся под ногами, скрипящим и потрескивающим доскам деревянного настила, в запахе шпал и гари, в грохоте вагонных колес над головой, проходя сквозь золотистые стены из косо падавших сверху дымчатых солнечных лучей, она с неудовольствием вспоминала, как говорила ему, что ей не нужен отдых... С чего стала объяснять, распинаться? Не должна была, стыд да и только! Но тут же насмешливо и без пощады резала сама себе правду: не ври, подруга, просто он тебе понравился. Замуж-то все-таки надо бы, ой-ёй-ёй как надо бы. Да и что-то знакомое почудилось в его лице, как будто где-то его видела. Но где?

Не могла вспомнить. Выйдя из тоннелей на солнечный свет, она ускорила шаг, зная по опыту: стоит пройтись побыстрее, как усталость уйдет, растворится внутри, сменится приливом кроющейся где-то там, в глубине, энергии, скопившейся от того же вынужденного безделья, — и она шла скорым шагом мимо пятиэтажных домов, к проспекту, самому длинному в городе, протянувшемуся от вокзала до центральной площади; и когда вышла на этот проспект и перешла через него в людском потоке по пешеходному переходу, ей заметно полегчало: среди людей она всегда чувствовала себя лучше, чем в одиночестве, усталость испарилась, но она не замедляла шага, путь ее был не спонтанным, а целенаправленным: адреса всех трех рабочих мест, которые дала ей специалист Иванова, находились в районе этого проспекта, а первые два так и прямо на самом проспекте, и к одному из них она уже приближалась.

Это было кафе «Подземелье». Оно располагалось под пятиэтажным домом, к нему вели сходящие вниз вдоль стены ступеньки с навесом и вывеской, на которой вокруг витиевато выписанного черной краской названия были во множестве нарисованы какие-то красные крохотные не то чертики, не то мультяшные крысы; а сам вход напоминал темный зев пещеры, и Анне, когда она спускалась, почудилось, что в нос ей ударяет сырой запах земли. Войдя в маленькое фойе, ярко освещенное трубчатыми лампами дневного света, она увидела охранника в черной одежде с широкими зазубренными рукавами, напоминавшими крылья летучей мыши. Выслушав ее, он объяснил, как пройти в кабинет директора, и она вошла в зал, неярко освещенный приятным желтым светом свисающих с потолка длинных коричневых конусов, похожих на сталактиты. И сразу ей бросилось в глаза знакомое лицо молодого человека в атласной темно-синей рубашке с жабо. Он стоял за рядами столов на сцене, с листом бумаги в руке, и читал с него в микрофон какой-то веселый текст. Анна прошла к директору, женщине с пышной шапкой мелко вьющихся волос цвета темной латуни и сердитым лицом. Продолжая что-то писать, она указала Анне на стул, и Анна, присев, сказала:

— Меня к вам направили на бирже труда. Вам еще требуется мойщица посуды?

— Мне жаль, — сказала директор, переставая писать и поднимая колючий взгляд на Анну, — но уже нет. Пришли бы вчера с утра, успели бы.

Анна вздохнула и достала из своей коричневой сумочки листок поиска работы:

— В таком случае напишите мне, пожалуйста, что вакансия занята.

И когда директор взяла листок и начала вносить запись, заинтересовалась:

— Скажите, а этот парень, что репетирует сейчас на сцене, он ведь актер из театра «Ярус»?

Директор подняла на нее мигом потеплевший взгляд, сердитость на ее лице сменилась неожиданно доброй улыбкой, и она мягко сказала:

— Его у нас многие узнают. Да, он работал в «Ярусе», но после того, как из города выжили прежнего мэра и с актеров сняли все мэрские надбавки, из театра разъехались по другим городам... почти полтруппы... А Миша пришел к нам шоу-мэном...

«И когда это я в последний раз была в театре? — грустно подумала Анна. — Уже и не вспомнить... И когда-то еще доведется сходить...»

Директор поставила штамп на свою запись в листке, достала из стола визитную карточку и, еще раз улыбнувшись, протянула ее Анне вместе с листком:

— Позванивайте. У нас очень редко освобождаются места, но — вдруг..

11

Вторым пунктом был мясокомбинат. Он находился не более чем в десяти минутах ходьбы дальше по проспекту. Его серый бетонный забор длинно тянулся вдоль проспекта, и старенькая небольшая контора с желтым фасадом в трещинах глядела окнами на проспект сквозь придорожные деревья. За дверью конторы в полутьме блестел никелировкой турникет; «скворечник» охранника был пуст. Анна прошла и постучала в дверь с табличкой «Инспектор отдела кадров». Из-за двери слышалось громкое «Да!», и Анна вошла в крохотную комнатенку с голыми стенами. Кроме стола и двух стульев в комнатенке ничего не было. На одном из стульев, за столом, сидел средних лет остроносый мужчина с рыжеватыми, курчавыми, как руно, волосами и курчавыми же бакенбардами. Анна поздоровалась, а он только на миг опустил веки и в крайнем удивлении смотрел на нее снизу вверх.

— Я к вам с биржи труда, — сказала Анна. — От вас поступила заявка, что вам требуется жиловщица...

Мужчина вскочил, грохнув стулом и несколько даже напугав Анну. Крайнее удивление на его лице мгновенно превратилось в крайнее негодование. Он заговорил быстрым тараторящим говором, нервно потрясая руками:

— Да кто же это над нами всё время так шутит?! Да что же это такое?! Сколько можно?! Нам не только никто не требуется, у нас люди в ловушке...

Он говорил и говорил, стоя перед Анной и возмущенно глядя на нее в упор, а ей очень хотелось повернуться и уйти, но что-то удерживало, возможно, чувство такта, не позволявшее уйти, не дослушав, а может и желание узнать, что же это за ловушка, в которой оказались работники мясокомбината. И она стояла и слушала. Из того, что выпалил на одном дыхании инспектор, Анна поняла следующее. Не так давно директор этого мясокомбината был освобожден от занимаемой должности за неуплату долгов. Он пришел сюда четыре года назад, когда предприятие уже было в упадке, и твердо пообещал исправить положение. Ему поверили. Но он не смог ничего сделать, всё продолжало идти на спад, зарплата соответственно была мизерной, да и ту выдавали в основном мясосопродуктами. Постепенно работники вынуждены были продать все свои акции, в результате мясокомбинат перешел в собственность другой организации, и директор стал снимать его у неё в аренду. И вот — долги, банкротство, директора увольняют, и двести человек оказываются в той самой ловушке.

— У всех трудовые книжки на руках, но без записей об увольнении, — объяснял инспектор уже не быстро и не возмущенно, а тихо, поникнув, с горечью в голосе. — С такой трудовой нигде не возьмут на работу. Большая часть людей разбрелась, подрабатывают кто как может. А остальные полсотни человек приходят сюда каждый день и сидят... ждут... хоть бы уволили... Сейчас мы пытаемся решить дело через суд...

Он замолчал и смотрел на Анну как бы в ожидании ответа. А что она могла ответить? Сказала только:

— Сочувствую...

И вышла из комнатёнки, прошла вслепую через турникет и выскочила на шумящий проспект, подумав совсем нехотяти: «Так и не узнала, что за профессия такая — жиловщица...» И быстро пошагала прочь, поневоле представляя, как бы она чувствовала себя, если бы оказалась в такой ситуации — без записи об увольнении в трудовой. Тогда ведь и на бирже труда не поставили бы на учет, и не дали бы пособие... Значит, есть и такие, у кого дела еще хуже... Ей пришлось пройти всё тем же быстрым шагом с полкилометра, прежде чем развеялась муть, поднятая в душе словами инспектора. Ужасно не хотелось больше ни слышать, ни думать о плохом. Время приближалось к часу, а это значило, что можно не то-

ропиться в третий, последний пункт, который находился в конце проспекта: туда лучше прийти к двум, когда закончится стандартный для большинства организаций обеденный перерыв.

Анна пошла медленней, глядя то по сторонам, то вверх, на сочно-голубое небо без единого облачка, лишь белесый и уже кривой след от самолета тянулся в вышине. И только тут увидела она, как прекрасен этот денек, какая чудесная разыгралась погодка, и постепенно, постепенно благостное спокойствие установилось у нее в душе, настроение поднялось. Можно лишить человека всего, но нельзя отнять у него способности радоваться жизни. И она шла в городском шуме, как на прогулке, теперь уже просто отдыхая и улыбаясь этому погожему дню. Дойдя до перекрестка у громадного корпуса электротехнического завода, большая часть помещений которого давно уже была занята торговыми точками, свернула на улицу, ведущую к набережной, и все так же медленно пошла под уклон. Это были хорошо знакомые ей места. На противоположной стороне улицы стояли две школы, окруженные одним общим забором из металлических прутьев и отделенные одна от другой футбольным полем. В одной из этих школ ей доводилось бывать в далеком детстве. А по эту сторону улицы высились старые пятиэтажные дома. Вон в том доме с облупленными розовыми стенами в темных пятнах жил когда-то друг отца Василий Васильевич Венцов, всегда веселый полноватый человек, еще довольно молодой, но с обозначившейся уже лысиной в русых волосах. Ее он называл Анюткой. Почти каждый выходной Анна бывала здесь с родителями, она это помнила лет, наверное, с трех; помнила, каким страстным рыболовом был Василий Васильевич, и сейчас, выйдя к барьеру набережной, смотрела на реку, искрящуюся от солнца, то и дело покрывавшуюся в разных местах рябью от порывов теплого ветерка, и вспоминала, как здесь, на песчаной полосе между кромкой воды и косо вонзавшимися в берег бетонными плитами набережной Василий Васильевич и ее отец ставили закидушки и забрасывали удочки, без умолку разговаривая о чем-то непонятном ей, и она, кажется, уже пятилетняя, спрашивала маму, сидевшую рядом на постеленном на бетонной плите покрывале, о чем они говорят, и мама отвечала, что они обсуждают свои заводские дела, но ей и это было непонятно, и она опять спрашивала, и сидевшая на покрывале с другой от нее стороны тетя Галя, жена Василия Васильевича, красивая женщина с большими карими глазами и рассыпанными по плечам каштановыми волосами, объясняла, что они учились в одной групп-

пе в институте, а теперь — коллеги по работе, но это было тоже непонятно ей, и она всё спрашивала и спрашивала, пока мама не обрывала ее: «Помолчи хоть немного. Вот придет Гордей, он с тобой поиграет». И приходил Гордей, сын Василия Васильевича и тети Гали, мальчишка-школьник, на пять лет старше ее, и они разговаривали, а потом начинали играть в догонялки, носились друг за другом по песку, то забегая на бетон, то сбегая с него. Набегавшись и нахотавшись, доставали из сумки и разматывали две небольшие закидушки, которые Василий Васильевич сделал специально для них — он называл их «детскими». Гордей насаживал червей на крючки, забрасывал закидушки в реку, и она сидела на корточках близко от него, и так же, как и он, держа в руке леску в ожидании, когда в пальцах почувствуется легкое и частое, как дрожь, подергивание; и сразу подсекала и быстро-быстро перебирая леску, вытаскивала и выбрасывала на берег серебристого трепещущего чебачка, смеясь и визжа от восторга. Потом шли домой, и там было веселое застолье, они с Гордеем, пообедав, выходили из-за стола первые, шли в другую комнату, и Гордей читал ей книги про Незнайку, Карлсона, Илью Муромца и других сказочных героев. А то еще, бывало, он брал ее с собой на улицу, и они во что-нибудь играли с детьми во дворе. Он и в школу, вот в эту, одну из двух, которая ближе к набережной, брал ее с собой на разные праздники. А когда Венцовы приезжали к ним в гости, в окраинный микрорайон под названием Новоселовка, где они живут и сейчас, Гордей водил ее в рощу, и там, на полянках и под березами, ловил и показывал ей кузнечиков и зеленых кобылок, стрекоз и жучков, и сравнивал их с теми, что были нарисованы на красочных открытках толстенького набора под названием «Юному энтомологу», который он всегда брал с собой. Ей тогда уже было шесть лет. А где-то через год умер Василий Васильевич. Отец говорил: «Сердце его не выдержало всех этих перемен...» И вскоре тетя Галя с Гордеем уехали в другой город, где жили их родственники. Анна хорошо помнила, как провожали они их на вокзале, мама даже всплакнула, когда сидели с ними в плацкартном вагоне, отец тоже был опечален, а она болтала о том, о сём с Гордеем, как всегда, легко, смеясь и не понимая еще, что он уезжает навсегда; до нее дошло это только, когда они вышли из вагона, и поезд тронулся, и тогда она разревелась навзрыд, и редела долго, прижимаясь лицом к невероятно выросшему маминому животу, а мама гладила ее по голове и ласково говорила: «Ну, успокойся, не плачь, ты же уже большая, через неделю пойдешь в первый класс. А Гордей еще вернется». Но он не вернулся.

«Как-то он поживает сейчас?» — думала Анна, шагая вдоль барьера набережной всё тем же неспешным шагом. Никогда больше не было у нее такого друга, как Гордей. Да и вообще небогата на друзей была ее жизнь. Школьные подруги повиходили замуж и поразъехались, две институтские подруги тоже вышли замуж, на пятом курсе, за друзей-курсантов танкового училища, и после окончания уехали с ними на Дальний Восток. А потом уж и не появлялось новых друзей, поскольку большую часть из шести постинститутских лет прожила без работы, в отрыве от людской среды. Трудовых периодов за это время было всего два. Первый, протяженностью год и три месяца, протекал на железобетонном заводе, в арматурном цехе, где она работала в женской бригаде на станках точечной сварки. Это было не очень отрадное для нее время — время работы не по призванию, но она была рада, что хоть такая работа нашлась, и добросовестно варила арматуру, не забывая, что ей еще и повезло: приди на день позже, как сегодня в кафе «Подземелье», место было бы занято. К тому же эта работа дала ей жизненный опыт, знание людей, то есть то, что она считала для себя особенно важным, ведь работать хотела именно с людьми — в текстильном производстве; хотела руководить ими, как ее бабушка, и потому внимательно приглядывалась к женщинам той бригады и не менее внимательно слушала их. Все женщины были старше, чем она, а некоторые и намного старше, все семейные, с детьми; ей было, чему поучиться у них, и она понимала, что такие же будут работать и в текстильном производстве, а в то, что *будут*, она верила, и даже не сомневалась: придет время, всё у них в городе восстановится, и оживет крупнейшее текстильное производственное объединение; оно работало на хлопке, который поступал из Средней Азии, на его головной фабрике бабушка проработала всю жизнь, сначала прядильщицей, и долго; ее награждали и почетными грамотами, и медалью «За трудовую доблесть», и орденом Трудовой Славы; и даже после окончания вечернего техникума легкой промышленности она еще долго оставалась прядильщицей, пока ее не уговорили перейти в мастера, и вот тогда-то она стала брать с собой на фабрику Аню. Первое ее впечатление было ошеломляющим, она чувствовала себя так, будто попала в другой мир, ничего общего не имеющий с тем миром, в котором обреталась раньше, миром школы, улицы, своего дома; здесь всё было другое, с другими запахами, сразу показавшимися ей очень приятными, с другими звуками, необычными, она никогда еще не слышала такого жужжания, звона, лязганья. И те же самые люди, в основном женщины, многих из кото-

рых она знала или видела раньше, были здесь совершенно другими, и вовсе не из-за рабочей одежды, они были другими сами по себе: не так себя вели, не так говорили, даже ходили как-то не так, — и ей хотелось стать другой, такой же, какими были они здесь; но особенно хотелось стать такой, какой была в этом мире ее бабушка, а она была и подавно другой, абсолютно неузнаваемой, и Ане иногда казалось, что эта крепкая женщина, говорившая с другими женщинами отрывисто, быстро, порой резко, иногда переходя на крик, вовсе не ее бабушка, а ее бабушка, добрая, ласковая, осталась там, в обычном мире, и сидит сейчас дома, вяжет на спицах носок или свитер или прядет пряжу на своей деревянной прялке, и ту бабушку она бесконечно любит, но восхищение вызывает в ней именно эта бабушка, одетая в синий халат и белую косынку, энергичная, властная. Тогда-то и зародилось в ней желание прочно и навсегда обосноваться в этом шумном, просторном, светлом и необычайно живом мире. Ее стало тянуть на фабрику, она постоянно просила бабушку взять ее с собой, и ходила с ней вплоть до десятого класса, воочию видя, как под влиянием каких-то неведомых ей реформ из года в год угасает этот полюбившийся ей мир, как всё меньше и меньше становится в нем звуков, движения, жизни. Но от своего давнего решения она не отказалась, даже когда этот мир угас окончательно, потому что после развала страны хлопок перестал поступать из Средней Азии. Без всяких сомнений, никого не слушая, она поступила после школы в текстильный институт, и училась с удовольствием, окончила с отличием и с надеждой, что будет нужна. Но нужной оказалась только на железобетонном заводе, да и то временно: через пятнадцать месяцев там пошли сокращения, и она попала под них первой, потому что принята была последней. И снова — биржа, поиски места...

Потом был второй, можно сказать, счастливый трудовой период. Он остался в памяти Анны как самая настоящая сказка — сказка, начавшаяся в тот день, когда она искала работу в мелких останках огромного промышленного комплекса на краю города, противоположном от ее окраинного микрорайона. Там даже некое подобие удачи наклонилось: в новой дилерской компании по продаже строительного оборудования ей предложили место технички с условием, что она будет по совместительству безвозмездно ухаживать за украшавшей кабинеты живностью, которую очень любил руководитель: десяток аквариумов со множеством самых разных красивых рыбок, разноцветно пестрящих среди причудливой растительной зелени, и десятка два клеток с попугайчи-

ками, канарейками, чижиками и прочей красочной птичьей мелочью, — и Анна уже было согласилась, как вдруг ей на мобильник позвонила специалист службы занятости Иванова и сказала, что ей необходимо срочно приехать по важному для нее вопросу. Анна попросила придержать для нее это место до завтра, на что ей ответили: завтра оно, скорей всего, будет занято. Чуть подумав, Анна все-таки поехала на биржу. Вопрос действительно оказался важным для нее: требовался специалист ее профиля. Причем Анну ожидал сам работодатель, крупная шатенистая женщина лет сорока, с крупными же чертами лица, мясистым носом картошкой, большим ртом и какими-то необычными, красивыми, дымчато-голубыми глазами. Она взглянула на Анну придиричиво-оценивающе и, как ей показалось, недоброжелательно, и она подумала: никакого толку от этой встречи не будет, — и пожалела, что не взялась сегодня же мыть полы в дилерской компании и ухаживать за рыбками и птичками. Работодатель сидела на стуле возле секции Ивановой, которая в тот момент беседовала с худенькой девчужкой, как видно, только что окончившей школу. Дав девчужке несколько направлений, Иванова отпустила ее и сказала работодателю: «Вы хотели побеседовать с Анной Викторовной прямо здесь. Пожалуйста, беседуйте». И смотрела на них, слушая, как работодатель спрашивает Анну, что такое уток, как Анна с удивленной улыбкой отвечает, а потом перестает улыбаться и серьезно, быстро и точно отвечая на посыпавшиеся вопросы, всё более и более сложные. Их поток был довольно длинным и пресекся внезапно, после чего большой рот работодателя растянулся в улыбке, она смотрела на Иванову своими дымчато-голубыми глазами, как на спасительницу, и обрадованно-певуче говорила: «Ну, наконец-е-ец-то! Это двенадцатая претендентка. Большущее вам спасибо! Честно говоря, я не верила, что здесь может найтись такой специалист». И сказала Анне с лаской и с умоляющей просьбой в голосе: «Поедемте прямо сейчас со мной. Прошу вас!» Иванова тут же сняла Анну с учета, и через несколько минут она сидела рядом с Евгенией Петровной Сторожевой (так звали работодателя) на заднем сиденье черного джипа, и одетая в красный спортивный костюм и красную кепку-волан женщина-шофер, пожилая, почти старуха, из тех, что не утрачивают своей физической мощи до самого дремучего возраста, увозила ее в сказку, растянувшуюся на год, но промелькнувшую, как ей казалось теперь, не более чем за одну минуту, и в этой минуте плескалось и жарко плавилось солнечным золотом счастье полной погруженности в *свое* дело — в работу с тем по-

рождением человеческих рук, которое обожала она больше всего на свете, с тканями; и когда в тот день знакомства они со Сторожевой вышли из джипа и пошли к большому, как цирк, на цирк и похожему зданию, такому же округлому и куполообразному, она уже предвкушала это счастье, да так, что на сердце сладко подрагивало, и чувство это усиливали слова Евгении Петровны: «У вас будет полный карт-бланш, Аня!» И когда они вошли в здание, которое было не цирком, а бадминтонно-теннисным манежем, брошенным властями в перестройку и надолго пришедшим в упадок, в здание, реконструированное и обновленное, с каким-то особенно чистым дневным светом, падавшим сквозь прозрачный купол, со светом еще и бело-люминисцентным от массы трубчатых ламп на стенах, Анна замерла, пораженная изумительным зрелищем, — повсюду гирляндами свисали сверху, загибаясь, как портьеры, широкие ленты разноцветных тканей; рулоны тканей горами лежали на прилавках, коих была уйма, как и стеллажей у стен, так же набитых тканями, а в дальней половине еще больше свисало сверху тканей, там был просто лес из тканей, в гуще которого сидели женщины, человек тридцать, одетые в новенькие халаты, сверкающие светло-зеленым атласом. К ним и повела Сторожева Анну, тихо говоря ей: «Видите, все продавцы в возрасте, я выбираю по принципу: кому трудней найти работу, но так же и с учетом личностных качеств, чтобы не было агрессивных, склочных и скандальных, так что с ними вам будет работать легко, придется только основательно просветить их по текстильной части: среди них нет тех, кто работал с тканями. Зато почти у каждой высшее образование, это технари с загубленных заводов, они-то — я не сомневаюсь! — всё схватят на лету». И, подойдя, представила им Анну и сказала: «Это мой главный зам, а ваш прямой руководитель». Анна почувствовала сильное волнение, но стоило ей заговорить и увидеть, как внимательно смотрят на нее и как серьезно слушают ее эти страдавшие от безработицы женщины, все как одна готовые трудиться с полной отдачей и подчиняться беспрекословно, волнение улетучилось, и пришла уверенность, да ведь это в принципе и было то, чего хотела она, — пусть не производить ткани, а рассеивать их по жизни, но руководя людьми и процессом, потому-то и ушла в дело с головой очень и очень быстро. Первые три дня, как и наказывала ей Сторожева, подробно просвещала работниц в обширном помещении бывшей тренерской бадминтонистов, а потом, после торжественного открытия этого новоявленного торгового комплекса «Дворец тканей», после рекламного выступления на

телевидении и пресс-конференции с участием журналистов всех основных средств массовой информации города с утра до вечера, что называется, запускала работу, иногда за весь день не успевая даже перекусить, бегая и бегая, как девчонка, от прилавка к прилавку, отдавая и отдавая распоряжения грузчикам, кладовщицам, подсобницам, объясняя и объясняя всё, что еще было непонятно продавцам, говоря и говоря с хлынувшими потоком покупателями. И быстро упорядочила работу, превратив комплекс в хорошо отлаженный механизм, где исчисляемый сотнями ассортимент тканей был четко распределен по отделам, а каждому продавцу определено свое направление, свой профиль; а потом, когда у Анны появилось побольше свободного времени, вдобавок к ее организаторскому дару весьма кстати разыграл и еще один дар: она и в институте хорошо чертила и рисовала (это, конечно, передалось ей от мамы), а тут на нее нашло огневое вдохновение, и с пулеметной скоростью стали появляться из под ее кистей и фломастеров панно и плакаты, и всем уже просто интересно стало пребывать в этом чудесном ярком цветастом тканном пространстве; слух о нем пошел по городу, и в него стали приезжать не только со всех его концов, в том числе и самых дальних, но и из сельской местности.

Сторожева была очень довольна Анной. Сторожевой приходилось работать больше всех, напряженной всех, никто кроме нее не смог бы доставать столько самых разных тканей из дальних городов страны и даже из-за границы, она и ездила за ними, и летала на самолетах, и ни разу не было перебоев с поставками: набитые тканями фуры шли регулярно; Сторожева сама руководила их разгрузкой и распределением по складам, да и со всеми другими делами управлялась без задоринки, отлично делала рекламу, умело использовала всякие системы гибких скидок, у ней не было задержек зарплаты ни на один день, и вообще всё шло безукоризненно весь тот год, если не считать одного случая, не очень то приятного, но вспоминали о нем, тем не менее, со смехом. Где-то через месяц после открытия «Дворца тканей» к его входу подъехала легковушка, настолько старенькая, что невозможно было сходу определить ее марку; из нее вышли двое парней, оба молоденькие, худошавые, оба в джинсовых потертых костюмах, модно продранных на коленях. Они подошли к Анне, распорядившейся отправкой тканей в швейную мастерскую, один из них спросил: «Ты, что ли, здесь главная?» Анна ответила: «А в чем дело?» Последовало наглосе: «Платить пора, начальница!» Анна спокойно сказала: «Мы всё оплачиваем исправно». Один из двоих угрожающе

проговорил: «Что-то непонятно?» И достал из-под джинсовой куртки кусок рифленой арматурины. Но тут же был сбит подсечкой метнувшейся к нему от черного джипа Патрикеевной — так все называли пожилую водительницу Сторожевой, всегда одинаково одетую: в красный спортивный костюм и красную кепку-волан. Она вырвала арматурину из рук упавшего и с такой силой ударила ею по коленке второго, что тот, тонко заверещав, тоже упал и, держась руками за коленку и голося, стал кататься по асфальту. Патрикеевна тем временем быстро, ловко и аккуратно, как-то даже поматерински обняла второго, успевшего вскочить на ноги, и бросила его на асфальт с такой же легкостью, с какой только что бросала в багажник джипа рулоны тканей, а он только охнул и остался лежать неподвижно, тихо постанывая. Выскочившие на шум из дворца женщины в светло-зеленых атласных халатах ухохатывались, наблюдая, как Патрикеевна, в прошлом чемпионка Европы по дзюдо в полутяжелом весе, взгромоздившись сначала на одного, потом на другого, добросовестно, по-милицейски связывает их руки ихними же ремнями. Появившаяся следом за продавцами Сторожева тут же вызвала по мобильнику оперативников, и когда те приехали и выслушали свидетелей, резко выговорила им: «Что ж это ваши всё твердят, будто бы рэкет у вас в городе не получил распространения?! А это что такое?!» Один из оперативников, лейтенант, сказал: «А он и не получил!» И, наклонившись к связанным, спросил: «Вы под кем ходите, джентльмены?» И они разом ответили: «Ни под кем. Мы сами по себе». «Ну вот видите, — сказал лейтенант Сторожевой. — Ребята просто оступились! Дилетанты! Это единственный случай!»

И в самом деле — ничего подобного больше не было.

12

Сторожева не случайно сказала оперативникам «у вас в городе»: она была не местной, приехала из Краснодара. И тоже не случайно: долгое время все-таки была местной, окончила здесь тот же текстильный институт, что и Анна, но десятью годами раньше. Тогда в этом городе еще была возможность трудиться по специальности, и Сторожева успела приобрести немалый опыт работы инженером отдела сбыта на ткацкой фабрике. А потом, когда фабрика почилла в бозе, вернулась на родину, в Краснодар, но не одна, а с двухлетней дочкой, появившейся на свет в результате романа с женатым человеком, он был главным механиком на той же ткацкой фабрике, а после ее закрытия устроился в школу учителем

труда. На родине Сторожева занялась текстильным бизнесом. Бизнес пошел у ней сходу, а затем и широко развернулся. Она стала одной из первых бизнес-леди в регионе, и продолжала бы процветать там, если бы отсюда до нее не дошли сведения о том, что Григорьев, отец Юли, ее дочери, уже десятилетней, развелся, живет один и всё так же работает в школе. Она приехала к нему с Юлей, он встретил их хорошо, предложил жить семьей, но при условии, что Сторожева с дочкой переедет к нему. И Сторожева в кратчайшие сроки перевела сюда свой бизнес и переехала вместе с Юлей и Патрикеевной, надежным ее помощником и шофером. Сторожева с Юлей стали жить у Григорьева. Сторожева хотела, чтобы он работал с ней в бизнесе. Но Григорьев уже прикипел к школе, несмотря на мизерную зарплату, и наотрез отказывался уходить из нее. Однако, не из-за этого, а из-за чего-то другого у них не складывалось — вплоть до того, что Сторожевой вскоре пришлось срочно купить квартиру (по соседству с квартирой, купленной ранее для Патрикеевны) и вместе с Юлей переехать в нее от Григорьева. Это был не разрыв, а всего лишь смена жилищной ситуации, при которой они продолжали оставаться семьей, и счастливой, так, во всяком случае, говорила Сторожева Анне, для которой парадокс этот был непостижим, тем более что незадолго до этого она была на их бракосочетании и свадебном застолье в очень узком кругу гостей. Анна не могла взять в толк, как это возможно для супругов — жить счастливо, не уживаясь под одной крышей. Тем не менее, это было так: когда Анна видела их вместе (что случалось нередко, ведь Сторожева постоянно приглашала Анну к себе в гости на выходные и праздники, и всегда в эти дни Григорьев находился у нее), это, безусловно, были два счастливых человека, а их дочь Юля, умная, шустрая, веселая, превращала их жизнь в самую настоящую идиллию, проникнутую добротой и любовью. Причем, Григорьев, отказываясь уходить из школы, не отказывался помогать Сторожевой в бизнесе, и помогал активно, его часто можно было видеть в «Мире тканей», он решал многие проблемы, с его опытом руководящей работы на фабрике ему это всегда удавалось легко; и там тоже их отношения со Сторожевой были безоблачны. Но жить вместе, как ни странно, у них не получалось, и Анна в конце концов решила, что никакой идиллии тут нет, всё это напускное, внешний флер, на самом же деле и семья-то как таковая не состоялась; придет время, и они расстанутся. И когда через год после начала работы «Мира тканей» Сторожева сказала ей, что сворачивает бизнес и уезжает обратно в Краснодар, Анна подумала: ну вот и пришло

время. Ей было очень жаль, что сказка так неожиданно закончилась. Всё произошло стремительно, и было похоже на бегство. За два дня исчезли из похожего на цирк здания все ткани, их увезли фуры и газели, исчезла мебель и торговое оборудование, исчезли и трубчатые лампы со стен вместе с панно и плакатами, которые рисовала Анна, их бережно сворачивала и сама укладывала в машины Сторожева. Здание превратилось с пустую гулкую коробку, в которой сразу появились летающие под куполом вороны и спящие по замурованным полам голуби.

Сторожева сильно переживала. Она не посвящала Анну в подробности, да и вообще ничего об этом не говорила, и только настойчиво звала с собой в Краснодар, обещая, что у ней там всегда всё будет прекрасно, но Анна отказывалась, не раздумывая ни единой секунды: для нее просто невозможно было уехать из своего города; при одной только мысли об этом ее охватывал панический страх, она была железно убеждена: в любом другом городе будет хуже. Там ее начнет одолевать тоска по этому городу и по своей семье, прежде всего — по матери. И станет неодолимо тянуть сюда. Так и не смогла уговорить ее Сторожева. Но попрощаться приехала, тоже совершенно неожиданно для Анны. Она была одна дома в тот момент, и когда открыла дверь на звонок, ей первым делом пришлось пропустить мимо себя Патрикеевну в ее неизменном красном спортивном костюме и красной кепке-воляне. Патрикеевна буквально ворвалась, держа на руках, как держат охапку дров, семь рулонов разных тканей, и сказала невнятно, прижимая их подбородком: «Куда положить? Говори!» Анна провела ее в свою комнату, где Патрикеевна мягко сбросила с рук разноцветную и тяжелую охапку на ее кровать. А следом вошла Юля, за ней — Сторожева, она несла еще три рулона. «Будешь шить на заказ, — сказала Евгения Петровна в приказном тоне, положив ткани туда же, на кровать, и добавила: — Знаю, любишь шить, и хорошо шьешь». И Анне было непонятно, откуда она об этом узнала. Патрикеевна сбегала вниз и принесла бутылку коньяка и деликатесную закуску, и они справили на кухне краткую отвальную, правда, Патрикеевна не пила, она, как всегда, была за рулем. Сторожева, глядя на Анну своими красивыми и влажными в те минуты глазами, просила: «Прокатись с нами до аэропорта. Обрато я отправлю тебя на такси». И Анна поехала с ними на черном джипе, а по дороге затеяла с Юлей привычную игру, родившуюся еще в начале их знакомства, когда Анна по просьбе Сторожевой взялась учить девочку их профессии (Анна много времени проводила с Юлей, когда

Сторожева ездила в другие города). Машина медленно ползла в пробках, и Анна, глядя над головой Юли в открытое окошко, спрашивала: «Из чего сшита блузка во-он той женщины, что вышла из кондитерской?» — «Из ацетатного шелка», — бойко отвечала Юля. «Правильно. А костюм мужчины, который входит в закусочную?» — «Из габардина». — «Ага. Кофта женщины у бордюра?» — «Бархат-стрейч!» — «Верно. Платье дамы у телефона-автомата?» — «Брокат!» — «Отлично, — довольно говорила Анна. — А теперь мы с малой скоростью, как на пароходе, подплываем к памятнику с вечным огнем. Видишь, сразу из двух машин вышли женихи с невестами и несут к огню цветы. Скажи-ка мне, Юленька, из чего сшиты белоснежные платья невест? Из одинаковой ткани?» — «Нет, не из одинаковой, — уверенно отвечала Юля. — У черненькой — из шелкового сатина, а у рыженькой — из шифона». — «Молодец!» — погладила ее по голове Анна. Патрикеевна, крепко держась за баранку, хохотала и говорила Сторожевой: «Она тебе замену вместо себя подготовила!» А Сторожева начинала плакать и причитать: «Как же мне будет тебя не хватать, Анечка!» Анну же ошарашила еще одна неожиданность: у аэропорта, из которого, думала она, Сторожева улетит с Юлей в Краснодар на самолете, их ждал отец и муж Александр Валентинович Григорьев, красивый статный блондин того же, что и Сторожева, возраста, чуть за сорок. Он был одет в металлически блестящий на солнце светло-серый костюм, у его ног лежала внушительных размеров сумка из материи в оранжевую клетку. Анна, уверенная в том, что они разошлись, подумала: он приехал проводить их. Но Григорьев, положив сумку в багажник, сказал: «До Краснодара нам этой еды, может, и не хватит, но до Орла хватит непременно». И, галантно поцеловав руку вышедшей из машины Анне, сел на ее место. Сторожева, Юля и Патрикеевна стояли перед Анной, и она плохо слышала, что они ей говорили. Тут подъехало такси, которое по дороге вызвала Сторожева, она заплатила таксисту и повторила, куда ехать. Анна долго обнималась и целовалась со всеми троими, а потом стояла, глядя сквозь слезы вслед уносящемуся из города джипу, пока он не скрылся из вида и таксист не сказал буднично: «Так едем, нет?»

Неторопливо шагая по набережной, уже приближаясь к речному вокзалу, давным-давно не принимавшему суда, превращенному в крытый рынок, Анна вспоминала то славное время работы в «Мире тканей» и представляла, как снова окупнется в такой же «мир», когда всё наладится в их городе, по-прежнему искренне веря, что в скором времени это про-

изойдет, и даже порой внушая себе это; так обычно защищалась она от реалий жизни, чтобы не пасть духом и не остановиться, а продолжать идти и идти вперед, не прекращая поиска возможности хоть за что-нибудь зацепиться в этой жизни, хоть как-нибудь утвердиться в ней — до той черты, за которой всё пойдет так, как ей мечтается.

13

Домой она пришла около пяти вечера. В квартире было пусто. Скинув туфли в прихожей и надев тапочки, она прошла в свою комнату, положила на тумбочку сумочку и села на кровать. Ее тут же охватило чувство опустошенности, как бывало всякий раз после дня, прошедшего впустую, в напрасных усилиях. В третьем месте, предложенном специалистом биржи труда Ивановой, где еще утром требовался вахтер, не требовался уже никто. Никто не требовался и в нескольких других организациях, которые вдобавок успела она обойти сегодня, собрав новые записи отказов в листке поиска работы. «Ничего, — думала она, снова успокаивая себя. — Будет еще... Может быть, даже завтра что-нибудь подвернется...» И смотрела на мамину акварель на стене. Это был ее, Анны, портрет. Семнадцатилетняя абитуриентка, большеглазая и длинноволосая, окутанная березовой листвой, улыбается застенчиво и мечтательно. Она перевела взгляд на бабушкину деревянную прялку, втиснутую между набитым книгами шкафом и бабушкиным ореховым комодом, потом — на бабушкину же швейную машинку, стоявшую у стены на табуретке, старенькую, но хорошо отлаженную; на ней она и шила, реализовывая те ткани, что подарила ей на прощанье Сторожева. От них остались лишь лоскутки, пестро устилавшие подоконник. Поначалу Анне казалось, что этих тканей хватит на несколько лет. Но хватило лишь на год с небольшим. Она давала объявления в Интернете: «Шью одежду из своего материала», — и первое время заказов не было, потом она стала добавлять к объявлениям свои эскизы и рисунки образцов одежды, и вскоре прилетел-таки один заказ, немного погодя — второй; а где-то уже после десятого, благодаря, конечно, естественной, спонтанной, всегда бытующей в людской среде рекламе, заказы пошли один за другим, и Анна, не забывая отмечаться на бирже, шила и шила целыми днями, шила всё подряд — женские платья и блузки, мужские костюмы и брюки; шила, пока не закончились ткани. И можно было продолжать шить, покупая новые ткани, но она понимала: надо остановиться. Благо, всё прошло гладко, не прицепились налоговики, не привлекли за незаконную пред-

принимательскую деятельность. И деятельность эта ушла в прошлое, о чем Анна особо и не жалела. Сторожева ошиблась, сказав, что она любит шить. Нет, ей нравилось шить очень давно, в те школьные годы, когда бабушка обучала ее всем тонкостям швейного дела. Потом бабушке стало не до обучения, от нее уходил дед, в то время работавший с ней на одной фабрике наладчиком. Там была какая-то непонятная Анна, затяжная и очень нелегкая для бабушки история с женщиной из сельской местности, куда в конце концов и определился на постоянное место жительства дед, оставив бабушку в одиночестве в двухкомнатной квартире. Позже, когда бабушка была уже в преклонных годах, а Анна училась в институте, отец обменял через риэлторскую компанию свою и бабушкину двухкомнатные квартиры на эту, четырехкомнатную, и они переехали сюда из соседнего дома: отец не хотел менять Новоселовку ни на какой другой район. Но и когда съехались, руки Анны не тянулись к шитью, она только помогала бабушке, если та просила. И «швейно-предпринимательский» период в жизни Анны, начавшийся вскоре после смерти бабушки и завершившийся год назад, был для нее случайным эпизодом, не более. Конечно, если бы в службе занятости ей предложили место швеи или закройщицы, она бы пошла. Но таких вакансий не было.

Она всё сидела и сидела на кровати в расслабленной дреме, думая, что надо бы пойти на кухню что-нибудь поесть, но не было никакого желания двигаться, не было и сил — сил моральных, а не физических. И долго бы еще, наверное, так сидела, если бы не раздался звонок. С усилием над собой она встала и пошла к входной двери.

И когда открыла ее, увидела отца и того придурка, который сегодня в службе занятости предложил ей сходить в ресторан. Отец пропустил его вперед, и он, входя и с улыбкой глядя на Анну, сказал:

— Я же говорил, мы еще встретимся!

Отец, входя следом, засмеялся и спросил его:

— Это ты ей двадцать с лишним лет назад говорил?

— И тогда тоже говорил!

— Папа, кто это? — ошарашенно спросила Анна.

— Это, Аня, друг твоего детства Гордей Венцов.

— Ка-ак? — тихо протянула Анна, во все глаза глядя на Гордея. — Правда?

— Правда, правда, — кивнул Гордей, посмеиваясь. — Это именно я и никто другой!

— Он собрался навечно бросить якорь в нашем городе, — сказал Виктор Федорович и взял у Гордея его чем-то набитую

синюю дорожную сумку и понес ее на кухню, а Гордей с Анной остались в прихожей вдвоем.

— Горде-ей, — шагнула вперед Анна, ткнула лбом в грудь Гордею, смутилась, тут же отпрянула и, краснея, сказала: — А я еще подумала: что-то знакомое... Не случайно, значит, ты мне сегодня вспоминался... Так ты знал, что это я?

— Знал. Я тебя выследил.

— А что ж не назвался-то?

— Хотел заново с тобой познакомиться.

— Зачем-ем? Все равно бы не получилось. Эх, ты! Чудак, чудак! Я же тебя за придурка приняла.

— И правильно! — засмеялся Гордей. — Но... теперь-то пойдешь со мной в ресторан?

— Теперь-то конечно.

— Отдохнуть тебе все-таки надо.

— Да, да. Еще как! Ты прав... Но лучше не в ресторан, лучше в театр.

— Хорошо, сначала в театр, а потом в ресторан. Вот прямо завтра и пойдём в театр. Скажи мне номер своего мобильного.

Гордей достал из кармана телефон, Анна продиктовала ему номер, и тут же из нее вырвалась:

— Как я рада тебя видеть!

Она всё смотрела, смотрела на него, и лицо ее сияло, а глаза блестели живым блеском. Теперь она была полна энергии. И энергично говорила:

— Давай-ка рассказывай, рассказывай о себе! Рассказывай всё! Пойдем ко мне в комнату..

— Ты его не отвлекай, — вышел из кухни Виктор Федорович. — Пойдем, Гордей, не в комнату к ней, а вместе с ней на кухню, и там продолжим...

— Успеете продолжить! Пап, дай мне допросить Гордея. Пусть он всё мне о себе как на духу расскажет!

— Ладно, ладно, только не задерживай его долго, — сказал Виктор Федорович и ушел на кухню.

Анна повела Гордея в свою комнату, а он говорил по пути:

— Мы съездили на могилу к моему отцу, там помянули...

Войдя в комнату, Анна сняла швейную машинку с табуретки и поставила ее на пол, а табуретку подвинула Гордею и села на кровать. Гордей сел на табуретку и стал рассказывать о себе. Анна слушала, разглядывая его лицо, и теперь ей было понятно, почему он понравился ей в службе занятости. Симпатичный. Но главное даже не это. Что-то притягательное кроется в нем, не нарочитое, располагающее. Конечно же, нравится женщинам. Возможно, не раз был женат. Но об этом

он ничего не говорил, а говорил о своей работе, о том северном городе, где долгое время жил, о новой семье своей мамы. И Анна, выбрав момент, спросила:

— А у тебя-то насчет семьи как? Женат?

Он на мгновение замер, посмотрел на нее пристально и, вздохнув и отведя взгляд, ответил как-то не очень охотно:

— Да нет... Одинок... — и засмеялся: — Как одинокий бизон! — и спросил: — Что у тебя там на бирже? Нашлось место?

— А, ничего не нашлось, — махнула рукой Анна и рассказала о своих сегодняшних похождениях. Говорилось ей легко, и вообще было очень легко, точь-в-точь как в детстве, когда она всякий раз при встрече рассказывала Гордею обо всем произошедшем с ней с тех пор, как они виделись последний раз. И сейчас она с той же легкостью, как-то даже и незаметно для себя, рассказала ему о своей работе на железобетонном заводе, а потом в «Мире тканей», и он внимательно слушал, не перебивая, пока она не начала говорить о Сторожавой; тут он стал перебивать, переспрашивать, уточнять, задавать вопросы, на которые она либо затруднялась ответить, либо вообще ответить не могла, поскольку не вникала в это, когда работала. И в конце концов полушутливо спросила:

— Тебя, я вижу, привлекает предпринимательство?

— Именно, — серьезно ответил он.

— Хочешь взяться?

— Предполагаю.

— Потому-то и решил навечно бросить якорь в нашем городе?

— Да. Потянуло к родным берегам, — сказал он, не сводя с нее смеющегося взгляда, полного теплоты и нежности. — У вас я поживу только несколько дней, пока не сниму отдельную квартиру. Мне нужна резиденция, — улыбнулся он и продолжил расспрашивать ее.

Минут через десять пришла Валентина Антоновна, и дальше уже сидели на кухне за столом, на котором даже для салфеток не было свободного места от того, что закупил Гордей. Валентина Антоновна показывала свои новые акварели, которые нарисовала сегодня в школе (там она в основном и занималась этим: ничто не вдохновляло ее так, как школьная атмосфера); Гордей рассказывал интересные случаи из заводской жизни, к ним добавлял свои не менее интересные случаи Владимир Федорович, а Валентина Антоновна вспоминала случаи из школьной жизни, тоже интересные. И только Анна сидела молча, и ей было хорошо: всё, что недавно угнетало, отлетело. Когда пришел Иван, мрачный и абсолютно не расположенный к общению, его, конечно, позвали за

стол, но он отказался и ушел в свою комнату. Валентина Антоновна унесла ему сок и блюдо с закусками. Вернувшись, сказала, что следующие два дня работает в школьном лагере, и ей завтра рано вставать. Гордей попросил ее разбудить и сказал, что поедет по своим делам. Но его приезд отмечали еще долго.

14

Утром Валентине Антоновне не пришлось будить Гордея, он проснулся сам, и когда она вышла из своей комнаты, уже был умыт, одет и побрит, от него свежо пахло одеколоном. Весь вид Гордея источал веселую жажду деятельности, губы его то и дело подрагивали в затаенной улыбке. Негромко разговаривая о том, о сём, они с Валентиной Антоновной позавтракали на кухне, потом он проводил ее до школы и пошел на остановку. Он ходко шагал среди домов, девятиэтажных и пятиэтажных, потом вдоль дороги, за которой темнели березовые рощи. И это утро было теплым. Еще не совсем рассвело; большую часть неба закрывала чернильная синь облаков, в просветах между ними светилась бледноватая голубизна, а на востоке, над дальней рощей, облака краснели узкими и длинными полосами с золотисто горящими прослойками. С удовольствием вдыхая сладкий воздух, напоенный запахом березовой листвы, Гордей ощущал молодую радостную силу и очень приятные чувства, сохранившиеся в нем со вчерашнего вечера, от той атмосферы, которой так не хватало ему в жизни — атмосферы семейной, теплой, душевной.

Подойдя к остановке, он не стал ждать автобуса, а постучал по стеклу белого жигуленка, стоявшего рядом. Дверца машины открылась, и из нее выглянул интеллигентного вида немолодой водитель в тонких очках и замшевой кепочке. На лице его застыла скука. Наверное, он стоял здесь давно.

— До шести вечера со мной поработаете? — спросил Гордей.

— С удовольствием! — мгновенно повеселел водитель. — Для меня это просто манна небесная!

Гордей влез в машину на переднее сиденье, аккуратно хлопнул дверцей, сразу же договорился с водителем об оплате, потом спросил его имя, и он сказал солидно:

— Друзья и бывшие коллеги называют меня Сан Саныч.

— Ну, а меня — Гордей. Отвезите меня для начала, Сан Саныч, на набережную и прокатите по ней, пожалуйста, от порта и до моста.

Машина рванула с места и помчалась по окраинному проспекту, миновала огороженные сетчатыми заборами автостоянки и рощи по правую сторону и длинные пятиэтажные дома

по левую, пронеслась по дороге сквозь массив деревянных домишек, взлетела на мост через железнодорожные пути, съехала с него вниз, взлетела на второй мост и так же стремительно нырнула с него, выезжая на длинную улицу, зажатую с обеих сторон вперемешку со старыми деревянными домами и новыми двухэтажными каменными особняками; и — дальше, дальше, к центральной части города, во всё более и более светлеющем пространстве, а когда, миновав Ленинский рынок, свернула на набережную, уже полностью рассвело, и владельцу жигулей Сан Санычу, когда он косился на Гордея или поглядывал на него в зеркало над ветровым стеклом, отчетливо было видно его лицо. Гордей заинтриговал Сан Саныча, это был первый случай, когда его наняли на целый день, и он с любопытством разглядывал его, пытаясь понять, что же это за уникал такой, что за цели у него могут быть, уж не связанное ли что-нибудь с криминалом, хоть это и абсолютно не вязалось с его то и дело появлявшейся на лице странной какой-то, с оттенком мечтательности, что ли, улыбкой, с его несколько странным поведением — просьбой, например, остановить машину на набережной у почты; но пошел он не на почту, а, перебежав дорогу в неполюженном месте, пошел к барьеру набережной через газон, и через барьер перепрыгнул, исчезнув из вида надолго, так что пришлось даже поволноваться; но он вновь возник над барьером, перепрыгивая через него уже в эту сторону, и перешел через газон, перебежал дорогу, и когда опять сидел в машине, Сан Саныч внимательно выслушал его комментарий, из коего следовало, что он не был здесь не один десяток лет, с самого детства, когда в этом месте реки ловил рыбу с удивительной девочкой; потом он попросил остановиться там же, на набережной, но немного дальше, у школы, и сбегал в нее, опять же надолго, и вернулся со смеющимся, радостным лицом, и сказал, когда ехали дальше, что и директор, и большинство учителей всё те же, и что две учительницы оказались бывшими его одноклассницами; и замолчал, доставая из внутреннего кармана пиджака блокнот и открывая его, затем назвал первый адрес, куда намеревался заехать, и снова замолчал, пряча блокнот и доставая из другого внутреннего кармана пиджака планшет, включил его и стал что-то искать и читать; тут уж все подозрения насчет криминала у Сан Саныча отпали: он понял, что везет человека порядочного, по всей видимости, благополучного, и порадовался за него, поскольку душа у него была добрая, и радоваться чужому благу он умел — при том, что своего было не так уж много, больше было антиблага, включавшего необходимость «бомбить» воп-

реки желанию и коренной профессии, а так же нездоровье жены с постоянными тратами на дорогие лекарства, стационарное лечение и поездки в профилактории, хорошо хоть сын-офицер, командующий мотопехотным полком в Забайкалье, помогает. И он, поглядывая на Гордея, пребывавшего в прекрасном настроении, заряжался от него хорошей чистой энергетикой, и ему было досадно, когда после посещения первого адреса радость Гордея стала улечиваться, а настроение меркнуть, и это продолжалось по мере того, как ездили по другим адресам. В конце концов его прекрасное настроение и вовсе испарилось, и он, спрятав планшет, сидел неподвижно, глядя в мрачной задумчивости вперед сквозь ветровое стекло. После семнадцатого адреса он попросил отвезти его к музыкальному театру, зашел в кассу и вернулся к машине, прижимая к уху мобильник и говоря кому-то, что взял билеты и в шестом часу заедет. Тут настало обеденное время, и они, в соответствии с договоренностью, в которую Гордей включил оплачиваемый обед, поехали в комбинат питания. И когда сидели за столом, Сан Саныч, сняв свою замшевую кепочку, обнажившую выпуклую сверкающую лысину, спросил:

— Судя по предприятиям, в которых вы побывали, вас интересует малый бизнес в сфере металлоизделий?

— Да, да, — рассеянно кивнул Гордей, без всякого аппетита поглощая борщ.

— Ищете работу?

— Нет, пока просто изучаю обстановку, навожу справки. Хотел сам бизнесом заняться.

— Хотели? — с едва уловимой насмешкой спросил Сан Саныч, посыпая красным перцем куриный бульон с лапшой. — Или всё еще хотите?

— Видно будет... Вот еще поездим...

Дальше ели молча. А потом молча ездили по предприятиям малого бизнеса до пяти часов, после чего Гордей попросил отвезти его на Новоселовку. Теперь он был еще более мрачен и задумчив. Сан Саныч больше ни о чем его не спрашивал, лишь сочувствовал ему. Но когда увидел выскочившую из подъезда Анну, одетую в нарядное платье, и увидел, как просветлело и вновь засияло радостью лицо Гордея, то подумал, что в главном он все-таки благополучен: жена у него что надо. Гордей пересел на заднее сиденье, куда села и Анна, и они всю дорогу без умолку оживленно разговаривали, и Сан Саныч снова радовался за своего пассажира, а когда остановил машину на парковке у музыкального театра, и Анна вышла, а Гордей стал с ним рассчитываться, тихо и быстро заговорил:

— Вы, Гордей, старайтесь входить в малый бизнес нашего города очень и очень осторожно, если, конечно, все-таки надумаете в него входить. Перед вами человек, пытавшийся это сделать. Я до-олго проработал на заводе в отделе снабжения, а потом недолго заместителем коммерческого директора, и там всё-всё у меня отлично получалось. И вот когда завод развалился, освободив меня от средств к существованию, я решил, что моего опыта и моей коммерческой жилки хватит для того, чтобы стать успешным в этом самом бизнесе, именно в металлоизделиях, куда почему-то так тянет вас. И я по-лез туда с тем нахрапом, каковой позволителен лишь когда лезешь в огонь или в ледяную воду, но и обжегся, и обморо-зился, и вот теперь вынужден колесить на своей старушке... О, тут перебор! — сказал он, взглянув на деньги, которые вло-жил ему в руку Гордей. — Мы ведь договаривались на мень-шую сумму.

— Это надбавка за дельный совет, — ответил Гордей, по-жимая Сан Санычу руку, и вышел из машины. Он еще подумал, что надо будет съездить в Союз предпринимателей, по-говорить с его руководством: а вдруг да скажут что-то дель-ное, вдруг да наклонется какая-нибудь зацепка. На завтра же наметил проехать по заводам. И больше о делах не думал.

15

И только говорил и говорил с Анной, говорил, сидя на скамейке у музыкального театра, говорил, входя в театр, а потом сидя и попивая с Анной кофеек в театральном буфете. Им было о чем поговорить, даже минутных пауз не возникало в их разговоре, словно все годы со времен их детства в них накапливалась жажда выговориться друг перед другом, и те-перь обоих прорвало, и разговор тёк и тёк сам собой. Гордей чувствовал, как легчает на душе после оказавшегося нера-достным дня и возвращается то чудесное состояние, в кото-ром пребывал сегодня утром, шагая к остановке. И только когда уже сидели в зале, и пришлось прервать разговор, по-тому что начался спектакль, на душе у него неприятно ца-рапнуло от мысли, что никакого просвета с обустройством в этом городе пока не просматривается, но тут же стал внима-тельно смотреть на сцену, нет-нет да и косясь на Анну, и по-степенно ушел с головой в действие, сразу ставшее для него двойным: одно шло там, на сцене, сотканное из работы акте-ров и музыки оркестра, оно увлекало и веселило, а второе шло здесь, рядом, оно было соткано из шепотков Анны о ком-нибудь из актеров, которых она хорошо знала, из ее быст-рых, взблескивающих в полутьме взглядов, брошенных на

него, из ее улыбок и смеха, и это действо в течение всех трех актов навело на него настроение томительной неги, поднимало внутренне на высоту невероятную и напитывало силой необычайной, так что на улице после спектакля он вышел могучим, способным объять небо, уже потемневшее, с проступившими звездами, с неполной луной над шпицем центральной гостиницы. И так приятно было слышать от Анны:

— Гордей, ты меня просто воскресил, я чувствую себя ожившей! Спасибо тебе огромное, Гордей! «Летучая мышь» — это моя самая любимая оперетта!

А он растерялся и сказал невпопад:

— Какое красивое у тебя платье...

— О! Наконец-то заметил! — рассмеялась она. — Это я сшила сама. Из ткани, которую подарила мне Сторожева. Помнишь, я вчера тебе рассказывала о ней?

— Конечно, помню. А почему она отсюда уехала?

— Не знаю, она мне этого так и не объяснила.

— Хм... Ну, что? Такси?

— Да ну. Лучше давай прогуляемся. Дойдем до транспортного института, а там — на маршрутку.

Она взяла его под руку, и они, продолжая разговаривать, вышли с Театральной площади на проспект. И медленно шли под светящимися всюду фонарями, в потоке прохожих и шуме машин, сигналивших часто и пронзительно. Время летело для Гордея незаметно. Ему казалось, что длинный путь до остановки они прошли за считанные минуты, а потом за считанные минуты проехали в тряской маршрутке длинный путь до Новоселовки. И когда уже дома, после ужина, расходились с Анной по комнатам, ему ужасно не хотелось расставаться с ней: казалось, что расстаются они надолго, и он старался оттянуть это расставанье, всё о чем-то спрашивал и переспрашивал ее в прихожей, пока не почувствовал, что ведет себя нелепо, и тогда сказал, смущенно улыбаясь:

— Итак, первый пункт выполнен — в театре мы побывали. Теперь дело за вторым пунктом, а второй пункт — это культпоход в ресторан. Значит, завтра... Ой, нет! — спохватился он. — Завтра никак! Послезавтра пойдем в ресторан, — и быстро добавил: — Спокойной ночи и сладких снов.

И ушел к себе в комнату, и сразу лег спать.

А утром проснулся рано и поехал по заводам, теперь на автобусах, в надежде найти место, соответствующее его производственному опыту и статусу: не ниже начальника участка, в крайнем случае — старшим мастером. Да он бы мог свободно заступить прямо сейчас и на должность начальни-

ка цеха, и с успехом справлялся бы. Но ему даже место рабочего нигде не предлагали. Не было мест. Фактически и заводов не было, от них оставались одни ошметки, а от некоторых и вообще ничего не оставалось. Как, например, от крупного завода, выпускавшего узлы и детали для сельскохозяйственной техники, на котором Гордей однажды, школьником, побывал на экскурсии с классом: территория этого завода была теперь застроена ресторанами, барами и ночными клубами, а огромное четырехэтажное здание заводоуправления пустовало.

Очень тяжелым получился и этот день.

Гордей объездил все заводы, адреса которых позавчера выписал себе в блокнот из Интернета, потом с помощью планшета нашел еще несколько адресов заводов помельче, объездил и их, так же безрезультатно, после чего, вздохнув, сказал себе:

— Обломы копятяся, надежда убывает!

И пошел по магазинам, купил продуктов, купил кое-что еще и с полным большим пластиковым пакетом поехал на Новосёловку. Было полшестого, когда он позвонил в квартиру. Ему открыл Иван.

— Здравствуйте, Гордей Васильевич, — сказал он тихо и, как заметил Гордей, несколько запыленно. И сразу стал надевать туфли, говоря быстрым полусшепотом: — Дома только отец... Наверное, спит,... А я ухожу...

— Скажи-ка мне, Ваня, — спросил тихо Гордей. — Ты в политической борьбе не участвуешь?

— Что за убийственный вопрос? — удивленно сказал Иван, разгибаясь на фоне висевшей на стене акварели с горным заснеженным хребтом под оранжевым солнцем в синих облаках. — Нет, конечно.

— Точно?

— Да точно, точно! Для меня это пока что и неправомочно! Ну всё, полетел я...

Иван схватил с обувного стеллажа газетный сверток и выскочил из квартиры.

16

И когда оказался на улице, пошел очень быстро, размахивая свертком, и лишь через три девятиэтажки замедлил шаг и подумал: «А чего это я так спешу-то? Сейчас-то куда торопиться? Что за дерганье? Успокоиться!»

И, сунув под мышку сверток, пошел медленно, очень медленно считая про себя до тридцати, таков был его способ унять волнение. И когда оно немного унялось, стал думать, как

быть дальше. До «дела» оставалось пять часов, и надо было не просто прожить их, точнее, не просто убить, а убить с толком, по возможности обеспечив себе надежное алиби. Он быстро придумал, как его обеспечить, и пошел на остановку, сел в маршрутку, уехал в самый центр города, купил в кинотеатре имени Маяковского билет на полдевятого, на двухсерийный фильм продолжительностью три с лишним часа, и пошел в областную библиотеку, громадное здание которой высилось неподалеку. И сидел в читальном зале до самого закрытия, до восьми часов, читая новинки юридической литературы. Сверток лежал с краю на столе. Иван, как всегда, ушел в чтение с головой, и когда ему сказали, что библиотека закрывается, с сожалением собрал со стола книги, чувствуя, однако, что *его прибыло*, и испытывая удовлетворение, а когда вышел из библиотеки, волнение вновь охватило его, и захотелось прекратить всё это, поехать домой, сесть за стол и снова читать, читать. Но, чуть подумав, он подобрался внутренне, приложил волевое усилие и пошел в кинотеатр.

В кинотеатре ему вспомнилось, как бывал здесь с Дашей, и сразу, конечно, вспомнилась ссора, верней, не ссора, а разрыв, и на сердце заныло, а в горле возник какой-то гадкий вкус, будто глотнул едкого дыма. Он подавил это, приложив еще одно, куда более мощное волевое усилие, и стал высматривать знакомых среди людей в фойе и в обоих буфетах — без особой надежды, что повезет. Но ему повезло: во втором буфете сидели за одним из столиков и пили кофе с пирожными двое знакомых ровесников. Они окончили ту же школу, что и он, учились в параллельном классе. Максим Сухарев и Надя Володина. С ними Иван хорошо был знаком: когда-то, в пятом и шестом классах, они вместе занимались в школьном шахматном кружке, пока его не закрыли из-за того, что руководивший им учитель истории уехал в другой город. Но и потом при встречах всегда здоровались, подолгу разговаривали, обсуждая шахматные и прочие новости, так что Ивану ничего не стоило, взяв в буфете чай и круассан, запросто подойти к ним и сказать:

— Приветствую вас, Максим и Надя!

Увидев его, Максим загоготал и вскочил:

— О, брат Епифанов, здорово!

— Здравствуй, Ванюша, — улыбнулась Надя, темноволосая, худенькая, хорошенькая, с серебристым шариком пирсинга в тонком носу.

Иван поставил на столик белый пластмассовый стаканчик с чаем и белую пластмассовую тарелочку с круассаном, а Максим, всё гогоча, пожал ему руку, сел и спросил, как его

дела. Тут Иван понял, что теперь оба они Сухаревы: на безымянных пальцах их правых рук сверкали золотые обручальные кольца. Он поздравил их и сел, вынимая из-под мышки сверток и кладя на колени, ответил Максиму, что всё у него нормально, и стал пить чай и есть круассан, стараясь выглядеть как можно более веселым, беспечным, абсолютно всем довольным. А для того, чтобы Максиму и Наде лучше запомнилась эта встреча, рассказал немного о знаменитом юристе Анатолии Федоровиче Кони, о его статье «О допущении женщин в адвокатуру», о том, как на обсуждении законопроекта по схожей теме он на чье-то высказывание, что присутствие женщин на процессах якобы может стеснять судей, ответил таким вопросом: а суд — это что, компания выпивающих мужчин, которые бросаются непечатными словами и рассказывают неприличные анекдоты?

Максим опять гоготал, зажмуриваясь и вертя головой так, что сзади хвостом моталась его пышная, золотистая, как солома, коса. Смеялась и Надя тонким залихватистым смехом.

— Во человек был! — восхищенно говорил Максим. — У нас один препод по почвоведению тоже как что-нибудь скажет-скажет, — наповал! Один раз говорит: «Вы, ребята, не расстраивайтесь, что на селе никому не нужны. В городе для агрономов тоже есть работа: газонов-то хватает!

И снова Максим загоготал.

— А почему на селе не нужны? — поинтересовался Иван.

— Так сельское хозяйство-то у нас в полном загоне, — продолжая гоготать, отвечал Максим. — Молодым спецам после нашего сельскохозяйственного института там нечего делать! А он еще, сельхоз-то наш, теперь называется — аграрный университет! И куда мне потом с этим универ... сальным дипломом пойтить? А? Куда-а?

Весь он был сплошная веселость, весь так и истекал этой веселостью, и если бы Иван не знал его как человека никогда ничего крепче газировки не употреблявшего и абсолютно не причастного к наркоте, он бы грешным делом подумал: уж не обдолбан ли Максим?

А тот продолжал веселиться:

— В ни-ку-да-а!

— Пойдешь к нам на мини-рынок! — засмеялась и Надя.

— Ке-ем? Грузить свиные туши? Или к тебе помощником?.. Помощник продавца — нор-рмально! Только есть ли там такая ставка?

— А может, тебя начальником охраны возьмут!

— О-о, это обязательно!.. С универом только так! Главное, чтоб дело было, а то без дела-то... Моя бабулька говорит: «Без дела жить — только небо коптить!»

Иван вдруг понял причину этой безмерной веселости Максима, которому по идее должно быть не до веселья. Всё тут предельно просто. Максим счастлив. Как и Надя. И сразу Ивану стало нехорошо. А тут еще Максим полубо-пытствовал:

— А ты чё без Дашки-то?

— Да, странно, — подхватила Надя. — Всегда были вместе...

— На дежурстве она, — быстро сказал Иван, и от этого вранья ему стало еще хуже, и теперь очень трудно было удерживать на лице беспечную улыбочку. Хорошо, звонок зазвенел, и надо было идти в зал.

Максим с Надей сели на третий ряд, и это было кстати: не увидят, как он выйдет из зала, — с последнего ряда, с крайнего места (специально в кассе попросил).

Сеанс начался, и Иван, как и наметил, отсидел полчаса, не вникая в эту любовную мелодраму, думая о своем. Он выбрал момент, когда будет особенно темно (на экране кто-то, едва видимый, стоял ночью, печально глядя на тускло светящиеся окна дома). И в этот момент встал и тихо ушел из кинотеатра.

17

На улице смеркалось, звезды начинали проступать в наливающимся синевой небе, и пока Иван добрался на двух автобусах до нужной ему остановки, было уже темно. Часы показывали без двадцати десять. Иван побродил по частному сектору в ночной тиши под звездным небом с наполовину истаявшей луной, вновь унимая волнение монотонным счетом. А без пяти десять стоял возле «почти коттеджа» Сидоркина, с темной его стороны. Фонарь по другую сторону от него горел, но, как и предполагал Иван, освещал его плохо. Вокруг не было ни души. Иван надеялся, что Андрей все-таки придет, и подождал его пятнадцать минут, присев в темноте на траву-мураву. Он то и дело нажимал кнопку мобильного и высматривал время на загоравшемся экранчике. Потом прошептал с досадой: «Вот такой он мне друг! Ну, всего тебе, Андрюха!» И вскочил с травы, разрывая сверток и отбрасывая в сторону газету. Тут же надел на голову шапочку-маску и с бутафорским пистолетом в руке широким шагом двинулся к забору дома Сидоркина. В эти секунды он чувствовал не просто уверенность и силу, а небывалую мощь, способную оторвать его в прыжке от земли и пустить в полет над забором — прямо в открытое светящееся окно второго этажа...

Но только он влез на забор, как чьи-то сильные руки сдернули его вниз и швырнули на траву. В глазах у него метнулись звезды, в голове зазвенело от удара спиной о землю, а во рту стало солоно, как от крови. Какой-то черный силуэт замаячил над ним на фоне звезд. Иван мгновенно впал в дикую ярость, подкинувшую его, как на пружинах, с травы. Он бросился на этот силуэт, но неизвестный ловко схватил его за пояс, приподнял и вновь швырнул на траву. Иван опять вскочил и, стискивая зубы, плотно сцепился с этим... Кто он, чёрт его побери?! Откуда взялся? Они упали на траву и начали, пыхтя и кряхтя, кататься по ней. То один оказывался сверху, то другой. В конце концов сильные руки все-таки припечатали Ивана к земле, и он уже не мог двинуться.

— Спокойно! — говорил неизвестный. — Не надо больше резких движений! Давай-ка сядем.

И, отпустив руки Ивана, слез с него и сел рядом на траву.

Тяжело переводя дыхание, Иван тоже сел, глядя на незнакомца, и только тут в темноте разглядел, что на голове у него точно такая же, как у него, черная шапочка-маска. Иван наставил на него пистолет, странным образом так и не выпавший из руки, и крикнул:

— Не двигаться!

Но у незнакомца тоже оказался пистолет. Он выхватил его из-за пазухи и спокойно сказал:

— Сам замри. Брось свою игрушку и подними руки.

Иван оторопел. У него-то, похоже, не игрушка. Это, наверное, бандит, пришедший ограбить Сидоркина. Вот так совпадение! Вот так попал!

Иван медленно поднял руки и выронил пистолет в траву.

— За грабеж какая статья? — грозно спросил неизвестный. — Ты должен знать, отвечай!

— Сто шестьдесят первая, — мгновенно ответил Иван.

— До сколько лет? В данном конкретном случае? Говори, ну!

— До четырех.

— И ты думал, что тебе отбывать их не придется? Отвечай!

— Н-нет... Не думал...

— Правильно. Не думал. Ум не подключал, а без ума-то оно как? Без ума лишь свистнешь, а с умом и осмыслишь. А ты подумал, каково будет отцу с матерью, если тебя посадят? А? Подумал?

Неизвестный отрывисто и жестко бросал в лицо Ивана свои слова, уже не требуя ответа. Его голос как будто был знаком Ивану, но он не мог понять, чей это голос.

Ему недолго пришлось пребывать в неведении. Сказав еще несколько нравоучительных фраз, неизвестный кинул в траву пистолет, сорвал с головы маску и в упор уставился на Ивана.

— Вы-ы? — изумился Иван. И тоже снял маску.

— Именно!

Это был Гордей. Он смотрел на Ивана, укоризненно качая головой.

— А как... Как вы узнали? — недоумевал Иван.

— Случайно... Ты скажи-ка мне лучше, кто хозяева этого дома?

— Не хозяева, а хозяин, — тихо и расстроено ответил Иван. — Сидоркин, живет один. Вроде председатель Союза предпринимателей.

— И как ты на него вышел?

Иван с большой неохотой коротко рассказал, как увидел в банке передаваемые Сидоркину пачки долларов и как решил завладеть двумя из них.

— Двумя! Только двумя! — говорил он, потрясая руками, словно оправдываясь, словно стараясь доказать свою невиновность. — Всего двумя! Мне больше не надо! Мне только на учебу! Понимаете?

— Не понимаю, — буркнул Гордей. — Никогда не смогу понять... Стоп! — схватил он Ивана за локоть. — Смотри! — указал рукой в сторону дома, возле которого Иван позавчера говорил со старушкой.

— Это что же, — посмотрев туда, изумился Иван. — Кто-то еще его грабить собрался?

На голове человека, шагавшего в их сторону в свете фонаря, была такая же, как у них, маска. В руке он держал пистолет.

— Пойдем-ка за угол забора, — прошептал Гордей. — И маски давай наденем...

Они мигом надели маски, метнулись к забору и смотрели из-за угла, как приближается, входя в темноту, человек с пистолетом. А когда он полез через забор примерно в том месте, где хотел перелезть его Иван, Гордей скомандовал:

— Вперед!

И они дружно бросились к почти уже забравшемуся на забор человеку и в четыре руки стащили его на траву. Он барахтался, лягался, что-то невнятно бормотал и изо всех сил вырывался, но Гордей с Иваном прижали его лицом к траве, заломили руки, а потом перевернули на спину, и когда Гордей сдернул с его головы маску, Иван вскрикнул:

— Андрей! — и снял свою маску. — Ты, что ли?!

— Я, я, — хрипло ответил Андрей.

Его тут же отпустили, и он сел на траву, отбрасывая в сторону пистолет.

— Это Андрей, мой друг, — пояснил Гордею Иван. — Пришел, чтобы грабить вместе со мной.

Андрей протестующе закричал:

— Не грабить пришел, а тебя, дурака, остановить!

— Сам дурак! — оскорбился Иван. — И не ори, а то еще сбегутся... Опоздал ты! Меня уже Гордей Васильевич остановил. Он у нас в гостях, приехал о-очень вовремя. Очевидно, я должен быть ему благодарен.

— Причем, по гроб жизни, — проговорил Андрей негромко и раздельно, чуть ли не по слогам, придвигаясь к Ивану близко и глядя на него в упор, так что он не выдержал и отвел взгляд. И тут же встрепенулся:

— О! А это еще кто?! Очередной ловец фортуны?

Действительно, с той стороны, откуда пришел Андрей, в свете фонаря двигалась тонкая фигура в черном спортивном костюме, в черной маске-шапочке и с пистолетом в руке.

— Клуб интересных встреч! — сказал Гордей.

— А еще можно назвать — клуб грабителей Сидоркина, — тихо засмеялся Андрей.

— Маски на головы! — скомандовал Гордей. — За угол!

Все трое, надев маски, бросились за угол забора и, выглядывая по очереди, смотрели, как четвертый человек в маске, озираясь по сторонам, явно кого-то высматривая, входит из света фонаря во тьму, а затем, так никого и не высмотрев, подходит к забору, сует за пояс пистолет, подпрыгивает, хватается за верх забора и начинает влезать на него.

— Марш! — опять скомандовал Гордей.

И все трое выскочили из-за угла и сбросили с забора на траву четвертого. И разом вздрогнули от его пронзительного визга.

— Тиш-ше! — прошипел Иван и начал стаскивать маску с головы этого четвертого, лежавшего плашмя, лицом вверх. А тот всё визжал. Стащив маску, Иван натурально потерял дар речи, и только хватал ртом воздух. Наконец, проговорил:

— Да-ашка?

Визг прекратился. Даша села на траве и недовольно сказала:

— Напугали чуть не до смерти...

— А ты... — К Ивану не вполне еще вернулся дар речи, и говорил он пока с трудом. — Ка... Какого... ты... это... сюда... От... куда... э... узнала?

— Да вот узнала! — ответила Даша, как бы огрызаясь. — И прибежала!

— На... кой... На ф-фига-а?!

— А тебе хотела помочь!

— О-го! — проговорил Андрей. И вдруг во всё горло закричал: — Бонни и Клайд!

— Тих-хо ты! — шепотом крикнул Иван.

Андрей же, схватившись за живот, с хохотом покатылся по траве, еле слышно повторяя:

— Бонни и Клайд...

Гордей засмеялся беззвучно и спросил:

— Неужели и правда хотела помочь?

— Хотела этого дурака от тюрьмы уберечь!

— Да что вы меня всё дурачите?! — взвился Иван, речь его вмиг стала нормальной. — Все такие умные, аж противно!

— Нет, ну ты... — катаясь по траве, сквозь сдавленный хохот проговорил Андрей. — Ты реально самый толковый... Полез в кипящую смолу...

— А что мне оставалось делать?! — выпалил Иван.

Гордей сказал ему:

— Я тебя сегодня спрашивал: не участвуешь ли ты в политике? Вспомни, может, что-нибудь забыл?

— Встревал он... встревал... в политику... — сказал Андрей, прекращая кататься по траве и садясь, но продолжая тихонько хохотать. — Встревал... Да... И не раз...

— Когда это? — покосился на него Иван. — Чё ты врешь?

— Он не врет, — сказала Даша. — Ты, правда, забыл.

— Чего я забыл?

— Ну, вспомни, — сказал Андрей, наконец, прохихотавшись и отирая тыльной стороной руки набежавшие на глаза слезы. — Успокойся и вспомни.

— Да, Иван, — сказал Гордей. — Напрягись-ка и освети этот момент.

Все четверо теперь сидели на траве в кружок, глаза их, привыкшие к темноте, хорошо видели друг друга. Трое смотрели на Ивана, а он, подумав, нехотя сказал:

— Ну да, было... что-то...

— Не что-то, а много чего, — возразил Андрей. — Помнишь, в десятом классе мы с тобой ходили на пикеты и митинги против повышения платы за проезд, за коммунальные услуги, против... Да много, против чего!.. Ну? Вспомнил?

— Да вспомнил...

— А в одиннадцатом нас с тобой даже раз в милицию загребли. С митинга за отставку правительства. А потом еще и в школу стукнули.

— Да? — удивился Иван. — А я и не знал.

— Как не знал? Знал! Мы столько тогда про это говорили! Ты и это забыл?

— Ну, хорошо, пусть было такое, — неохотно согласился Иван. — Но я не считаю это участием в политической борьбе.

— И тем не менее, — со вздохом сказал Гордей, — в этом, Иван, возможно, и ответ, почему тебя не берут учиться на бюджетной основе.

— Вы думаете? — недоуменно посмотрел на него Иван.

— А чем это еще объяснить? Вступительные-то экзамены ты же хорошо сдаешь?

— Ну да, — кивнул Иван и, помолчав, сказал с горькой усмешкой: — Никогда бы не подумал, что это может повлиять... Ну, а если и так, если из-за политики, что мне теперь делать? Пропадать?

— Не пропадать, а мозговать. Найти выход. Только не такой, — покачал пистолетом Гордей. — Ты — знаток юриспруденции, конечно, знаешь, как защищал людей адвокат Плевако?

— Он много про него знает, — сказала Даша, голос ее был расстроенным.

— И про горностая знаешь?

— Знаю... — ответил Иван и сразу слегка поник.

— И что это про горностая? — спросила Даша. — Я не знаю.

— И я не знаю, — сказал Андрей.

Гордей начал рассказывать:

— Один раз он защищал девушку из провинции, пианистку. Она приехала в Москву учиться в консерватории. Извозчик привез ее с вокзала в номера, где сплошной бардак, но она этого не знала, и поселилась там, а ночью к ней давай ломится пьянь. И когда уже двери почти выбили, она выпрыгнула с третьего этажа, и осталась жива только потому, что упала в сугроб. Но руку сломала, а это значит — прощай, музыка! На суде прокурор понес ахинею. «Не понимаю, — говорит, — чего же вы так испугались? Могли же и насмерть разбиться!» Это очень сильно возмутило Плевако, и он сказал: «Не понимаете, да?! Я вам объясню! В Сибири, в тайге, водится зверек горноста́й. У него мех чистойшей белизны. И когда он убегает от хищного зверя, а на пути возникает грязная лужа, горноста́й предпочитает погибнуть, но не испачкаться в грязи!»

Он замолчал, и Даша тут же сказала:

— В точку.

— Э-эх, Ива-ан, — протянул Андрей. — Говорил я тебе...

— Да ладно ты! — осек его Иван.

— Не ладно! — резко бросила Даша. — Слушай!

— И какой же ты, Иван, поступок решил совершить? — с укором сказал Гордей. — Оценить можешь?

— Всякий отдельный поступок человека допускает различные объяснения, — раздраженно сказал Иван.

— Это кого ты цитируешь? — спросил Гордей.

— Не вспомню сейчас. Но могу еще процитировать: я не шел навстречу преступлению, оно гналось за мной.

— Но стоило ли позволять ему догнать себя? — сказал Гордей. — Из любой ситуации при желании всегда можно найти нормальный выход. Без наездов на людей!

— Да я всё понимаю, — сказал Иван с досадой в голосе и как будто с умоляющей просьбой оставить его в покое. — Что вы, как... Я не нуждаюсь в перевоспитании, поймите... Я хотел... — И вдруг он вспыхнул и вскочил с травы: — Да ладно!

И стремительно пошел прочь и сразу растворился во тьме, только затихающие шаги еще были слышны.

— Стой! — крикнул Гордей.

— Сделай обратный ход! — крикнул Андрей. — Мы еще не всё сказали! — и засмеялся, а когда шаги Ивана стихли, сказал: — Да пусть идет. До нашей Новосёловки пять минут ходьбы. Не заблудится.

— А есть на вашей Новосёловке какое-нибудь кафе, которое в это время работает? — спросил Гордей.

— Есть, и не одно, — ответил Андрей. — Лучшее, я считаю, «Огни Новосёловки».

— Вот и приглашаю вас в эти самые «огни», — поднялся с травы Гордей. — Пойдемте. Только давайте сначала соберем улики... — Он достал из кармана свой телефон, включил его фонарик и стал светить по мураве, выискивая оброненные пистолеты и шапочки-маски. — Твоя? — спросил Андрея, поднимая с травы маску и протягивая ему.

— Моя, — взял маску Андрей. — А вот и мое оружие, — поднял с травы пистолет.

— Что ни говори, а всё получилось четко, — сказал Гордей.

— Не совсем, — возразил Андрей. — Опоздал я. Пока в этой темноте нашел...

— И я опоздала, — сказала Даша, голос ее по-прежнему был расстроенным.

— Потому-то я и решил, — усмехнулся Гордей, — наложить на вас взыскание в виде принудительного сдергиванья масок.

— И получилось нечто ажно приключенческое! — засмеялся Андрей. — Хорошо хоть вы не опоздали.

— Да я-то подстраховался. Пришел минут за сорок, ждал в кустах...

— Кстати, рад с вами познакомиться воочию, — протянул Андрей руку, и Гордей пожал ее. — А как вы мой телефон-то узнали?

— У Ивана в комнате на стене листок с номерами.

— А, да, да.

— А имя твое услышал, когда вы орали в коридоре.

— Хорошо, что орали. И хорошо, что вы слышали. А Дашка-то не хотела к нам подключаться... Чего упиралась? — посмотрел Андрей на Дашу. — Всё равно ведь пришла.

Даша, продолжая искать в траве, не ответила.

— А вот и Иванова пушка, — поднял с травы пистолет Гордей. — На, Андрюша. Держи всё в куче.

Даша нашла, наконец, свою маску и пистолет и тоже отдала Андрею.

— Всё собрали? — спросил Гордей.

— Одной шапки нет, — сказал Андрей, глядя на «улики», которые держал в руках в свете телефонного фонарика Гордея. — А, так это Ванька ее утащил! — хохотнул он. — Зря! Она ему больше не понадобится.

— До чего же эти игрушечные пестики похожи на настоящие, — грустно подивилась Даша.

Подивились этому и сообща, а еще подивились идентичности шапочек и пистолетов, которые покупали в разных местах. Затем сложили всё в полиэтиленовый пакет Гордея, и пошли в кафе «Огни Новосёловки». По пути Гордей выбросил пакет с «уликами» в мусорный ящик.

18

Отойдя подальше от дома Сидоркина, выйдя в обильный электрический свет Новосёловки, Иван пошел медленней, но потом снова ускорил шаг. Всё в нем кипело, дрожало, бурлило, и он не видел иного способа унять это, кроме как идти всё быстрее и быстрее. Но надо было еще и думать, он прекрасно помнил святую для себя аристотелевскую истину: «Размышляйте, размышляйте еще, всегда размышляйте». Но размышлять, шагая с такой скоростью, он не мог и в конце концов решил, что лучше вообще не двигаться, и сел на первую попавшуюся скамейку, освещенную лампочкой над дверью подъезда пятиэтажного дома. Голова у него от всего пережитого за это короткое время болела, сердце колотилось мощно, в висках стучало, иногда и с острыми уколами; мыс-

ли путались, и чтобы упорядочить их и сосредоточиться, ему снова приходилось прикладывать волевое усилие. Он опять стал медленно считать про себя, и только тут увидел, что в руке у него шапочка-маска, и в сердцах швырнул ее в урну возле скамейки. Мало-помалу он успокаивался, и мыслительный процесс худо-бедно пошел. Он думал: «А все-таки сильно они меня поклевали!» Но не это плохо, понял он сразу, а плохо то, что поклевали-то по делу, как ни тяжело это сознавать. Теперь уже нет никакой необходимости что-то скрывать от себя, в чем-то себя обманывать, можно и даже нужно во всем себе признаться, в первую очередь — в том, что отягощало душу, когда разрабатывал план ограбления. Что это было? А было это то, чем ударил его Гордей. Да сильно ударил! Это — та самая грязь, которой горностаи предпочитают смерть и от которой выпрыгнула из окна третьего этажа молоденькая пианистка. Он же, Иван, безрассудно полез в эту грязь! Как ни крути, хоть и в долг хотел взять... О-о, хорошо, что не сказал им об этом! А ведь хотел, хотел сказать, что собирался не ограбить Сидоркина, а взять у него в долг. Чуть не сказал. Вот бы облажался! На смех бы подняли! Что ни говори, а отнять деньги силой — это по любому грабеж, намерен ты потом их вернуть или нет. Это-то и отягощало душу — грязь, маячившая впереди, в которой не замарался только благодаря Гордею. Вот если бы не Гордей, если бы не помешал он ему влезть в дом к Сидоркину, что тогда? Какие были варианты? Первый — ушел бы с двумя пачками и дальше пошла бы жизнь... по мечте... Но Иван уже сомневался в том, что смог бы спокойно жить и учиться, что выдержал бы этот груз. Скорей всего, не смог бы выдержать, пошел бы с повинной, так ему сейчас думалось. Но это еще ладно, а вот если предположить, что не сумел бы отнять деньги у Сидоркина, что тот не испугался бы пистолета, а изловчился и одолел бы его, как одолел Гордей, да сдал бы в полицию? Могло такое произойти вполне: Сидоркин тоже крепкий мужик. И что тогда?.. Тут-то и дошло до Ивана, что прав Андрей, и он по гроб жизни должен быть благодарен Гордею!.. Получается, самое страшное миновало, он на свободе, и дальше будет на свободе: после таких-то мыслей, как варом обдающих, никогда уже, конечно, на подобное не решится. Но это как-то слабо утешало. Он смотрел на лампочку над дверью подъезда (его взгляд сейчас почему-то притягивало всё яркое и светлое), а у этой лампочки вилась мошкара и порхали бабочки, отбрасывая на асфальт под ногами и на траву на газоне трепещущие тени; одна бабочка, севшая было на лампочку, обожглась и полетела вниз. «Точь-в-точь как я», — подумал Иван.

Он и в самом деле чувствовал себя упавшим, да так, что не видел никакой возможности подняться. Университет накрылся. Неужели прав Гордей, и на бюджет его не берут из-за политики? А что, если хорошенько подумать... Очень даже может быть! Ведь постоянно говорил во всеулышание о том, что почерпнул на протестных акциях, с чем был абсолютно согласен, говорил и в университете, возле аудиторий, перед экзаменами, и это слышали многие, слышали, конечно, и преподаватели... Что ж, получается, никогда не поступить ему на бюджет? Но ведь и понял уже это, думал об этом; почувствовал, что и на следующий год не примут. Примут только если заплатить — тут уж никакая политика не помешает. Значит — кранты. И стало Ивану грустно-грустно, и он бы, наверное, загрустил надолго, если б ему внезапно не вспомнилось, как потерял дар речи, различив в темноте лицо Даши, когда стащил с ее головы маску. Грусть отступила мгновенно, стало смешно. И он засмеялся. И сразу на него нахлынуло такое нежное и теплое чувство, так остро ощутил он вдруг, до чего соскучился по Даше, как измучило его тщетное стремление забыть ее! И с такой силой потянуло к ней, что он чуть было не вскочил со скамейки и не помчался к ней во весь опор. И только прочный настрой на размышления остановил этот порыв. Тут еще думать и думать. Надо прийти к ней подготовленным. «Но как это здорово, что у меня есть она! — промелькнуло у него в голове, и дальше думалось легко и радостно: — Вот что мне, дураку, надо ценить и беречь пуше всего! И как же хорошо, что у меня есть Андрей! Директор школы могла бы теперь повторить свои слова, но уже подругому: «Повезло Ивану, что у него такой друг». В общем, всё в порядке! А что до учебы... Да образуется!.. Просто надо, как сказал Гордей, помозговать, найти нормальный выход». И сразу пришла жажда искать, искать этот выход и найти его как можно скорей. Это была в то же время простая и страстная жажда жить.

Теперь Иван чувствовал себя спокойно и уверенно. Сразу и голод ощутил, да сильный, ведь ничего, кроме круассана в кинотеатре, сегодня не ел. Он посидел еще немного, перебирая в голове все свои только что народившиеся мысли и оценивая их, как оценивал всегда позицию на шахматной доске, попавшейся на глаза где-нибудь в людном сквере. И подвел итог: «Не зря, выходит, поклевали! Польза есть, и немалая!» Затем встал со скамейки и быстро пошел домой, размышляя уже на ходу.

В кафе «Огни Новосёлвки» Гордей с хлопком откупорил бутылку, разлил по бокалам шампанское и весело провозгласил:

— За наш общий успех, друзья!

Над столиком, накрытым шелковой бордовой скатертью и освещенным оранжевым светом настольной лампы, прозвучал звон, мелодично вторгнувшийся в негромкую приятную музыку, и когда все выпили, Андрей, поставив бокал, воскликнул:

— Первый раз в жизни я побывал на боевой операции!

И засмеялся. Гордей тоже засмеялся, подхватывая шутку:

— И даже пленен!

Андрей захохотал, глядя на Дашу:

— Не я один!

Даша только принужденно улыбнулась, закусывая салатом из креветок.

— Может, не стоило вас так пугать, — сказал Гордей. — Можно было просто вас позвать, окликнуть. Но я подумал: пусть ему будет сюрприз, удар! Лучше запомнится!

— Правильно, — сказал Андрей.

— Конечно, — согласилась Даша.

— Мне Ванька-то что позавчера выдал, — начал рассказывать Андрей, крупно откусывая ржаной хлеб и уплетая ломти бекона и буженины с зеленым горошком и зеленым лучком. — Говорит: ты зря проживаешь жизнь! Потом тебе, говорит, нечего будет вспомнить, потому что ты, мол, сторож, и никуда не нацеливаешься... не делаешь типа ничего полезного и важного в жизни, чтобы оставить, значит, свой след... Ох, и задел же он меня этим! Ох, и напряг же! И я теперь всё думаю и думаю: как это так?! Не хочу я быть бесполезным! Хочу хоть какой-нибудь след да оставить! И кое-что уже придумал. Я же сразу после школы, перед армейской альтернативкой, окончил курсы электриков, меня туда направили с биржи труда. И разряд получил, и свидетельство. И даже поработал электриком — на полставки в детском саду. И мне это, представьте, нравилось, да! А когда я альтернативную службу нес, санитаром в больнице, там тоже по электрике чаще-енько приходилось что-нибудь делать, просили, и опять же мне это нравилось. А потом я про электрику что-то забыл. И вот мне Ваня говорит: ты всем доволен... Он не очень-то и прав, но я ведь закис, есть такое, и в данном положении ник-какого следа, конечно, оставить не смогу. Но я-а-а, как пишут в рекла-ама-ах, не да-ам себе-е засо-охнуть! — крикнул Андрей, выпрямляясь на стуле. — Не да-ам! — и грохнул

кулаком по столику, так что слегка подпрыгнули тарелки, хорошо хоть бокалы не упали. Его скуластое лицо покраснелось, было видно, что он опьянел от шампанского. На него, белея в сумраке лицами, смотрели сидевшие за другими столиками, да и Гордей с Дашей явно хотели его одернуть, и он, увидев это, сразу наклонился к тарелке и, продолжая закусывать, заговорил намного тише, но не менее эмоционально: — Я пойду учиться в какой-нибудь колледж. А то и в институт. По электрике, заочно. А пока буду искать работу электриком, у меня и свидетельство сохранилось, и запись в трудовой есть. Всё! Я не сторож граду моему! И найду место! Где? Да на стройках! Они у нас еще живут, я узнавал: единственная сфера, где еще что-то делается. В основном это, конечно, дорогое элитное жилье, так там и зарабатывать можно столько, что и на учебу хватит. А строители, они же как, они всегда видят плоды своей деятельности, я не раз слышал в автобусе: «А вон тот дом я строил!» И я тоже буду потом говорить: «Во-он он, мой след, ребята! В том здании я монтировал электрику!» Так-то!.. Ну, чего ты куксишься? — взглянул он на Дашу. — Радоваться надо! У нас всё получилось, а ты... А-а, это ты всё из-за того, что он, как ты говорила, прогнал тебя навсегда? Да-а, эпизо-од вышел... — покрутил он головой и не сдержался, хохотнул. — Ну, ты и вылетела от него! Я аж напугался! Еще сильнее, чем когда меня с забора скинули ... Ха-ха!.. Хм... Извини... — Он сделал серьезный вид и дальше говорил серьезно, но по его глазам было видно, что ему по-прежнему весело. — Дашенька, всё-всё хорошо. Всё, Дашенька, отличненько. Не переживай!

— Как тут не переживать, — вздохнула Даша. Она уже не закусывала, а просто сидела, глядя на оранжевый матерчатый грибок настольной лампы, и была нахмурена, что совершенно не шло к ее красивенькому личику. В своем черном спортивном костюме с белыми полосками на рукавах и воротнике она выглядела очень юной, прямо-таки школьницей. — Не получается не переживать.

— Да он просто пошутил!

— Ты бы хоть не шутил!

— А я и не шучу. Не мог Ванька всерьез совершить такой... Как это вы говорили, Гордей Васильевич? Поступок?

— Да, да, — кивнул Гордей, он ел салат из свежих овощей. — Глобалиум.

— Как, как?

— Нечто, определяющее жизнь.

— Поясните.

Гордей, продолжая закусывать, стал пояснять:

— Был у меня случай, когда я начинал работать на заводе, мастером. Мне понадобилась пресс-форма. У нас такие не делали, пришлось заказывать ее в другом городе, на большом заводе. И вот приходит эта пресс-форма, наладчик ставит ее на пресс, а она не работает. А у меня была по-олная запарка, и я, не вникая, докладываю начальнику: так, мол, и так, не работает, разбирайтесь. Проходит время, разобрались. Оказалось, что пресс-форма эта отличная, но работать она может только на прессе с обратным ходом, на так называемом маркетном прессе. У нас такой пресс, разумеется, был. Мы поставили на него эту пресс-форму. Работает! И, как выяснилось, в чертеже, который нам прислали вместе с пресс-формой, это было указано. И я обязан был проверить! Стоило мне посмотреть чертеж, всё бы стало ясно. А я не удосужился! И ладно, если бы всё осталось без последствий, но до меня дошли сведения с того завода, что пока там разбирались, конструктору, который эту пресс-форму проектировал, вклепили строгий выговор и лишили премии. И он после этого ушел из техотдела в цех. То есть получилось, что этот мой поступок, именуемый в данном случае бездействием, повлиял на чью-то судьбу. Я звонил на тот завод, объяснял, что конструктор ни при чем, что это я виноват, и наказывать надо меня, но добился только, что выговор с него сняли, а премию вернуть уже не могли, потому что работал он на другой должности и возвращаться на прежнюю не собирался. Вот именно тогда-то я и задумался над этим понятием — «поступок», оно для меня стало чем-то вроде философской категории; с тех пор и стараюсь всё проверять и перепроверять, и оценивать все свои поступки, и думать, какой поступок следует совершить в том или ином случае...

— Вы сказали: «определяющее жизнь», — подняла на него взгляд Даша. — Значит, не все поступки входят в это понятие?

— Нет, все.

— От самых маленьких до самых больших?

— Да, да. Для меня да, я о себе говорю. Да и объективно это так. Каждый из поступков в той или иной степени определяет жизнь.

— А вот вы скажите... — спросил было Андрей, но Гордей недовольно перебил:

— Называйте меня на «ты» и по имени. В отцы я вам не гожусь, только в старшие братья.

— Хорошо. Скажи, Гордей, а вот чтобы, как сказал Ванька, оставить след, причем... Ну... такой... Хороший, короче... Вот какой для этого примерно поступок надо совершить?

— Ты меня спрашиваешь? Это, я считаю, каждый для себя должен сам решать.

— А как ты для себя решаешь? — спросила Даша, бросив на Гордея прямой взгляд, но тут же и опустив его, будто испугавшись этого своего лобового вопроса, и добавила тихо: — Если это... не секрет...

— Да какой там секрет... — отвечал Гордей, накалывая на вилку ломтик помидора и отправляя в рот. — Как я для себя решаю... Хе!.. Мно-огое можно совершить... Ну, например, открыть приют для бомжей, в вашем городе их достаточно. Или детский садик для малоимущих, или какое-нибудь производство для инвалидов, или... Да мало ли что... Тут, конечно, необходимы соответствующие возможности. А чтоб их заполучить, надо... — он хмыкнул и протяжно вздохнул. — Надо сперва хорошенько-хорошенько раскрутиться... Но это, знаете... такое дело... — он качнул в воздухе вилкой, блеснувшей в свете настольной лампы, на две-три секунды задумался, а потом встрепенулся: — Так, ребята! А может, все-таки горячее?

— Нет, нет, Гордей, спасибо тебе, — быстро сказала Даша. — Мне домой пора, утром заступаю на суточное дежурство.

— И мне с утра на суточное, — сказал Андрей.

— Но еще по чуть-чуть, думаю, можно? — взял бутылку Гордей.

— Я больше не буду, — отодвинула Даша бокал, в котором оставалось почти всё налитое ей шампанское: она выпила не больше двух глотков.

— А мне натурально чуть-чуть, на донышко, — подставил свой пустой бокал Андрей.

Гордей плеснул ему и налил себе. Чокнувшись с обоими, выпил, быстро закусил, позвал официанта, расплатился, и когда вышли на улицу, сказал:

— Пойдем, Андрей, проводим Дашу.

И пока шли, весело говорил о разных разностях, интересных и смешных, где-то вычитанных, а больше услышанных в своей трудовой среде, то и дело вызывая громкий хохот Андрея и поглядывая на Дашу в надежде на то, что и она засмеется. Но она даже не улыбалась, ее лицо в свете фонарей было всё таким же хмурым, суровая застылость не сходила с него, и Гордею было неприятно видеть это: он хорошо помнил тот чудесный свет, который исходил от нее позавчера, когда они стояли в прихожей квартиры Епифановых, помнил ее нежную улыбку и лучистую радость в глазах, с которой она смотрела на Ивана. Гордею было очень жаль того света и той радости, до того жаль, что защемило на сердце.

Из слов Андрея в кафе он понял, что у Даши с Иваном крупный раздор, и случился он, не иначе, тогда же, два дня назад. Гордей даже вспомнил громкий хлопок дверью, донесшийся из прихожей, когда они с Виктором Федоровичем сидели на кухне, и подумал, что этот раздор, очевидно, произошел по той же причине, по которой заварилась история с ограблением. «Всё это из-за того, что Иван не может поступить в университет», — подумал он.

Когда подошли к дому, где жила Даша, Гордей сказал ей ободряюще:

— Подними нос кверху и улыбнись! Всё наладится!

— Он будет раскаиваться! — поддержал Андрей. — Послезавтра утром, когда наши с тобой дежурства останутся позади, я приду к тебе, и мы пойдем... Нет-нет! — поднял он руку, предупреждая Дашино возражение. — Отказаться ты не сможешь! А если попытаешься, я потащу тебя силой! Спокойной ночи!

Даша на прощанье все-таки слабенько улыбнулась, помахала рукой и ушла в подъезд. А Гордей с Андреем повернулись и пошли в обратную сторону, и теперь говорил Андрей; он рассказал пару веселых случаев из своего сторожевого быта, и Гордей, слушая и смеясь, отметил, что хмель у Андрея, пока шли по свежему воздуху, выветрился, и за него можно быть спокойным.

Когда попрощались крепким рукопожатием у дома Андрея и Гордей пошел дальше, ему было легко. Всё прошло отлично, пусть и с отклонением от его задумки. Но теперь уже было не до того. И он сказал себе жестко, как говорил мастерам и рабочим на оперативках своего кузнечного участка: «С этим закончили!»

20

И дальше шел, подобравшись внутренне и начиная думать о том самом важном для себя на сегодня, о чем пора было задуматься еще под вечер, сразу после того, как безрезультатно объездил заводы этого города; да вот не было возможности, потому как следовало подготовиться к схватке с Иваном у дома Сидоркина, надо было хорошенько отдохнуть после сверхнапряженного дня, и он даже два с половиной часа поспал. Зато теперь, несмотря на поздний час, сна не было ни в одном глазу. К тому же очень неплохо взбодрило шампанское, и он готов был думать всю ночь, понимая, что и этого времени может не хватить для принятия окончательного решения, уж больно сложной оказалась ситуация, в которую он попал. И когда вошел в подъезд, поднялся по лестни-

це на второй этаж, а затем открыл дверь ключом, который дал ему Виктор Федорович, и вошел в погруженную в сон квартиру Епифановых (только из комнаты Ивана падал в прихотную свет сквозь тонкую щель неплотно прикрытой двери да слышалось оттуда какое-то шуршанье, позвякивание, какой-то хруст; похоже, Иван ел), у него было ощущение, будто что-то давит сверху, как низкий потолок, вынуждая сгорбиться, и для того, чтобы распрямиться, надо этот потолок пробить, но пока нет для этого мощи, и он, сгорбившись, тихо, не включая света, закрыл входную дверь, бесшумно вошел в отведенную ему комнату и, тоже не включая света, сел на кровать и сидел неподвижно, глядя вниз, во тьму. «И что ж это я так опростоволочился? — думал он сокрушенно. — Что же так опрометчиво рванул сюда?» Все прошедшие годы город его детства представлялся ему тем же цветущим, живым, дымящим трубами заводов и фабрик, проходные которых каждый день впускали и выпускали десятки и десятки тысяч людей, и когда там, на Севере, он увольнялся с завода, к которому прикипел, ему казалось, верней, он был абсолютно уверен, что легко и быстро обустроится здесь. Ему было в общем-то без разницы, чем заниматься в этой жизни, за всякое дело он брался легко и всегда выполнял его не только усердно, но и увлеченно, будь то, например, самая первая, случайно подвернувшаяся работа строгальщиком на заводе пластмасс, куда пошел сразу после школы, или работа по всем тем специальностям, которые освоил во время службы в стройбате. Он не стал поступать в вуз на дневное отделение, как ни уговаривала мать, а поступил на заочное (по специальности отца, «кузнечно-штамповочное дело», о чем и говорил Виктору Федоровичу), с тем, чтобы сразу после армии продолжить учиться, зарабатывая на жизнь самостоятельно, — на вагоностроительном заводе, штамповщиком в кузнечном цехе. И отделился от матери и отчима, снимал квартиру, дабы самостоятельность была полной. А когда окончил политех, захотелось побывать на землях дальних, северных, он и уехал на Север, предполагая поработать там два-три года, но задержался на восемь, всё из-за той же своей склонности увлекаться делом, любым, какое бы ни предоставила судьба, а уж это дело было ему по душе в высшей степени: с самых первых дней, заступив на должность сменного мастера кузнечного цеха, он ушел в работу даже не с головой, а со всеми потрохами, так что поначалу многие приняли его за карьериста, другие же посчитали ненормальным, ибо как еще можно воспринимать человека, беспрерывно и вроде без особой необходимости носящегося по участку, в дыму и огнях печей, сре-

ди грохочущих молотов разной величины, выдававших поковки для дизелей, а всего этих поковок было триста с лишним наименований, любой специалист скажет: «Громадная номенклатура!», — и надо было на память знать номера всех поковок, плюс помнить еще многое-многое, именно в этом и крылась причина его первоначальной сумбурной активности: хотелось как можно быстрее всё запомнить, усвоить, понять. Рабочие сходу прилепили ему прозвище Быстроногий Олень, подметив, как ловко перепрыгивает он через лежащие в проходах штампы и другие препятствия, и это прозвище сохранялось за ним все последующие годы, хотя уже к концу первого года, освоившись и запомнив всё, что необходимо было запомнить, он перестал носиться, а позже, когда его повысили до старшего мастера, а затем и до начальника участка, перестал и быстро ходить по кузнице, ходил медленно, не то чтобы степенно, а как-то вдумчиво, переводя внимательный взгляд с молота на молот, внимательно глядя и на рабочих, каждого из которых знал уже очень хорошо, знал подход к каждому, знал, чего от кого из них можно ожидать, в то же время понимая, что познать человека полностью невозможно, и потому всякий раз смотрел на них, словно видя впервые и изучая заново; при этом в голове его возникали различные комбинации: какие именно поковки и за какими следом штамповать, на какой молот какой штамп поставить, чтобы многообразный поток поковок был наиболее эффективным, и это было для него неимоверно увлекательно, — увлекательность растворяла в себе все прочие компоненты этой, прямо сказать, тяжелейшей работы, и жизнь его в постоянной увлеченности пролетала незаметно, фактически в одном только производстве, потому что если сменным мастером восемь часов отработал, а остальное время твое, то старшим мастером и начальником участка работать приходилось с утра до ночи, и не было никаких просветов для личной жизни, кроме выходных, которые тоже нередко бывали заняты работой. Он и не заметил, как в этом апофеозе увлеченности, в этом стремительном течении мятущейся, грохочущей, играющей отблесками огня жизни ему наступало тридцать, и только отметив с коллективом эту дату, выслушав уйму тостов с сердечными пожеланиями скорейших глобальных личностных перемен, впервые вскользь задумался не о деле, а о себе, и на протяжении следующих трех лет, пролетевших не менее стремительно, время от времени продолжал задумываться, так же вскользь, но всё чаще и чаще, покуда груз накопившихся эмоций от этих кратких, но довольно тягостных раздумий не затормозил его внутреннюю жизнь, образо-

вав душевный затор, временами погружавший в хандру, отчего в конце концов пришлось задуматься не вскользь, а основательно: он словно взял тайм-аут и на некоторый период выпал на полном ходу из несущей его вперед струи, обволакивающей жарко, державшей в себе крепко; и словно бы застыл в раздумье, тогда как струя с грохотом, с шипеньем, с фейерверками искр неслась и несло мимо, а он всё стоял и стоял, парализованный нагрянувшей вдруг необходимостью выбирать: вернуться ли в эту струю, чтобы оставаться в ней и только в ней, или же рвануть от души по полной, переломить разом всё, уйти в другую струю, семейную, хлопотную, непривычную и всё еще не очень-то желанную, но без которой невозможно, как утверждал один из самых великих писателей, полнокровного человеческого счастья. И этот тайм-аут был не только виртуальным, не только мысленным, но и реальным, потому что едва ли не совпал с очередным отпуском, — на сей раз он не поехал ни на курорт, ни в профилакторий, ни в маршрутное путешествие по городам, а улетел к матери, и там, долгими часами лёжа на кровати в той комнатке, где протекали его школьные годы, всё думал и думал, впервые по-настоящему пытаясь осмыслить свою жизнь. Он перебирал в памяти всё, связанное в ней с «женским полонезом», как сказал Чехов, стараясь ответить себе самому на тянущий душу, трудный для решения, что нередко встречается и в производстве, вопрос: почему обошло его семейное счастье, почему он фактически стал завязтым холостяком, к мозгам которого не липнет даже тень помысла о женитьбе. Женщин он не чурался. Не робел перед ними. Умел быть с ними обходительным, умел и ухаживать за ними. Женщины работали и на его участке: крановщицы, штамповщицы горизонтально-ковочных машин, обрезчицы мелких поковок и прочие. И были среди них женщины незамужние, красивые, была даже одна невероятно эффектная разведенка-крановщица, снискавшая прозвище «Мисс Кузница»; а еще была у него на участке нормировщица двадцати с небольшим лет, симпатичная, серьезная, на ней вроде бы и можно было жениться, но Гордею ни разу такая мысль в голову не приходила, а теперь, когда пришла, в нем не возникло ни малейшего желания привести ее навсегда в свое холостяцкое жилище, как, впрочем, никогда не возникало его и по отношению к тем немногим женщинам, с которыми сталкивала его жизнь. А немного их было всё по той же причине: из-за работы, почти всю жизнь забиравшей. И сколько ни думал он, всё замыкалось на одном: просто не повезло, не встретилась та, которую захотел бы назвать своей женой. И что же делать? Он протяжно вздохнул и произнес вслух, вставая с кровати:

— Жить дальше с учетом всех этих мыслей и искать, искать выход...

И пошел ужинать: мать позвала уже в третий раз. Стол был накрыт в большой комнате, как всегда бывало при жизни его отца Василия Васильевича; его мать, Галина Сергеевна, оставшаяся красивой и в свои пятьдесят с лишним, часто и сейчас распускаясь по плечам пышные подкрашенные волосы, хранила этот обычай, а ее второй муж Трофим Михайлович, тоже красивый человек, лицо которого, на первый взгляд сердитое, не портили даже довольно уже глубокие морщины, поддерживал, всегда сам приносил с кухни всё, что требовалось. И за столом обычно сердитость улетучивалась с его лица, он был весел и разговорчив, а в этот раз особенно, потому что сдал сегодня под ключ многоэтажный дом, и это было отмечено бутылкой коньяка, еще более его развеселившего. Гордей же, хоть и принял рюмочку, оставался задумчивым, и Галина Сергеевна в который уже раз спросила его:

— Сынок, а правда, всё у тебя нормально? Ничего там не произошло?

— Да нет, мам, всё в порядке...

— Не понимаю, какие перемены ты усматриваешь в Гордее? — пожал плечами отчим, поедая плов. — По-моему, он всегда таким серьезным и был. Верно, Гордей?

— Верно, верно, — натянуто улыбнулся Гордей.

— Перемены хороши к лучшему, — сказала Галина Сергеевна. — А у нас в плановом отделе нич-чего не меняется к лучшему. Хотя что об этом-то, не хочу, лучше о другом. Вот, например, пришло мне в кои-то веки письмо от Епифановых. Ты их должен помнить, Гордей. Валентина пишет, моя подруга. У ней-то самой вроде и неплохи дела, какие-то перемены как будто к лучшему, а у мужа неважно, как бы не закрыли их цех. Сын не может пристроиться, как ему надо, а у дочери... у Анны... Помнишь ее, Гордей?.. Ну вот... У ней вообще какой-то сплошной неустрой. Институт окончила, а работы нет, и не замужем до сих пор, хоть и всё при ней: и умна, и собой пригожа... Вот уж правду говорят: попадешь на гребень невезения, попробуй-ка спрыгни с него... Что это с тобой, Гордей?.. Горде-ей!

А он сидел, неподвижно глядя в стол, и когда Галина Сергеевна позвала его еще раз, громче, вздрогнул:

— А? — и засмеялся каким-то странным тонким коротким смешком, лицо его при этом одновременно и просветлело, и слегка покраснело. — Да ничего, всё в норме, — махнул он рукой. — Где это письмо? Покажи-ка мне его.

— Да вот оно, — приподнялась Галина Сергеевна со стула, протянула руку к серванту, открыла дверцу, взяла письмо и дала Гордею.

— У них адрес, что ли, поменялся? — спросил Гордей, с тихой улыбкой разглядывая конверт.

— Да. Они же с матерью Виктора, теперь уже покойной, съезжались. Но живут в том же районе, на Новосёлвке.

Гордей достал из конверта письмо и развернул его. Но не читал, лишь делал вид, что читает. Ему и не надо было читать, достаточно было услышать то, что сказала Галина Сергеевна. Еще бы не помнил он Анну! Как это он мог не помнить девочку, с которой так любил играть! Но помнил-то он ее, Аню, именно девочкой, и все годы вспоминал как девочку, миленькую, веселую, добрую и необычайно интересную! Точно такой же вспоминал он ее иногда и в последнее время, и ни разу не подумал, что теперь-то она уже не та... Теперь она... Как это сказала мать?.. Умна, собой пригожа... окончила институт... и всё не замужем... Гордей смотрел в расплывающиеся перед глазами строки и ясно видел ту девочку: вот она сидит на корточках у кромки реки, зажав меж пальчиков леску закидушки, а вот носится со звонким смехом, то забегая на бетонный откос набережной, то сбегая с него, озорная, шустрая, со светлыми короткими кудряшками и с такими милыми ямочками на щеках; и он словно бы снова стоял в оцепенении, слыша, как грохочет за спиной несущаяся с шипеньем и искрами струя, готовая вобрать его в себя и нести дальше, но только не хотелось ему в нее возвращаться, и думалось с проклянувшейся надеждой: а не выход ли это?

— Гордей, может, еще по одной? — спросил отчим, и он, опять вздрогнув, с готовностью взял рюмку и протянул ее к бутылке, нависшей нал столом в руке Трофима Михайловича:

— Да, да. За сданный под ключ объект. Еще раз поздравляю! И за перемены к лучшему!

Выпив и закусив, он сказал:

— Mam, я это письмо посмотрю еще, ладно?

И когда закончили ужинать, ушел с письмом к себе в комнату. Переписывая с конверта в блокнот адрес, Гордей не был уверен, что он ему понадобится. Но всё видел ту девочку, видел уже то, чего никак не мог видеть въяве — ее подрастающую, подростковую, а потом взрослеющую и, наконец, достигшую возраста сегодняшнего дня; не зная ее нынешней внешности и представляя ее себе по-разному, гадая, какая она сейчас, и понимая, что вряд ли может угадать, но вспоминая ее той, маленькой, вспоминая ее характер до мельчай-

ших черточек, видел ее сегодняшнюю хоть и иначе каждый раз, но именно такой, какая необходима ему, какую без всяких привел бы к себе навсегда; и потому недолгими были его сомнения, и грохочущая струя уносила прочь, а он провожал взглядом ее хвост, рассыпавший напоследок меркнущие искры. И на следующий день засобирился уезжать, хотя обещал матери погостить у нее весь отпуск, а до его окончания оставалось целых полторы недели. Мать была огорчена, но он успокоил ее, сказав, что буквально через несколько дней приедет снова и еще немного погостит. И тут же выдал сногосшибательную новость: «Хочу переехать в город своего детства и обосноваться там». Мать изумленно спросила: «А почему... не сюда? Почему...» Но вдруг осеклась, помолчала и сказала как будто даже обрадованно: «А вообще-то это, пожалуй, и правильно». Возможно, она сразу всё поняла, но больше не сказала ни слова. Его решение было твердым, хоть и спонтанным, за что сейчас он клял себя, думая: «Надо было сначала съездить в этот город, провести рекогносцировку — аккуратно до конца отпуска!» Но тогда он об этом не думал, все его мысли были нацелены на будущее: на то, «чтобы делать так называемые чудеса своими руками», на свою не созданную еще, но которую обязательно должен создать, семью; а еще на то, о чем нередко думал и раньше: предпринимательство! Хоть и прикипел он к заводу, но оставаться на Севере навсегда не хотел, а поначалу не предполагал и надолго задерживаться там, просто, как уже сказано, зацепила увлеченность делом. Но в часы раздумий о своей личной жизни он неизбежно думал и о том, чем займется, когда наладит ее, когда будет не одинок, и каждый раз загоралось ему заняться бизнесом. Потом это, конечно, уходило вместе с раздумьями. Теперь же настало время браться за это реально. Денег для того, чтобы открыть свое дело, у него было достаточно. Квартиру можно было продать и купить в городе детства новую. Оставалось пройти через увольнение, да и через свое внутреннее сопротивление тоже: все-таки жалко было покидать так хорошо насиженное место, людей, с которыми сроднился, *свою* работу. Но он не дрогнул, от первой и до последней секунды сохранил ту решительность, с которой положил заявление на стол начальника кузнечного цеха. Увольняться пришлось со скандалом, через тяжелый разговор с директором завода, который, как оказалось, в перспективе видел в нем будущего начальника кузнечного цеха, а в ближайшее время намеревался назначить его на должность заместителя начальника. Гордей, придавив в себе соблазн, стоял на своем железно. И выстоял. Но обошлось это дорого:

когда уходил с завода с трудовой книжкой в кармане, вдруг взялась терзать совесть, мучительно, остро. Пришлось отбросить мысли о дружеском прощании с людьми, об «отвальной», и улетел он спешно, успев лишь заключить договор в риэлтерской компании на продажу квартиры. По сути — бежал.

Погостив, как и обещал, у матери, он отправился в город своего детства на поезде: на самолете не захотел, решив, что железная дорога успокоит и даст возможность настроиться как надо. И действительно, сутки пути под стук вагонных колес, в разговорах с соседями по купе, действовали благотворно: всё тяжелое схлынуло с души, и он готов был действовать с полным размахом. А когда ранним утром сошел с поезда, то от воздуха города детства, от его тепла, от чистого неба и предчувствия славного солнечного денька, который, он не сомневался, непременно должен принести что-то хорошее, настроение у него поднялось, на душе повеселело, и веселая пришла мысль: поехать не в гостиницу, как думал в поезде, а к дому, где живут Епифановы...

Вот так и оказался он в тракторе из разноцветных лакированных дощечек и реек на детской площадке, откуда наблюдал за подъездом в ожидании Анны. И сразу, как только увидел ее, понял, верней, сердцем почувствовал: *в точку!* А потом всё больше и больше убеждался в этом: и когда говорил с ней в службе занятости (хоть и получился там диалог чужих людей, но до чего приятна была ему ее колючесть!); и когда говорил с ней в квартире Епифановых, чувствуя себя как-то немного неловко от ее прямого изучающего взгляда, временами даже глаза прятал, но, взглядывая ей в глаза, видел в них отнюдь не колючесть, а дружелюбие. И симпатию к себе. И доброту. Ту самую доброту, что когда-то исходила от девочки Ани, и потому нет-нет, да и чудилось ему, что и сейчас ему рассказывает о своих делах та девочка, и наплывали на душу славные, будто долетавшие из детства чувства покойной радости и любви к той девочке, — любовь эта становилась любовью к Анне, когда девочка исчезала, а вместо нее перед ним вновь оказывалась сегодняшняя взрослая Анна Епифанова, и сначала эта любовь была вроде бы той же простой детской любовью ребенка старшего к ребенку младшему, любовью воздушной, легкой, любовью без влюбленности, но как же быстро теряла она свою детскость и легкость, набирая силу и глубину, как стремительно наполняла его сердце, особенно когда сидели на скамейке у музыкального театра, а потом в театральном кафе. Его радовала внимательность, с которой она слушала его, радовало то, как хорошо понимала

она его, схватывая на лету всё, что рассказывал он ей о сложностях своей профессии. И никаких сомнений в том, что это и есть для него самый наилучший *выход*, не оставалось.

С Анной, таким образом, было всё предельно ясно, тут решать уже было нечего, всё решилось само собой. Единственное, что оставалось решить, причем немедленно: как обустроиться в этом городе. И сейчас, когда он сидел в темноте на кровати, это мучило его так, как не мучило ничто и никогда, как не мучал ни один из самых-самых трудных вопросов производства. Он тщательно припоминал всё, что узнал об этом городе за три дня пребывания в нем, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку, способную дать возможность остаться здесь навсегда. Припоминать начал с самого начала. И тут же подумал: «Звонки-то с самого начала и пошли». Это он вспомнил, как в первое утро, когда трясся в автобусе, стараясь не потерять из вида Анну, и посмотрел на сидевшего на своем месте молодого и атлетически мощного кондуктора, увидел его обнажившуюся шею, похожую на бычью холку, когда он передавал вперед билет, и подумал: «Такие у нас в северном городе работают молотобойцами. А кондукторами — только пенсионерки». Тут же вспомнил взлохмаченного парня в службе занятости и свое удивление какому-то запредельному отчаянию на его молоденьком лице, и подумал: «Не характерная ли это черта *сегодняшнего* города моего детства, не современный ли его бренд?» И пошло, пошло вспоминаться, цепляясь одно за другое, и всё одного и того же характера!

Озадаченность Виктора Федоровича Епифанова, когда он сказал ему, что собирается завести здесь свое дело, его слова: «Постарайся осмотреться получше!» Следом — совет Сан Саныча, возившего его по городу на своем белом «жигулёнке»: стараться входить в малый бизнес очень и очень осторожно, если, конечно, такое желание сохранится. Но сохранилось после всех тех поездок и разговоров с предпринимателями лишь ощущение чего-то безнадежного, за что братья попросту опасно, и ощущение это было сдобрено жалостью к большинству из тех, с кем довелось пообщаться, в особенности — к молодой, крепкой, полной порывистой энергии женщине, одетой спортивно, по молодежной моде; она сама резко забрасывала в кузов грузовика остатки своих досок на строительном рынке, чтобы покинуть его навсегда, а он, попросив у ней рукавицы, взялся помогать, слушая ее юморной, будто и не о своей беде говорила, рассказ, почти один к одному повторявшийся потом неоднократно из уст других, заплутавших в рыночных дебрях и морально погибших в них, а если еще не погибших, то гибнущих, но утешающих себя

стандартным «держимся на плаву». Небогат был на детали и события этот рассказ, и сводился он к нескольким неизбежным составляющим: налоги, плата за аренду, что-то еще, с не меньшей силой удушающее, а над всем этим — равнодушные власти, как надгробный камень на захоронении с такой силой вспыхнувшего было энтузиазма, в общую массу которого, естественно, влился и угасший энтузиазм Гордея. И сколько ни вспоминал он, сколько ни думал, ни малейшей зацепки найти не смог, и понял только одно: в какой бы бизнес не попытался войти он в этом городе, везде его караулит провал. Это всё равно, что сесть играть в карты с известным шулером, заведомо зная, что останешься без штанов. «Только играть придется не с шулером, — подумал он, — а с тем, кто сидит наверху. Хотя есть ли между ними разница?» Он повспоминал еще свои хождения по охилевшим заводам, подумал: не пойти ли на единственное подвернувшееся свободное место обрубщика литейного цеха, — но тут же вспомнил, что предлагали ему эту работу временно, пока не вернется с больничного прежний обрубщик, сломавший ногу.

Он протяжно вздохнул и, скрепя сердце, мысленно поставил точку на своих раздумьях.

21

Посидев еще немного в полной неподвижности, Гордей поднял взгляд из тьмы на стену в тускло-желтых косых прямоугольниках света от уличного фонаря, где можно было различить акварельный рисунок, который Валентина Антонова посвятила, конечно, своей маме, бабушке Анны, ибо никто иной как бабушка сидела за школьной партой, читая какую-то книжку сидевшему рядом за той же партой мальчику, а мальчик был явно Виктором Федоровичем Епифановым, с его лицом, на вид внуком, но не внуком, разумеется, а сыном ее в школьном возрасте — по странному замыслу художницы; и это было как-то особенно интересно, это притягивало взгляд Гордея даже сейчас, правда, сейчас он недолго смотрел на этот рисунок, и никаких мыслей в эту минуту он у него не вызвал, кроме одной, почти бессвязной: той краткой информации, которую Виктор Федорович дал ему в первый день, пожалуй, было бы и достаточно, чтобы всё понять и не напрягаться понапрасну, не мотаться по городу; но отступить от намеченного он не собирался и тотчас же приступил к тому, с чего следовало начать еще у матери, когда его неожиданно для самого себя захлестнула идея перебраться на постоянное жительство сюда. Он достал из внутреннего кармана пиджака планшет, включил его, бледно осветив свое лицо, и чуть не

ахнул, увидев время на экране. Было без пяти три. Но спать по-прежнему не хотелось, только голова побаливала, должно быть, и от раздумий, и от перегоревшего шампанского. Он, тем не менее, вошел в Интернет и стал искать правду об этом огромном городе с почти полуторамиллионным населением, правду статистическую, запечатленную письменно, понимая, что от правды эмпирической, познанной им за эти три дня, она вряд ли может чем-то отличаться, но вместе с тем и чувствуя, что пока еще многого не знает; и настойчиво отыскивал нужные сайты, и читал тексты, всё больше и больше погружаясь в них и даже увлекаясь, а порой и тихонько вскрикивая от изумления. Сегодняшний город его детства открывался, верней, продолжал открываться ему своими новыми сторонами и гранями. Он узнал, например, что метро, строительство которого началось еще лет за десять до того, как они с матерью уехали отсюда, не только не было достроено, но от него не так давно и вовсе отказались, признав свое бессилие, хоть несколько раз и назначали дату запуска. И теперь шла медленная консервация того, что успели сделать: незавершенные станции заполняли специальными строительными смесями так, чтобы в будущем, когда появится возможность для продолжения работ, их можно было извлечь. Но никто не верил в такую возможность, всем было понятно, что о метро забудут навсегда, и горожанам вечно придется тратить время на простаивание в пробках. Накрылся проект и с городской электричкой, которая так же могла облегчить транспортную проблему. Почили в бозе и многие другие проекты, самые крупные из них — те, что должны были претвориться в жизнь на пустующих заводах: на одном собирались выпускать железнодорожные вагоны, на другом — автобусы, на третьем — сенокосилки, и так далее, и так далее. И всё это ушло в песок, пустующие заводы всё так же пустовали, а мэрия всё планировала «масштабную перезагрузку» их территорий и даже обнародовала «планы по реновации»; для их выполнения необходимо было найти инвесторов, а потом определиться, чем будут заниматься эти предприятия, но никаких предложений или хотя бы предположений на этот счет Гордей нигде не нашел, вычитал только, что в районе одного из крупных заводов будет пешеходная зона, а на другом, в прошлом заводе-гиганте, будет организовано масштабное производство, но какое именно, пока неизвестно. Он посмотрел информацию по инвестиционному климату города, и обнаружил полный штиль: никто не желал вкладывать в его дела свои средства. Нашелся, правда, один предприниматель из другого сибирского города, вызвавшийся продолжить

строительство метро, но это было в прошлом году, после того — ни звука: видимо, понял, что слишком велик риск потратиться зря. Гордей нашел сведения о городском бюджете, и не особенно удивился, что он нищий, и что госдолг у города сорок с лишним миллиардов. Удивила только бесцеремонность федеральных властей, забиравших себе львиную долю и без того скудных городских доходов. А скудны они были не только потому, что фактически не работала промышленность, но и потому, что налоги от тех немногих предприятий, которые еще работали, уходили в тот же федеральный центр и в другие регионы, где были в наглуху перерегистрированы. И никак не мог понять Гордей, почему у города его детства федералы забирали гораздо больший процент доходов, чем у других городов. В чем он так провинился? Да, по опросу жителей двадцати с лишним самых крупных городов страны этот город оказался одним из самых худших для жизни; он был на предпоследнем месте по чистоте, и еще по многим пунктам занимал места из последних, но ведь это должно, как думалось Гордею, вызывать сочувствие федеральных властей, принуждать их помогать, а не топить, и значит, должны они возвращать городу большую часть того, что им же и заработано. «Что же это за безжалостность такая?» — думал Гордей. Он читал когда-то об одном великом русском философе, который утверждал, что политика государства, в том числе и относительно экономики, должна быть основана на жалости, и тогда не понимал, почему это так. Но теперь понял: философ прав! И правильной была карикатура, мелькнувшая на экране планшета: бандит-великан в маске и с ножом, обозначенный словом «Центр», отнимает бутылочку с соской у младенца, на спине которого написано: «Провинция».

Читая информацию о безработице, он поневоле представлял себе Анну в поисках работы и вспоминал то, что рассказывала она ему о своих мытарствах. С начала года безработица выросла в городе на семнадцать процентов, он давно уже был в лидерах по увеличению числа безработных. И опять же непонятно было Гордею, почему правительство ни гроша не выделяет городу из миллиардных субсидий на поддержку занятости, всё раскидывает по другим городам. «Что же это получается? — думал он. — Город-пария? Город-изгой?» Каждый седьмой его житель находился за чертой бедности, за последний месяц среднедушевые доходы горожан уменьшились на тысячу сто рублей, а в целом по области тридцать пять тысяч человек находились в отпусках без сохранения заработной платы. Город занимал первое место в стране по взяткам и

погряз в чиновничьих махинациях и воровстве, а особенно распространенным способом обогащения его высших чинов было так называемое «превышение должностных полномочий», причиняющее бюджету громадный урон, от нескольких миллионов до миллиарда с лишним рублей, и если бы все эти средства шли на благо города, он бы, верное дело, процветал. Провинившихся уличали, судили, сажали в тюрьму, навешивая на них немислимые штрафы, получить которые никакой надежды не было. Громкие дела гремели, копились, жизненные детективные сюжеты наполняли прессу. Под суд угодил сам вице-губернатор за махинации с земельными участками, из-за чего мимо казны протекли сотни миллионов. Два года его продержали в следственном изоляторе, куда суд не отправил его на пять с половиной лет в колонию строгого режима. А его сообщник, бывший заместитель, ударился на эти два года в бега, но потом все-таки добровольно сдался и получил четыре с половиной года. Генеральный директор крупной строительной компании, возводившей важные объекты по всей стране, умудрился умыкнуть наиболее жирный куш, именно тот миллиард с лишним, и тоже на приличный срок загремел в колонию. Самый богатый депутат Законодательного собрания и сейчас сидел в сизо в ожидании суда за махинации с тарифами на газ. А другого депутата Законодательного собрания уже отправили в колонию отбывать его законные четыре с половиной года; до миллиарда его хищения не дотягивали, зато было больше статей: там и присвоение чужого имущества с использованием служебного положения, и незаконное получение кредита, и мошенничество в крупном размере. Он лихо проводил махинации с налоговыми документами, подсовывал банку фальшивые бумаги о своей деятельности, а деньги этому банку так и не вернул. Занимаясь жилищным строительством, обвел вокруг пальца сотни дольщиков, причинив им убийственный ущерб.

В целом же по части обманутых дольщиком город занимал одно из первых мест в стране. И не было негатива, каковой не коснулся бы его: наркота, фальсифицированная водка, незаконное взвинчивание платы за коммунальные услуги, мошенничества с материнским капиталом, финансовая пирамида, организатор которой нагрел на десятки миллионов массу людей; хищения солидных денег ректорами вузов с помощью служебного положения, за что их так же отправляли за решетку, многомиллионные злоупотребления в городской администрации, откуда никого за решетку не отправляли, сколько бы ни выписывали они сами себе премий и всяких дополнительных выплат...

Читая все это, Гордей чувствовал, как накапливается внутри противный едкий груз, но всё читал и читал, сам уже не зная зачем, может быть, в надежде на то, что все-таки и хорошее что-нибудь попадет, но ничего хорошего не попало, и город всё более и более ясно представлялся ему городом гиблым, по которому пронеслись чуть ли не все, какие только могут случаться на свете, катастрофы, оставляя после себя груды развалин, растресканные и взрыхленные, как от землетрясения, пустыри, поваленные и разметанные, словно ураганом, зеленые массивы... И заканчивал он читать на том, как из города его детства бегут и бегут, бегут уже по сотне и больше в день. С начала этого года уехало двадцать восемь с лишним тысяч человек, за прошлый год немногим меньше, а вообще уже в течение двадцати лет население города неуклонно уменьшалось, и это было, конечно же, следствием поступка, развалившего великую державу, и руководители города теперь вынуждены были предпринимать судорожные усилия хоть как-то, хоть чем-то этот процесс остановить, и даже запустили агитационный проект «Свой город не брошу»...

На этом Гордей остановился. Он выключил планшет и сидел расслабленно и потерянно, словно переживая тяжелую утрату. Спать ему по-прежнему не хотелось, и голова теперь почему-то не болела. За окном уже светало, и он смотрел на этот путавшийся в березовой листве славный августовский свет, чуть матовый, успокаивающий своим мягким мерцанием, и думал, подводя итог всему, ибо пора уже было принимать окончательное решение. И он его принял довольно быстро, и почувствовал облегчение, а вместе с тем и внезапно навалившуюся сонливость. Он встал с кровати, засовывая во внутренний карман пиджака планшет, встал, уже не горбясь: тот низкий потолок, что еще недавно давил на него, был теперь пробит; и он стоял прямо, во весь рост, и неторопливо разоблачался, аккуратно складывая одежду на стул и успокоено думая, в какой последовательности переделает все необходимые дела, и это было последнее, что зафиксировал его мозг перед тем, как он лег и уснул крепким сном без снов.

22

Проснулся он среди дня, такого же солнечного, как и предыдущие дни. Кроме него в квартире никого не было. Первым делом, побрившись, умывшись и одевшись, он поехал в Союз предпринимателей. Он понимал, что там ему ничего не светит, но раз уж наметил позавчера съездить, надо съездить, так он привык жить. Да и крохотная надежда на какое-ни-

будь неожиданное чудо все-таки искрилась где-то в глубине сознания.

Союз предпринимателей располагался среди пятиэтажных домов в крохотном красно-кирпичном зданьице. Оно было похоже на трансформаторную будку, в которой продолбили маленькое окно. Гордей с минуту стоял возле этого зданьица в недоумении, думая, уж не ошибся ли он. Но табличка на обитой дюралем двери гласила, что это и есть региональный предпринимательский Союз, адрес такой-то, председатель — Сидоркин Г.С.

Гордей открыл дверь и сразу увидел сидящего за столом человека в светло-сером костюме и белой рубашке с галстуком, лысого, но не от возрастного выпадения волос: он был не намного старше Гордея, а может, и его ровесник. Волосы же у него были почти под корень пострижены, так что голову покрывала не очень заметная ровная светлая щетинка. Вид у него был сосредоточенный, хмурый и заметно утомленный. Он поднял взгляд на Гордея от каких-то бумаг, и смотрел вопросительно, пока Гордей не представился и не объяснил, зачем пришел, и тогда на его лице появилось некое подобие приветливости. Он привстал и через стол протянул руку:

— Григорий Силантьевич.

И когда Гордей пожал его руку, кивнул на стул напротив:

— Присаживайтесь. Значит, вы говорите, ознакомились с нашим малым бизнесом?

— Да. Вошел, так сказать, в курс...

— Вот и я им говорил! — перебивая, хлопнул ладонью по бумагам Сидоркин, вспыхивая и мгновенно краснея. — Когда же вы в конце концов повернетесь лицом к малому бизнесу?! Позавчера говорил! На коллегии областной администрации! Прямо в глаза нашему старшему по области! А он: вы не правы! — визгливо передразнивая, всплеснул он руками. — Многое де-елается! Да что там делается?! Что делается?! Выделили в прошлом году крохи курам на смех, и тех мы до сих пор не дождались! Ай, да что там... — махнул он рукой и сник.

Гордей осторожно спросил:

— А вообще можете что-нибудь предложить или хотя бы посоветовать?

— Могу, — мрачно кивнул Сидоркин. — Не подставляться. Лично я уже смазываю лыжи. Вот, — ткнул он пальцем в бумагу перед собой. — Готовлю отчет на сдачу дел и — ту-ту, родная! Прощай, мой шиферно-сайдинговый бизнес! Уже и последние бабки снял, чтоб рассчитаться с долгами...

«Те самые, — подумал Гордей, — из которых Иван хотел умыкнуть две пачки».

— В прошлом году, — говорил Сидоркин, нервно потирая ладонь о ладонь, — у нас закрылось тридцать с лишним тысяч предприятий малого бизнеса... За последний квартал сто сорок восемь человек в городе объявили о банкротстве... Здесь на стенах, — повел он вокруг рукой, — еще недавно было много всего интересного, даже маски дикарей, я их привез из экзотических стран, а теперь только вот это, — показал он на два унылых графика, висевших по обе стороны от окна. — И ник-куда я уже пять лет не выезжал... Вам, случайно, дом не нужен?

— Какой дом?

— Хороший. Полукоттедж. Недорого отдам.

— А-а... — Гордей сразу вспомнил дом, возле которого катался по траве, сцепившись с Иваном, и с грустью подумал, что милое дело было бы в нем поселиться, но... — Спасибо, нет, — покачал он головой и спросил: — А что это у вас за особнячок? Не из трансформаторной ли будки трансформированный?

— Почти что так, — рассмеялся его каламбуру Сидоркин, лицо его сразу потеплело, видно, он любил хорошую шутку. — Но здесь была не будка, а овощной склад для магазина овощей во-он в том пятиэтажном доме, — показал он рукой в окно. — Потом этот магазин купила голландская фирма, и теперь в нем супермаркет, а этот склад остался на балансе города, нам его и предоставили после того, как я истоптал несколько пар обуви да извел тонны полторы бумаги. Это ли не характеризует отношение к нам властей?

— Да, да, — согласно кивнул Гордей и вдруг вспомнил: — У вас была такая Сторожева. Вы помните ее, Григорий Силантьевич?

— О-о, это мощная бизнесменша! Коне-ечно, помню. Помню. Как же не помнить Евгению Петровну!

— А почему она уехала?

— Она не уехала, ее уехали. Тому, кто умеет над всеми высидеться, всегда ведь тяжело. А она сходу отлично поднялась со своими тканями. Конкуренты зашебуршились, а у них же связи. И коллеги в горсовете есть. Они и вбросили предложение повысить в десять раз арендную плату для тех, кто свой бизнес, не имеющий отношения к спорту, ведет в бывших спортивных сооружениях. Якобы для развития спорта. А Сторожева одна-единственная воспользовалась таким сооружением: взяла брошенный теннисный манеж. Депутаты от власти поддержали, а их большинство, и предложение, естественно, прошло. У Сторожевой сразу пошли убытки, она обрашалась ко мне, мы вместе ходили к предсе-

дателю горсовета, просили отменить решение, но бесполезно. А там еще стали намеренно задерживать ее товар на таможнях и прочие козни строить. В общем, в один прекрасный день она ворвалась в горсовет прямо во время заседания, взлетела на трибуну к микрофону и кричит: «Вы, неуважаемые депутаты! Сбагрив меня, вы лишили городской бюджет хороших налоговых вложений! Вы, избранники народа, хотя бы подумали о городе...» Ну, и тому подобное. В зале кричат: «Кто ее пусти-ил? Где охрана?» А в тот момент там дежурил всего один охранник, но его оттеснила... — Тут Сидоркин коротко рассмеялся, покрутив головой. — Его оттеснила и удержала помощница Евгении Петровны, бывшая чемпионка по какому-то единоборству. Но там же рядом милиция, их вызвали, и они стащили Сторожеву с трибуны. После этого ее чуть не отдали под суд, но она, раз такое дело, мигом сориентировалась, со всеми разобралась миром и уехала. А решение взвинтить аренду спортсооружений быстренько отменили. Так-то вот, — со вздохом закончил Сидоркин. Всё это он рассказывал весело, но улыбка на его лице была теперь невеселой.

— Понятно, — сказал Гордей, вставая. — Ну, спасибо вам, — подал он Сидоркину руку.

— За что спасибо-то? — тоже вставая и растерянно пожимая ему руку, сказал Сидоркин. — Не за что, Гордей Васильевич. Если бы я мог вам хоть чем-то помочь, да вот... нечем... — беспомощно развел он руками.

И так и стоял, пока Гордей не вышел, с разведенными руками, в позе удрученно-растерянной беспомощности.

23

Надежда на неожиданное чудо, искрившаяся в глубине сознания Гордея, конечно, угасла. Но он был спокоен, и шел посмеиваясь. Теперь уже ничто не могло выбить его из равновесия, он чувствовал себя уверенно и отлично знал, что делать дальше. Впереди ему светило другое чудо — чудо, которое он собирался сотворить своими руками. И он в него верил. А город детства, как бы там ни было, оставался для него городом детства. Гордей решил начисто стереть в памяти всё, что узнал о нем, как стирают белиберду, написанную мелом на школьной доске. И шел, глядя вокруг с ожившим любопытством и вспоминая из своего детства многое, многое... Как, например, вон в том сквере напротив транспортного института играл с ребятами в придуманную кем-то игру «Найди пуговицу»: большую сверкающую серебристую пуговицу кто-нибудь подбрасывал высоко вверх, а тот, кому удава-

лось поймать, бросал ее на полянку за сиреневыми кустами, и все мгновенно срывались с места, неслись на ту полянку и начинали, ползая в траве, искать пуговицу; и нашедший вскакивал и бежал на другой конец сквера, а остальные мчались за ним, стараясь догнать и отнять пуговицу, чтобы положить в «зачетный пяточок», — тот, кому удавалось это, получал очко, и так, пока кто-нибудь не зарабатывал десять очков; тогда каждый из остальных провозил его на своем горбу вокруг большого центрально фонтана... Или как в том магазинчике, где сейчас женская косметика, продавали гашеные марки для коллекций, и он однажды купил красивейшую болгарскую серию... А на месте вон того, как видно, недавно построенного крытого торгового комплекса, стиснутого домами, было обширное пространство с футбольным полем летом, а зимой — с катком, на котором так чудно было кататься на коньках и учить Аню, постоянно поддерживая ее, чтобы не поскользнулась и не упала на своих «снегурках»... Пересекая город из конца в конец на автобусах, он с тем же любопытством разглядывал проплывающие мимо здания, магазины, скопления людей на остановках, вглядывался в лица людей, входивших в эти автобусы, смотрел на сидевших рядом, и во всем, во всем с тщательностью поисковика, вымывающего драгоценные крупички из обычного внешне, но золотоносного грунта, старался разглядеть и сохранить в себе всё лучшее, что еще оставалось в этом городе; ему очень хотелось побольше накопить тепла хорошего впечатления о нем, и это удавалось: по мере того, как он, побывав в банке и проделав там всё необходимое, ехал на вокзал, а с вокзала по магазинам, нагружался покупками и отвозил их в квартиру Епифановых, а потом снова ехал — на оптовку, на рынок, где наполнял большие пластиковые пакеты продуктами и опять же вез их в квартиру Епифановых, этого тепла всё пребывало, да и не могло быть иначе, потому что в любом уголке реальной жизни при желании можно найти что-то способное таким теплом наградить: суматошное ли чирикание воробьев в придорожных кустах, то и дело летающих в траву и смешно дерущихся; светлая ли улыбка случайно взглянувшей прямо в глаза молоденькой продавщицы овощей, услышанные ли в автобусе слова женщины средних лет с грубыми чертами лица, чудесно озаренного неподдельным счастьем: она рассказывала сидевшей рядом старушке, как после многих-многих невзгод ей стало необычайно хорошо благодаря обретенной православной вере... И когда уже под вечер Гордей стоял на крыльце ресторана «Русский уют» и говорил по мобильнику с Анной, только что вернувшейся

домой, он был до краев полон добра и любви. Он напомнил ей о намеченном на сегодня мероприятии и сказал, что вызовет для нее такси — через двадцать минут, дабы она успела собраться. И стоял на крыльце в ожидании, улыбаясь всему, что попадалось на глаза.

24

Сразу после того, как Гордей позвонил, Анна стала собираться. Впервые она вынула из шкафа платье, которое сшила, толком не зная зачем, пожалуй, даже от нечего делать — как раз в то время, когда начала реализовывать материалы, подаренные ей Сторожевой, и когда заказов еще почти не было. Ей захотелось сшить для себя что-нибудь суперэлегантное — такое, что надеть можно лишь в самом исключительном случае. Идея эта заразила ее, и она постаралась от души. Получилось и в самом деле нечто труднообразимое, воздушное, в сочетании белоснежного, темно-серебристой и нежно-розового цветов, неброское, без всякой приторной экстравагантности, но очаровательное, поневоле притягивающее взгляд, прекрасно идущее ей, покроя классического с элементами самыми современными, тонко и со вкусом в этот покрой вписывающимся. Такое платье не может выйти из моды. Надев его и подойдя к бабушкиному трюмо в углу комнаты, придиричиво взглянув на свое отражение во весь рост, Анна подумала насмешливо: «И почему ж это мужчины всегда были ко мне так равнодушны?» Она подвела глаза тушью, покрасила губы неяркой перламутровой помадой, чего не делала очень давно, а потом, подумав немного, распустила свой узел сзади на голове, встряхнула посыпавшимися на плечи волосами и хорошенько расчесала их. Теперь она выглядела гораздо моложе. Никак не дать двадцать восемь. «Двадцать один—двадцать два, не больше!» — подумала она и засмеялась. Весь день ей было легко и радостно, она не понимала, почему, но факт, что сегодня ее не огорчил ни один из отказов работодателей, от каждого из них она выходила в том же прекрасном настроении. А сейчас ей было особенно хорошо, и когда она прочитала в телефоне эсэмэску, известившую, что такси стоит у подъезда, то не вышла, а, схватив сумочку, выпорхнула из квартиры под ошарашенным взглядом Ивана, выглянувшего из своей комнаты. Он хотел сказать ей что-нибудь вслед, но не сумел вымолвить ни слова.

Выйдя из такси у ресторана, Анна почувствовала на себе заинтересованные взгляды нескольких человек, стоявших у крыльца, и подумала: «До чего же точно эта древняя мудрость: по одежке встречают!» К ней тут же двинулся, спуска-

ясь по ступенькам крыльца, Гордей. Он смотрел на нее с любовью и восторгом. А она внимательно рассматривала его костюм, и когда он подошел близко, аккуратно потрогала за лацкан пиджак и сказала:

— Хороший материал.

Он с улыбкой кивнул:

— Причем, надетый впервые. Я привез его специально, чтобы сходить с тобой в ресторан.

— Шевиот, — продолжала разглядывать костюм Анна. — Из такого можно сшить блейзер. Хочешь, сошью тебе?

— Сошьешь, обязательно, впереди жизнь. Пойдем, там уже всё накрыто.

И они двинулись в ресторан «Русский уют». Это было довольно большое здание в виде островерхого сказочного терема с золотым петушком на шпиле. И разукрашен терем был сказочно. У входа стоял светловолосый парень в кумачовой рубахе, подпоясанной белым веревочным кушаком с кистями, и в черных атласных штанах, заправленных в начищенные до блеска сапоги в гармошку. Он широко улыбался входящим, приглашая их жестами. Анна, давным-давно свыкшаяся с мыслью, что никогда уже не побывать ей в ресторане, была ослеплена чудесной узорчатостью всего, что было внутри этого терема: скатертей на столах, расписных деревянных стульев, обрамления высокой сцены, на которой играл оркестр народных инструментов в народных ярких костюмах, а молоденькая певица задушевно выводила красивую песню «Отставала лебедушка». Перед глазами у Анны расходились радужные круги, и ей казалось, что она уже начинает пьянеть, входя за отдернутую Гордеем высокую занавеску с вытканными Иваном Царевичем и Василисой Премудрой, за которой у стены, тоже разрисованной узорами, стоял стол с такой же узорчатой скатертью, сверкающий хрусталем и фарфором. А вскоре она опьянела и по настоящему — от рюмочки водки под соленые груздочки и стерляжью уху. Молодая официантка в цветастом сарафане, с усыпанным бисером и самоцветными камнями деревянным обручем в пышных рыжеватых волосах, ни на секунду не гася приветливой улыбки на своем румянном лице, приносила гречневую кашу с грибами, пожарские котлеты, говядину «Орлов», блины с икрой, расстегаи, пышки с чесноком, ледяной квас в кувшине и много чего еще. Постепенно темнело за окнами, в глазах у Анны вспыхивали и словно текли и текли сплошным потоком разноцветные искры и огни, в них то и дело проступало лицо Гордея, не сводившего с нее глаз; текло и пиршество, пронизанное танцами под песни быст-

рые и медленные: «Я по луженьке хожу», «Под окном черему-ха колышется», «Дарья»... И после долгого, захватывающе лихого отплясыванья под песню «Я за то люблю Ивана, что головушка кудрява» Анна, разругавшись, как матрешка, с растрепанными волосами и сильно блестящими глазами, упала на стул и прерывисто проговорила:

— Ну, спасибо тебе, Гордей, и за это! Сегодня ты меня сделал счастливой!

25

Когда на улице почти стемнело, Иван вышел из своей комнаты в прихожую и стал обуваться.

— Ты куда? — донесся из кухни голос Виктора Федоровича.

— На ночь-то глядя, — из кухни же донесся голос Валентины Антоновны.

— Я ненадолго, — ответил Иван и ушел.

— Пусто как-то в доме без детей, — сказал Виктор Федорович, попивая чай из чашечки в сине-золотистых разводах. — Ну, Ванюшка-то ладно, пошел, наверно, прогуляться. А где Аня? Ани-то почему нет?

— А ее Гордей пригласил в ресторан, — сказала Валентина Антоновна, накладывая в розетку клубничного варенья из банки, привезенной Гордеем. — Она тебе разве не говорила?

— Не-ет, не говорила... Гордей вроде говорил... А-а, да, да. Позавчера сказал, что собирается сводить ее в ресторан. Что ж, дело хорошее, я бы и сам с удовольствием где-нибудь посидел ... Помнишь, как мы с тобой ходили в рестораны?

— Ну, еще бы!

— Не часто, но было же, было!

— Замечательно было. Не забыл мясные нежные рулетки с белыми грибами под сметанным соусом?

— Не-ет, этого фирменного блюда мне уже никогда не забыть. Это же отличнейший был ресторан! А помнишь тот вечер, когда...

И потекли приятные воспоминания в уютном кухонном тепле.

А Иван дошел до остановки, сел в маршрутку и поехал в детскую городскую больницу, где дежурила Даша. Он ехал к ней подготовленным, как и намеревался вчера. Весь день, с самого утра, когда подметал улицу, только и думал о предстоящем разговоре, и теперь голова его была полна мыслей. Он знал, что должен говорить, и в здание больницы вошел решительно. Вообще-то Иван хотел сначала поговорить с ней по сотовому телефону, но она не ответила ни на один из его мно-

гочисленных звонков. Однако это ничуть не убавляло его решительности.

— Здравствуй, Ваня! — ответила на его приветствие Галя, молоденькая девушка в белом халате и в белом чепчике, сидевшая на месте регистратора. Она, как и Даша, была студенткой, училась вместе с ней в медицинской академии. — Сейчас я ее вызову, — подняла она трубку телефона.

И сразу Иван заволновался, — волнение усиливалось по мере того, как Галя, удивленно и негромко говорила в трубку: «Почему?.. Как это?.. Ну, ждет же...» — а потом, повысив голос, сердито выдала: «Спускайся!» — и добавила несколько резких слов, грохнула трубкой, с недоумением посмотрела на Ивана своими большими серыми глазами и сказала, опуская взгляд:

— Не ожидала я... Но... Придет, никуда не денется...

И правда, пришла. Но была отчуждена, с Иваном не поздоровалась и даже не взглянула на него; прошла мимо и твердо шагом направилась к выходу через фойе, полное больничных запахов. А он, заволновавшись еще сильнее, выскочил за ней на улицу и хотел сразу же заговорить, высказать ей то, о чем целый день думал сегодня, но всё это вылетело из головы от волнения. И он стоял перед ней молча, глядя на нее в упор, и сердце его колотилось, пожалуй, не меньше, чем вчера, когда он сел на скамейку возле подъезда с летающими у лампочки бабочками. Они и здесь летали — вокруг фонарей, горевших по обе стороны от дороги, что вела от больничного крыльца к проспекту, а над фонарями раскидывалось черное небо в звездах, с луной, истаявшей уже больше, чем наполовину. В свете фонарей лицо Даши было бледненьким и утомленным; она смотрела в сторону, на ней тоже был белый халат и надвинутый на брови белый чепчик, под ним прятался, должно быть, сильно нахмуренный лоб. Губы ее сейчас не выглядели полноватыми, и алость их как бы слегка поблекла, они были плотно сжаты — казалось, ни слова невозможно вытянуть из них, тем более слова доброго. Иван и свои-то губы разлепил с трудом, но говорить всё не мог, смог только сдавлено произнести:

— Даша, ты на меня... это самое... не дуйся...

Она долго молчала, и он подумал: не заговорит, всё. И хотел еще что-нибудь сказать, верней, хотел повторить сказанное, потому что ничего больше в голову не шло, но она, всё так же не глядя на него и горько усмехнувшись, сказала:

— Так всё просто, по-твоему? Я только дуюсь, как ребенок, и больше ничего? И что же мне в таком случае делать? Послать тебя подальше?

— Послать, послать, Даша, послать, — протараторил он, радуясь, что она заговорила. — Я могу это только приветствовать! Понимаю, что заслужил. Но никуда от тебя не пойду, мне от тебя никуда идти! И я должен многое, очень многое тебе сказать...

Она молчала. А его прорвало: стало вдруг вспоминаться всё, о чем думал он весь день. И он говорил, говорил напористо, с жаром, говорил сбивчиво и торопливо, словно боясь, что она перебьет его, остановит, и он растеряется, и всё опять вылетит из головы...

Но Даша не перебивала. Она стояла, по-прежнему глядя в сторону и держа руки в карманах халата; лицо безжизненное, застылое, лишь какое-то подобие легкого оживления начинало проступать на нем. Но Иван не мог этого разглядеть, слишком взволнован был. Ему казалось, что она не слушает его, а думает о своем. Но он не собирался сдаваться. Он был нацелен стоять до последнего и всеми силами стремился прорваться сквозь эту стену отчужденности. И всё говорил, говорил...

А она слушала внимательно, и даже с напряженным вниманием. Иван не понимал еще, как сильно ударил ее, какую боль причинил ей. Два дня назад, выскочив из квартиры после того, как он сказал ей: «Я хочу, чтобы ты ушла. Навсегда!» — она почти ничего не видела от боли, перед глазами плыла черная пелена в разрывах, сквозь нее едва угадывалось всё, что попадалось на пути, тот же Андрей, посторонившийся на лестничной площадке и удивленно окликнувший ее, когда она пронеслась мимо. И на улицу выбежала полуслепой, и шла наугад, едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. Временами ее охватывал страх, нет, даже не страх, а ужас от мысли, что она теряет Ивана, и хотелось немедленно побежать назад, к нему, кинуться ему на шею и просить, просить, чтобы не бросал, чтобы сказал слова, способные избавить ее от этой боли; но гордость не позволяла, и она уже бегом мчалась домой, в квартиру, всегда пустую в это время, и там долго-долго рыдала, уткнувшись на своей кровати лицом в подушку, всё больше и больше намокавшую от слез. Потом слезы кончились, она не знала, и не смотрела, сколько времени прошло, наступил бесслезный период, лишенный мыслей, когда отсутствующий взгляд направлен в одну точку, а тело, распластанное на кровати, неподвижно, и можно было бы назвать этот период мертвым, если бы не притупившаяся, но не ушедшая боль. И неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы не раздался звонок. Она вскочила с кровати, подумав, что это Иван, и почувствовав — да, да, именно так! — мгновен-

ную радость, и побежала было открывать, но тут снова дала о себе знать гордость, и она сначала вошла в ванную, хорошенько ополоснула лицо и вытерла насухо полотенцем, так что Андрей, когда она открыла дверь, даже и не заметил, что она редела. Да, к ее разочарованию это был Андрей. Он и не разглядывал ее лицо, вообще почти не смотрел на нее, занятый своими мыслями. Пройдя в комнату, рассказал, что с полчаса назад ему позвонил незнакомый Гордей, представился другом семьи Епифановых и выложил свой план против плана ограбления, задуманного Иваном. Ограбления?! Это еще что такое?! Даша была потрясена, и это потрясение в одну секунду вышибло из нее боль. Так вот в чем дело! Вот почему он с ней так обошелся! Она сказала Андрею об этом, и еще что-то возмущенно говорила, доходя чуть не до крика, не слыша себя и не понимая, что говорит, но чувствуя облегчение, и этот период можно назвать живым — она теперь надеялась на лучшее и верила в то, что все-таки ее обходит самое страшное, ведь она подумала: Иван ее разлюбил. Но она была вместе с тем и взвинчена до предела и, наверно, поэтому наотрез отказалась участвовать в дурацкой, как она сказала, клоунаде. И попросила Андрея уйти. Он ушел. А она ходила по пустой квартире, немного успокаиваясь, но ее снова начал одолевать страх, теперь уже не за себя, а за Ивана: посадят же! Ей надо было делать домашние дела, убираться в квартире, готовить и прочее, прочее, и она их делала и в тот день, и на следующий, и через день, и всё с одними и теми же мыслями. И переживала за Ивана. И очень скучала по нему. Любовь брала верх над всем. Ее так тянуло к Ивану, что временами она с трудом удерживалась, чтобы не помчаться к нему. Опять же и гордость останавливала. В конце концов она решила поддержать Гордея с Андреем, и даже хотела позвонить Андрею, но не стала. Она сходила на мини-рынок, купила черную шапочку и пистолет, игрушечный, но так похожий на настоящий. А когда стемнело, пошла в условленное место. По замыслу Гордея, они втроем, встретившись в этом месте, должны были пойти к расположенному в полусотне метрах дому Сидоркина, и там, в масках, с пистолетами, дожидаться Ивана, схватить его и устроить ему хорошую выволочку. Дальнейшее известно. Даша пережила за эти дни столько, сколько не переживала за всю свою жизнь, и чувствовала себя не то чтобы постаревшей, но как-то погруневшей внутренне: тяжелый это был опыт. Она не знала, как ей быть дальше, но чувствовала, что нельзя идти навстречу Ивану, надо терпеливо ждать: он сам должен пойти навстречу, должен всё выправить и восстановить, обязательно через

ее сопротивление, так будет справедливо, и потому не отвечала на его телефонные звонки и не хотела спускаться к нему, когда он пришел в больницу (ей хотелось, чтобы он сначала пришел к ней домой). Но подруга Галя сумела так сказануть ей в трубку, что она спустилась.

И теперь стояла перед Иваном в свете фонарей и слушала его. А он всё говорил и говорил, не прерываясь:

— У меня, Даша, сложная ситуация, ты же знаешь, мне из нее надо выбираться, не торчать же в ней всю жизнь, пойми! Я, конечно, проявил делинквентность, то есть пошел против требований закона, хотя по конечному результату хотел, так сказать, остаться в его рамках; но об этом говорить не стоит, главное, ты поверь мне, поверь, Даша, отныне на подобные дела у меня вето... то есть запрет... что-то из меня полезли термины, не обращай внимания... Главное, есть еще... это... самое-самое главное, а самое-самое главное для меня, Дашенька, это ты. Да, да, ты! Я понял это уже безапелляционно, то есть вот только сейчас, может, по-настоящему-то и понял... То есть... Нет, нет! Конечно, не сейчас, конечно, раньше... Ох!.. Всё что-то путаюсь... Но ты, Дашенька, прости меня, пожалуйста, прости, я виноват перед тобой, знаю, и мне в общем-то нечем даже и оправдываться, но я жду от тебя оправдательного вердикта... Да что т-ты... термины... Главное, Дашенька, не придавай никакого значения той чепухе, которую я сказал тебе у нас дома. Не придавай, не надо, я к тебе нисколько не переменялся, а после всего этого даже наоборот... Поверь мне, поверь... наоборот...

Весь этот сбивчивый монолог, возможно, со стороны мог показаться несурзным и смешным, но Даша, слушая, чувствовала, как внутри у нее все отмякает, оживает, наполняется теплом. Эти его путанные слова, сказанные, казалось бы, наобум, попадали в точку, были сейчас самыми необходимыми для нее словами: они вычищали из ее души весь тот сор, который сам же Иван и занес. Тяжелый груз испарялся, ей становилось легко. Глядя уже не в сторону, а в его осунувшееся лицо, в его глаза, блестящие лихорадочным блеском и глядевшие на нее прямо и неотрывно, она видела в нем не только виноватость и раскаяние, но и страх, точно такой же, какой испытала сама, страх потерять ее, и это уже окончательно успокаивало. Она снова чувствовала себя уверенной и сильной. И лишь думала: «Только убереги меня, Бог, от остатков зла на него, чтобы никогда ни единого раза не припомнить ему этого зла, не попрекнуть им, не мстить за него!» И тут же она почувствовала новый, горячий прилив любви к нему. Ей захотелось обнять его и слушать, слушать, стоя в

обнимку с ним, всё, что он говорил, слушать до бесконечности, позабыв о времени. Но нельзя было забывать ни о времени, ни о деле. И она с сожалением, с глазами, заблестевшими прежним живым блеском, мягко сказала:

— Ваня, мне пора. Может, кто-то из ребятишек проснулся и что-нибудь просит. Поговорим завтра. Уже так поздно. Я вызову такси.

И она достала из кармана халата телефон и кошелек.

А он, увидев по ее лицу, что она прощает его, прощает полностью, подождал, когда она вызовет такси, и заговорил воодушевленно, со свежим всплеском энергии:

— Вот я подумал-подумал, и теперь мне самому непонятно: с чего это я так уперся в одно и то же? Почему зациклился на университете? Ну не берут и не берут! Есть другие заведения, и можно начать по-другому, например, поступить в юридический колледж, хотя туда я не хочу, закончу для начала, пожалуй, юридические курсы, получу свидетельство, устройсь в суд делопроизводителем или секретарем, а можно тем и другим одновременно, это будет хорошая практика. А потом поступлю на заочное, может быть, в универ какого-нибудь другого города...

Такси приехало быстро, наверное, находилось где-то поблизости; буквально через пять минут светло-зеленая машина с оранжевым гребешком выруливала на площадке возле больничного крыльца. Иван смотрел на Дашино лицо, уже не бледненькое, наливающееся здоровым румянцем, и ему вдруг вспомнилось ее лицо в малиновой краске, когда он прогонял ее. И сразу такая нежность и такая жалость к ней зародились в сердце, что он с трудом сглотнул что-то горячее, подступившее к горлу, и подумал: «Больше этого никогда не должно повториться! Всегда только беречь и беречь ее!» И нежно-нежно поцеловал ее, а потом смотрел сквозь влажную пелену в глазах, как она легко взбегает по ступенькам крыльца и скрывается за стеклянной дверью.

— Ну, поздравляю! — услышал он, когда сел в машину. И удивленно посмотрел на водителя. А тот весело сказал, сверкая в полутьме сахарно-белыми зубами: — Не узнаешь? Это же я вел слезку за твоим соперником!

— А-а... Здравствуйте...

— Всё, значит, получилось?

— Получилось.

— Хорошо-о!

— Отлично даже... получилось...

— И эт-то ве-ли-ко-лепно! — со смехом говорил водитель. Он нажимал на газ, и машина набирала скорость. — О! —

вскрикнул он вдруг, покосившись на Ивана. — Что это с тобой? Ты никак плачешь?

— Да это я... так...

— Не понял. Получилось все-таки или нет?

— Получилось, получилось. Просто... Дурак я... А знаете, как обидно почувствовать себя дураком?

— О-о, знаю, знаю! Сам, бывало, попадал. Вот, например, случай был...

И таксист до самого дома весело рассказывал Ивану о себе.

26

— Нет, нет, Гордей! — сказала Анна, быстро делая руки крест-накрест. — Мне больше не надо, и двух рюмок за глаза! А то завтра голова болеть будет, а мне снова идти на поиски места под солнцем. Хорошо, хоть этот хмель прошел.

— Прошел, говоришь? — Гордей поставил графин на стол, так и не налив водку в рюмку Анны. — Отлично. В таком случае, перейдем к деловой части нашего мероприятия.

— А что, у нас сегодня и дела какие-то есть? — удивилась Анна.

— Есть, — кивнул Гордей.

Он смотрел на нее через стол прямо и серьезно. В ресторане всё звучала музыка, певица пела «Я назову тебя зоренькой». Танцующих было уже меньше, некоторые столы опустели, но пока еще былолюдно. От стола, за которым сидели Гордей и Анна, во всю ширь был виден зал, но Гордей закрыл его от глаз, задернув занавеску, и здесь вроде как стало тише.

— Есть, — повторил Гордей. — И очень важные.

— Та-ак... — с интересом подалась чуть вперед Анна. — И что же это за дела?

Гордей достал из внутреннего кармана пиджака бумажник, вынул из него железнодорожные билеты, развернул их и положил на узорчатую скатерть между фужером с минеральной водой и тарелочкой с янтарными ломтиками копченой осетрины:

— Вот. Поезд уходит завтра в одиннадцать тридцать утра. В Новокузнецк. Я хочу заехать с тобой к матери...

— А, так ты меня приглашаешь в гости! — встрепенулась Анна. — Ну, хорошо, можно съездить. Мне до следующей отметки на бирже почти две недели. Главное — вернуться вовремя, чтоб не потерять пособие за полмесяца. И на сколько дней поедем?

Гордей ответил, чуть помедлив и глядя ей прямо в глаза:

— Навсегда.

— Это... Как?.. — Анна откинулась на спинку стула, глаза ее округлись.

А Гордей, глядя в ее глаза всё так же прямо, сказал очень просто:

— Выходи за меня замуж.

С полминуты Анна сидела неподвижно, точно окаменев, потом выдавила севшим голосом:

— Ты... шутишь?

— Нет, не шучу, — твердо сказал Гордей. — Я ради этого и приехал.

— А... так... Подожди, подожди... Что-то я... не поняла... — пробормотала Анна. Ей не доводилось еще бывать в подобной ситуации, когда не знаешь, что сказать, и нет времени хоть что-то сообразить, и приходится говорить первое пришедшее на ум. — Как это... как... ради этого... Ты же... Ну... Ты говорил, что собираешься... заниматься бизнесом...

— Какой там бизнес? Отсюда бежать надо! И бежать, я считаю, надо нам с тобой вместе!

— Бежа-ать? — пораженно и тихо, едва слышно сквозь музыку проговорила Анна и, помолчав, не сводя с него глаз, сказала с испугом: — Не-ет, Гордей. Я никуда и никогда отсюда не побегу.

— А что ж так?

— Да не могу я отсюда уехать! Здесь у меня всё. Здесь мой отец, мать, брат... Я так привыкла жить под маминым крылышком, что без нее мне... Нет, нет, нет! Никаких, Гордей! Жить я могу здесь и только здесь!

— Вот как! — усмехнулся Гордей. — Здесь и только здесь, да? — и заговорил жестко, глядя на нее колючим взглядом: — Здесь, где нет нормальной работы? Где место посудомойки кажется земным раем и где людей могут загнать в ловушку, как на том мясокомбинате? Ты сама мне всё это рассказывала. А я-то, наоборот, не могу здесь... Не смогу... Я решил вернуться на Север. Меня уже и зовут. Вот, пожалуйста, — достал он из бокового кармана пиджака свой телефон, понажимал на клавиши и дал Анне. И она прочитала сообщение: «Возвращайся, Быстроногий Олень! Нам без тебя туго!» И спросила:

— Это тебя так называют? Быстроногий Олень?

— Да, меня прозвали так на заводе. Он работает на полную мощь. А в городе есть льнокомбинат, на котором обрабатывает лен — северное текстильное сырье. И есть ткацкая фабрика на льне. А на заводе у нас есть свое швейное ателье, и там, кстати, требуется и мастер, и начальник. Так что работа тебе всегда найдется. И жилье есть — моя двухкомнатная

квартира. Я выставлял ее на продажу, но сегодня отозвал. Решайся, Аня! Заедем к моей матери и...

— Нет, нет, Гордей! — перебила Анна. Лицо ее всё больше и больше покрывалось неровной горячей краснотой. — Не поеду я! Не могу... Мне...

Она хотела крикнуть: «Мне страшно!» Но промолчала. И сидела, опустив голову и чувствуя гнетущий страх от мысли, что вдруг да в самом деле придется отсюда уехать, тот самый страх, который не дал ей уехать в Краснодар, сколько ни уговаривала ее Сторожева.

— Ну, а как же насчет моего предложения замуж? — спросил Гордей вроде спокойно, но внутри у него всё буквально разрывалось, и сердце ухало и обмирало, как при падении в пропасть, и было очень трудно сохранять внешнее спокойствие.

— Ой, Гордей, а это... — посмотрела она на него жалким взглядом. — Это для меня что-то совсем... Никак я не ожидала... Просто обухом...

— Так да или нет?

— Но Гордей, это же... Это не в кино пригласить... Это же — замуж... Я и не думала... И потом... Тут вроде как любовь нужна.

Он посмотрел на нее пристально и несколько недоуменно, а потом спросил чуть насмешливо:

— Ты абсолютно в этом уверена?

— Ну, так... Уверена! А как еще-то?!

Он помрачнел, опустил взгляд в стол и сидел так довольно долго, думая, а потом сказал глухим голосом:

— Ладно. То есть... Не ладно, конечно... — и чертыхнулся про себя, и в сердцах подумал: «Вот и сотворил чудо своими руками!» Но тут же заговорил спокойным, твердым и даже деловитым голосом, как обычно говорил с людьми в цехе, во время работы: — Давай решим так. У тебя есть время подумать. Но — мало времени. Возьми билет... Нет, нет, возьми! — сказал он настойчиво, увидев, как она отрицательно и с испугом на лице затрясла головой, взял со стола один из двух билетов, встал, отдернул занавеску, обошел стол и вложил билет ей в руку. — Спрячь в сумочку, — сказал с нажимом и вернулся на свое место.

Она механически шаркнула молнией сумочки, висевшей на спинке стула, положила в нее билет, шаркнула молнией назад. А он уже сидел в свободной расслабленной позе, окидывая взглядом зал, и громко, с неожиданной молодцеватостью в голосе говорил:

— Н-ну, а теперь можно и еще потанцевать! — и засмеялся, сочно, заразительно, будто всё только что сказанное для

него ничего не значило. На его лице не было ни капли огорчения, только глаза слегка потемнели. — Аккурат медленный танец, он способствует раздумьям. Разрешите вас пригласить, барышня!

27

Анна не покривила душой, сказав Гордею, что его предложение для нее неожиданно. Ей действительно ничего подобного и в голову не приходило. Да, он понравился ей, когда она увидела его в службе занятости, и ей, как известно, пришлось даже признаться себе в этом через час с лишним, когда шла в тоннелях по скрипучим доскам сквозь стены из косых солнечных лучей. Но понравился он ей тогда как человек незнакомый, чужой, лишь отдаленно напомнивший кого-то, о чем она тотчас и забыла. Когда же она увидела его во второй раз, у себя дома, и отец сказал, что это Гордей, он мгновенно превратился для нее в давнего-давнего, словно законсервированного временем друга детства, в того мальчишку, с которым никаких отношений, кроме простого взаимного дружелюбия, быть не может. И ни разу не подумалось ей, что может быть и что-то большее. А как могла она подумать такое, если Гордей сразу сказал, что «предполагает» заняться предпринимательством, то есть именно дело, как она поняла, и есть цель его приезда в их город. Он сказал так же, что очень скоро снимет квартиру, а это значило для нее, что они потом, может, больше и не увидятся. Или будут видеться изредка, от случая к случаю, если он, к примеру, надумает приехать к ним в гости. Вот и всё. Теперь же он говорит, что приехал сюда ради нее. Ну, раз говорит, значит, правда. «Но до чего же всё это сложно и тяжело! — думалось ей. — Никуда я отсюда не поеду. Нет, нет, не поеду! Лучше об этом даже и не думать. Да и что там думать-то? Ответ дан, всё ясно!»

Но не получалось не думать. Она шла за Гордеем к сцене, возле которой двигались под музыку, словно медленно плавающая, несколько пар, а те люди, что сидели за столами и провожали ее взглядами, были уже не только восхищены ее необыкновенно красивым платьем, но и удивлены внезапной перемене ее лица, посерьезневшего, хмурого, сплошь покрытого ненормальной краснотой. А ей не хотелось никакой серьезности, хотелось вернуть то легкое беспечное настроение, с которым она вошла в этот зал, хотелось точно так же улыбаться, как улыбался, уже танцуя с ней и глядя на нее чуть сверху Гордей. А смотрел он на нее, заметила она теперь, с нежностью, с той самой нежностью, с которой смотрел и раньше, когда, например, в день его приезда они сидели в ее

комнате и разговаривали. А позже, в театре, к этой нежности, вспоминала она, примешивалось уже и что-то другое, чему она сейчас не решалась дать название, и только недоумевала: почему *тогда* не придала этому никакого значения? А уж тому, что он каким-то образом умудрился выследить ее и заговорил с ней в службе занятости, уж никак нельзя было не придать значения! Она начинала, как порой случалось с ней, чувствовать дикое недовольство собой. А мысли всё лезли и лезли. Она пьянела от горьковатого запаха его одеколона, ощущала приятное прикосновение пальцев к его костюму, к этому шевиоту, и правда хорошему материалу. Как это он сказал, когда она предложила ему сшить блейзер? «Сошьешь еще, впереди жизнь». И этому тоже не придала никакого значения. Плохо! А он еще сказал, что костюм этот привез специально, чтобы сходить с ней в ресторан. Она тогда подумала: шутит. А он, получается, не шутил. Совершенно слепой была. И глухой. Очень плохо! Поди вот теперь верни то беспечное легкое настроение... И до чего же все-таки плохо, что ему оказалось не по душе в их городе... «А мне? — вдруг подумала она. — Мне-то по душе ли в нем? Разве не правильно он сказал о рае земном, которым у нас кажется место посудомойки? Разве не по делу напомнил о ловушке в мяскокомбинате?» И подумалось: «А не лучше ли и в самом деле сбежать отсюда?» Но сразу перед глазами возникло родное мамино лицо, и новый приступ страха накатил с такой силой, что всё внутри протестующе закричало: «Нет! Не-е-ет!» Она яростно приказала себе: «Не думать! Ни о чем больше не думать!»

И не думала, пока заканчивался танец, а потом и этот пир заканчивался каким-то — не разобрала, каким — десертом с чаем на травах. Не думала и когда ехали домой. И только слушала его, сидя с ним рядом на заднем сиденье такси. Как все-таки хорошо он знает жизнь, как много помнит всего, как интересно с ним... Всё. Не думать.

А дома, когда после ванной разбирала постель в своей комнате, снова полезли мысли, но она их уже не отгоняла — в надежде на то, что за ночь они заспят и утром не вернуться. А спать хотелось очень сильно. Перед тем как лечь, она неожиданно почувствовала себя хорошо, и даже очень хорошо, точно так же хорошо, как чувствовала себя весь день — до того момента, когда Гордей предложил ей бежать. К ней вернулось легкое беспечное настроение. Она взглянула на свое великолепное воздушное платье, брошенное на спинку стула, чуточку повспоминала лучшее из того, что было в последние дни, связанное, конечно, с Гордеем, улыбнулась, выключила свет, легла и почти мгновенно уснула. Ей снились

чудесные цветные сны. Гордей катал ее на пони. Она сидела в седле, и была маленькой девочкой, а он — взрослым, таким, как сейчас. Он вел по уздцы эту миниатюрную лошадку в золотистых яблоках, украшенную разноцветными лентами, с завитой колечками гривой цвета спелой пшеницы, и они проходили сквозь чисто белые клубы облаков, похожих на шарики пломбира. Он говорил ей: «Держись крепче за уздечку, а лучше — за мою руку, и тогда тебе не будет страшно». Она спрашивала: «А почему ты такой большой, а я такая маленькая?» И по-детски капризно добавляла: «Я тоже хочу стать большой! Сейчас же!» Он со смехом отвечал: «Для этого нужен полет, а ты еще не научилась летать! Давай-ка я тебя поучу. Отрываемся от земли и — полетели!» И был долгий сладостный полет сквозь белоснежные клубы облаков с пронизывающими их солнечными лучами. И когда она проснулась и лежала, глядя в окно на безоблачное небо, клочками видневшееся в просветах в листве, в ней оставалось счастливое ощущение этого полета, и было всё так же хорошо. Ей, как всегда, захотелось немедленно поделиться всем этим с мамой. Она бесшумно выскользнула в ночнушке из своей комнаты, а когда вернулась, умытая, причесанная, с обычным узлом волос на затылке, то быстро надела свой повседневный бежевый костюм и пошла на кухню, где пахло свежими овощами и жареной картошкой.

Валентина Антоновна резала на разделочной доске огурцы, помидоры и зеленый лук для салата. Анна подошла к ней сзади, тихо обняла за плечи, легонько прижалась щекой к ее волосам и сказала на ушко:

— Мама, ты представляешь, мне Гордей вчера сделал предложение, а я...

— Знаю, — сухо перебила мать.

— Как знаешь? — отпрянув от нее, изумилась Анна. — Он тебе сказал?

— Не сказал, но я видела его. И этого мне было достаточно, чтобы всё понять.

— И что ты можешь мне посоветовать?

— Ничего. — Голос матери был неласков, и это неприятно укололо Анну. Не часто, ой, не часто мама так с ней говорила. Даже и не вспомнить... — В таких делах, — сказала Валентина Антоновна, — я тебе не советчик. Однажды у нас с тобой уже был разговор на эту тему.

Да, теперь вспомнила. Был. С такой же ее неласковостью.

— Ты должна это решать сама, — бросила через плечо Валентина Антоновна. — Хотя что уже там решать-то? Поздно.

— Как поздно? — вздрогнула Анна.

— Гордей уже слушает стук вагонных колес.

— Да?

— А ты разве не знала, что он собирался уезжать? Он тебе вчера не говорил? Вон сколько всего накупил нам напоследок, — показала Валентина Антоновна ножом на лежавшие на полу под окном четыре битком набитых больших пластиковых пакета. — И это только то, что не уместилось в холодильнике. А в нашей комнате еще и подарки каждому.

Анна с минуту стояла неподвижно, глядя на мать, с хрустом резавшую сочные зеленые луковые стебли, потом повернулась и медленно пошла из кухни, чувствуя, как уходит счастливое ощущение полета и как опускается она с той высоты в эту обыденность, от которой почему-то так страшно оторваться. Уехал. Всё.

Когда она проходила мимо входной двери, раздался звонок. Она открыла дверь. За ней стояли Андрей и Даша. Они одновременно поздоровались с ней, и она молча и печально кивнула и впустила их в квартиру.

— Где он, наш общий друг? — громко, улыбаясь, сказал Андрей и толкнул дверь комнаты Ивана. — Привет, Ванек! Позавчера я пообещал, что приведу ее к тебе! И вот я это сделал!

— Андрюша у нас герой, — в тон ему, засмеявшись, сказала Даша. Она смотрела на Ивана, и глаза ее искрились радостью. Таким взглядом смотрят на того, по кому долго и сильно скучали. — Вчера он провел дежурство не впустую. Весь день сидел в Интернете и нашел новую работу.

— Правда? — подошел к Андрею Иван и, пожимая ему руку, спросил: — И какую же?

— А электриком на стройку, как и хотел. Уже и резюме отправил, и вызов получил. Сейчас пойду.. Это недалеко от нас, теперь буду ходить на работу пешком. И насчет учебы прокачал. Так что, Ванек, не толкуй больше о том, что я всем доволен...

Они прошли в комнату Ивана, а дверь осталась открытой, и голоса их были слышны, но Анна уже не слушала. Она вошла в пустую комнату, где четыре дня прожил Гордей, прикрыла дверь, подошла к кровати и села на край обнаженной панцирной сетки. К спинке кровати был приткнут толстый рулон матраца с закатанными в него верблюжьим одеялом и пуховой подушкой, а на спинке висело аккуратно сложенное постельное белье. Дух запустения вернулся в эту комнату, только едва уловимый запах одеколона, кажется, еще витал в воздухе. Она сидела, уткнув локти в колени, а лицо уронив в ладони. Сейчас надо снова идти искать работу. Ну да ничего, зато теперь спокойно: ни тяжести, ни сложности.

«Опять врешь себе!» — подумала она, роняя от лица руки и разгибаясь в новом приступе дикого недовольства собой. Тяжесть тут как тут, она вернулась на смену легкости. Да и сложность остается — сложность в ней самой, в тех переменах, которые произошли с ней за эти дни. И как теперь войти в прежнюю колею? Опять заставлять себя ни о чем не думать? Нет, тут, похоже, наоборот, как говорит Ваня, цитируя кого-то из великих, надо думать, думать и думать. Но что-то не получается думать, слишком плохо становится. А не должно бы. Все равно ведь не смогла бы уехать, страх не пустил бы, хоть и поуменьшился он сейчас, может быть, от того, что мама заговорила с ней как чужая, тем не менее, мысль о бегстве по-прежнему вызывает его, этот самый страх, черт бы его побрал! Значит, правильно поступила, можно ни о чем не думать и продолжать жить своей твердой верой в то, что скоро всё здесь наладится, и тогда у ней будет полный порядок, пусть и начинают иногда возникать сомнения, что наладится *скоро*, но когда-то в конце концов должно же всё наладиться! Так что не только страх, но и эта вера держит ее здесь. Непонятно только, почему с такой силой донимает сейчас недовольство собой?

Она встала с кровати, звякнув панцирной сеткой, подошла к столу и взглянула в окно, туда, где в просветах в листве была видна детская площадка, по ней молодая соседка вела за ручку к трактору из разноцветных дощечек и реек своего только-только начавшего ходить малыша. Нахмуриваясь, Анна отвела от окна взгляд, и он упал на стиральную машину «Сибирь» в углу за спинкой кровати. Эта машина работала безукоризненно, и бабушкина комната оживала по выходным, когда машину выкатывали на середину, и начиналась большая стирка; стирали все вместе, и Анна, и мама, и отец, и Ваня; стирали, загружая и запуская машину по очереди, под неумолкающую музыку магнитолы и затажное параллельное чаепитие и игру в подкидного дурака двое на двое; и это были едва ли не самые веселые и счастливые дни в их семейной жизни. Сейчас на стиральной машине лежала красная картонная коробка из-под мини-пирожных, а на ней белел вырванный из блокнота листок. На листке было написано: «Ивану, лично в руки».

Анна, подумав, что в этой коробке вполне может быть что-то важное и для нее, схватила ее вместе с листком и понесла в комнату Ивана. Там Андрей, прохаживаясь туда-сюда, размахивал руками, колотил себя кулаками в грудь и кричал:

— Да как вы не поймете, что нам сейчас надо действовать всем сообща! Нам, поколению лишенцев...

— Что, что? — с ироничным любопытством глядя на него, спросил Иван, он сидел на стуле возле стола. — Что это ты такое сказал?

— Да, мне тоже интересно, — с улыбкой сказала Даша, сидевшая на диване.

— Это мое собственное... — смутился, сбавляя громкость, Андрей. — Мы же сегодня напрочь лишены возможности реализовывать себя в соответствии... ну.. со своими данными, своими устремлениями...

— Тебе бы философом становиться, а не электриком! — засмеялась Даша.

— Ну так... — развел руками Андрей. — Зафилософствуешь тут...

— Он прав, — сказал Иван уже без всякой иронии, слегка даже нахмуриваясь. — Его правоту не опротестируешь. Всё это необходимо подвергнуть обстоятельному разбирательству...

Тут он увидел стоящую в дверях сестру с коробкой и листком в руках и спросил:

— Что это, Аня?

— Тебе.

Анна вошла в комнату, а Иван встал со стула и взял у нее листок и коробку. Взглянув на листок, положил его на стол, а коробку открыл. Анна посмотрела в нее и тут же села на диван рядом с Дашей. А Иван стоял, в оцепенении глядя на лежавшие в коробке две пачки долларов, точь-в-точь такие, какие он хотел позаимствовать у Сидоркина. Он закрыл глаза, потряс головой, снова открыл. Потом медленно вынул эти две пачки, положил на стол коробку, взял из нее оказавшийся там еще один листок и в полной тишине прочитал:

— «Иван! Это тебе на учебу в университете. Только не отказывайся, пожалуйста. А то лишишь меня единственной возможности совершить в этом городе хоть какой-то поступок. Успеха тебе и счастья! Гордей».

Глядя на пачки долларов руке, Иван тихо проронил:

— Это будет для меня... Овердрафт...

— Что, что? — спросил, входя в комнату, Виктор Федорович.

— Краткосрочный кредит, — ответил тихо Иван. — Я ему верну.. Я всё ему верну.. Заработаю и...

— Не получится, — сказал Виктор Федорович. — Не тот человек Гордей, чтобы взять обратно, коли отдал. Единственное, чем ты можешь ему отплатить, — не подвести его.

— Значит, мне надо будет подняться на высоту барристера, — задумчиво сказал Иван.

— Кого, кого? — спросил его отец.

— В Англии так называют адвоката высшего ранга, — пояснил Иван, всё думая о чем-то. — У него есть право выступления во всех без исключения судах. Э-э-эх, как жа-аль! — сокрушенно протянул он.

— Чего тебе жаль? — спросил Виктор Федорович.

— Жаль, что Гордей уехал. Я хотел, чтобы он погулял на моем дне рождения. Через пять дней мне стукнет двадцать один!

— Он, наверное, отдал всё, что у него было, — слышался от двери голос Валентины Антоновны.

— Не всё, — сказал Виктор Федорович. — Но при необходимости он может и всё отдать. Он и нас спонсировал, невозможно было отбиться...

Анна сидела на диване, смотрела перед собой невидящим взглядом и уже не слушала, о чем говорили. В коробке и в самом деле оказалось нечто важное и для нее. Уж сколько переживала она за Ивана, когда его не принимали учиться на бюджет! И теперь была рада за него. Как-то так уживались в ней, перепутываясь и поочередно одерживая верх одно над другим, эти два чувства — тоска и радость. А мысли снова текли потоком. Вспоминался вчерашний вечер. Что она брякнула ему, когда он сделал ей предложение? Дескать, и не думала об этом. Да как же не думала-то, как не думала? Думала, и часто. В тоннелях, например, после того, как поговорила с ним в службе занятости, шла и думала: замуж-то все-таки надо бы, ой-ёй-ёй как надо бы... И спросила ведь его в тот же день, вечером, как у него насчет семьи, женат ли; и вроде даже какая-то надежда на будущее с ним мелькнула, этого уже точно не вспомнить, но что-то такое, похоже, было и, может, пошло бы в развитие, если б он не сказал, что приехал делать дело, и скоро съедет от них на квартиру... И как легко было с ним тогда, в тот первый вечер... и потом... и вчера... Вчера еще что-то брякнула ему. Что?.. А, вот. «Тут вроде как любовь нужна». Наверное, сильно этим его ударила, хоть и маленькая по сравнению с ним, правильно это было показано во сне. Получается, прямо в лоб выдала, что к нему у нее ничего нет, никакой любви. Но так ли это? И вообще, что такое для нее любовь? Была ли она в ее жизни? Тот случай с красавцем, одним из немногих парней в их институтской группе, ужасно избалованным вниманием студенток, был просто мелькнувшим эпизодом. Щемящая нотка, ненароком залетевшая в душу. Абсолютно без ничего, без единой встречи. И стоило только сказать себе: «Ни к чему!» — как нотка эта и вылетела. Всё прошло навряд ли легкой простуды. Был еще один эпизод, уже со встречами, и даже с подготовкой к

свадьбе, с подвенечным платьем, собственноручно сшитым. Тогда-то и состоялся тот разговор с мамой, о котором она сегодня напомнила и в котором на ее просьбу дать совет жестко ответила: «Решай сама». Но что это была за любовь? И была ли? Платье, так ни разу и не надетое, если не считать примерки, после мелкой ссоры и отказа жениха, забавного в своей странной истеричности, пришлось отнести в салон дома бракосочетания, где у нее охотно его купили, хоть она и хотела отдать бесплатно. А сам жених-ровесник, живший на квартире этажом выше, выпускник факультета международного бизнеса, бесследно исчез, и она без всякого сожаления забыла его.

И что же в результате получается? Как ни крути, а тот мальчишка, с которым она ловила рыбу в реке и жучков с кузнечиками в роще и которого считала просто другом детства, на самом деле был единственным, кого по-настоящему любила в своей жизни. Это она поняла отчетливо, до боли в сердце. И сразу отчетливо поняла, почему ей было так хорошо все эти дни.

И что теперь делать? А делать уже и нечего, надо лишь придавить в себе эту боль, сдерживать набегающие на глаза слезы и вернуться к действительности. Надо жить дальше, никуда от этого не деться. С грустной улыбкой она подняла взгляд и посмотрела на всех, кто был в этой комнате, прислушиваясь к тому, о чем они говорили.

Иван уже успел сходить в комнату родителей и позвонить по городскому телефону в университет, и теперь с сияющим лицом тараторил:

— Всё в норме, товарищи, всё в норме! Надо съездить сейчас заплатить, а первого сентября во весь опор мчаться на занятия. Ох, как я соскучился по учебе, как соскучился! Так, так, так. Сколько там времени? — посмотрел он на будильник, стоявший на тумбочке у его кровати.

Анна тоже непроизвольно посмотрела на будильник. И замерла.

28

Валентина Антоновна ошиблась, сказав, что Гордей уже слушает стук вагонных колес. Он пока еще слушал гремящие женским голосом объявления о прибывающих и убывающих поездах, сидя с краю на гнутой вокзальной скамейке в многолюдном и шумном зале ожидания. У его ног лежала большая синяя дорожная сумка, раздутая, как жаба, от гостинцев. В просторные, от пола до потолка, окна ему была видна раскинувшаяся внизу площадь, до отказа наполненная

легковыми машинами и наполовину укрытая тенью от здания вокзала. Среди машин ходили люди, большей частью с поклажей, одни шли к остановке, выходя из тени на яркое солнце, другие наоборот, шагая от остановки, входили в тень. Взгляд Гордея то и дело тянулся к остановке, куда непрерывно подъезжали сверкающие стеклами на солнце автобусы и троллейбусы, но он тут же вновь утыкался в блокнот. Он уже полностью был погружен в свою прежнюю работу. Когда накануне он позвонил начальнику кузнечного цеха и спросил, примет ли он его на прежнее место, тот сразу обрадованно крикнул: «Разумеется!» — и передал трубку старшему мастеру, сидевшему в его кабинете на оперативке. Старший мастер, на которого взвалили обязанности Гордея, тоже был рад и сразу же с нескрываемым облегчением подробно изложил всю обстановку. Дела на участке, конечно, ухудшились. Так бывало всегда, когда Гордей возвращался из отпуска. Он делал пометки в блокноте, соображая, чем необходимо заняться в первую очередь, а чем потом, и снова чувствовал себя уверенно, в своей колее. Вокзальный шум и голоса разговаривающих рядом людей не могли ему помешать, он был привычен к шуму гораздо более сильному. Он вернулся в струю, несущую его вперед с искрами и шипеньем, и не без удовольствия предвкушал, как придет на свой грохочущий участок и как приветливо его там встретят. Об Анне старался не думать, это было слишком больно. Ее отказ стать его женой был для него почти таким же неожиданным, как для нее — его предложение. «Почти» — потому что он не был абсолютно уверен, что она сходу согласится. Но он, когда ехал в этот город, и не собирался ошарашивать ее предложением. У него был, можно сказать, долгосрочный план по завоеванию ее сердца, и завоевание это должно было растянуться не менее чем на три месяца. В план входили многочисленные, чуть не ежедневные посещения всех лучших мест культурного слоя этого города. Он намеревался постепенно приучить Анну к своему присутствию в ее жизни, и только потом, когда в глазах ее сверкнет уже не просто дружеский интерес к нему, а в улыбке, с теми же, как в детстве, ямочками на щеках — не такими глубокими, но такими же милыми — появится то, что выйдет за грань обычного теплого расположения, он и начал бы атаку всерьез, направил бы разговоры в нужное русло, полное намеков, чтобы вслед за нежными и как бы случайными прикосновениями рук, за поцелуем, будто бы ненароком случившимся, из нее легко, как птица из открытой клетки, вылетело бы в ответ на его ожидаемое уже ею предложение: «Да!» Он знал, что именно так всё и должно было про-

изойти. Наверняка, произошло бы. Но лишь в том случае, если бы у него получилось остаться в этом городе навсегда, если бы он смог в нем обустроиться. Болтаться же без дела, ухаживая за ней, он не мог. И потому вынужден был пойти напролом, потерпеть поражение и тяжело переживать его полноты, отчего не очень хорошим было сейчас его самочувствие. Но он был собран, держал себя в кулаке, о деле думал расчетливо и спокойно, уходя в него с головой. Работа всегда была для него лучшим спасением от невзгод.

И все-таки нет-нет да и ловил он себя на том, что ждет ее, ждет помимо воли, и взгляд его снова отрывается от блокнота и выстреливает сквозь окна в сторону остановки, выискивает ее среди людей, которые выходят на солнце из темных салонов автобусов и троллейбусов. Он одергивал себя и продолжал делать пометки в блокноте, напряженно думая, пока не продумал всё до мелочей, и тогда закрыл блокнот, сунул его вместе с ручкой во внутренний карман пиджака и решил все-таки дать волю мыслям об Анне. Он думал теперь, а есть ли хоть какой-то шанс, что она придет, и ему удастся-таки своими руками совершить чудо, под которым он подразумевал ее спасение от безбрачия, вне всякого сомнения, изрядно измучившего ее. И приходил к выводам неутешительным, вспоминая их диалог в ресторане, ее слова «тут вроде как любовь нужна», которые, по правде говоря, всерьез не воспринимал; но главное — испуг на ее лице, когда он сказал, что у нее есть время подумать. Он спрашивал себя, хватит ли ее на то, чтобы пробить скорлупу маминой дочки и выбраться из нее, и отвечал, хорошенько подумав: «Как знать, как знать...» И думал еще, и всё больше и больше Анна представлялась ему настолько прочно вросшей в свою унылую ситуацию, что ни малейшей возможности вытащить ее он не видел и не верил, что она способна сама себя вытащить. В конце концов он вынужден был признать, что ни малейшего шанса нет, и пора бы уgomониться. Но снова, снова ловил себя на том, что ждет ее. Однако больше не смотрел в окна, а просто, стиснув зубы, оборвал свои мысли и обвел взглядом людей, сидевших на скамейке напротив и на этой скамейке, где сидел сам. Оказывается, здесь шел оживленный разговор. Гордей прислушался к нему. Инициатором, быстро понял он, была сидевшая прямо против него женщина лет сорока в поношенном темно-синем кримпленовом костюме, часто повторявшая, что она журналистка. Она держала в руке маленький черный диктофон, записывая на него разговор, на основе которого, предупредила она, будет подготовлен газетный материал, но уже не в этом городе, а в том, куда она

уезжает навсегда, так и не прижившись здесь за двенадцать лет. Восемь из них она проработала в областной газете, откуда ее уволили по распоряжению властей — после того, как она написала и напечатала колючую правду о них. И потом ей пришлось подрабатывать в других газетах вне штата, в штат нигде не брали, а встать на учет на бирже труда она не могла, поскольку получала гонорары, а значит, официально не считалась безработной. Всё это она рассказала как бы между прочим, попутно, и неустанно спрашивала тех, кто, как и она, покидали город, а это, во-первых, была семья из четырех человек: муж, жена и их молодые и пока несемейные сын и дочь — остаток более чем полувековой заводской династии станочников-универсалов, вкуче попавшей под сокращение. Был тут еще не нашедший себя молодой ветеринар. И были двое молодоженов, обманутых самим главой областной администрации: когда два года назад они оканчивали медицинский институт, тот на помпезной встрече со студентами, показанной по телевидению, пообещал обеспечить их жильем, если они поедут работать в пригородное село с крупным животноводческим комплексом. И они, получив дипломы, поехали в это село, но никакого жилья для них там не было и в помине, и пришлось им скитаться по углам. Они, конечно, съездили в город и пошли в областную администрацию в надежде попасть на прием к главе, чтобы напомнить о его обещании. Но их не пустили, объяснив, что глава не ведет прием граждан. Обо всем этом журналистка спрашивала подробно, дотошно, видимо, намереваясь вложить всё, на что способна, в это свое прощальное интервью. Она и Гордея спросила:

— А вы, наверное, тоже бежите отсюда?

— Нет, — ответил Гордей. — Я не здешний. Приезжал по личным делам.

И журналистка продолжила говорить с другими. Гордей смотрел на их лица, просветленные и улыбающиеся в предвкушении новой жизни, и вдруг подумал, что ведь он так же, как и они, уезжает отсюда навсегда, и ему уже никогда не пройтись по улицам города своего детства. Если бы Анна поехала с ним, он бы мог еще множество раз побывать здесь: они бы вместе приезжали погостить. Но приходится прощаться с этим городом навсегда. И он прощался с ним мысленно, глядя долгим взглядом в окна, уже не на остановку, а за нее, на шумящий там проспект, на угловой универмаг и на большое старое здание торгового комплекса. Когда-то в том здании был кинотеатр, один из лучших в городе, Гордей в нем частенько смотрел с друзьями кино...

Прощаясь с городом, он все ловил и ловил себя на том, что ждет ее, и никак не мог от этого избавиться.

29

Замерев, Анна смотрела на будильник на тумбочке Ивана. И уже не слышала, о чем еще говорили в комнате. Она вспоминала, во сколько уходит поезд, и вроде вспомнила, но не знала, точно или нет, и силилась вспомнить точно, пока до нее не дошло, что можно пойти и посмотреть билет, который заставил ее взять Гордей. И порывисто вскочила с дивана, легонько задев сидевшую рядом Дашу, а потом нечаянно задела Ивана, так и не выпуская из рук заветные две пачки долларов; тут же задела Андрея, о чем-то опять громко говорившего; аккуратно посторонила отца, внимательно слушавшего Андрея, проскользнула мимо стоявшей у двери мамы и стремительно прошла в свою комнату, там схватила со стола сумочку, шаркнула молнией, выхватила билет, впиалась в него взглядом... Так он не уехал еще! Остается почти сорок минут. Можно успеть.

Анна быстро сунула билет обратно в сумочку, выдвинула ящик стола, достала из него паспорт, трудовую книжку... И вдруг ее охватил такой страх, что она почувствовала слабость и дрожь в коленях, и бессильно опустилась на стул; в груди противно заньло, и стало очень нехорошо от мысли, что вот сейчас, в один миг надо порвать со всем, с чем намертво срослась за всю свою жизнь, надо расстаться с родными, голоса которых доносились до нее сквозь дверь: там как раз мама что-то говорила, и ей вторил отец. Она смотрела бессмысленным взглядом на свой зеленеющий на стене акварельный портрет в березовых листьях, переводила взгляд на бабушкину прялку, на ее швейную машинку, на книжный шкаф и еще на что-то в этой комнате, своей до последней молекулы, и чувствовала один только этот всепожирающий страх. Но постепенно приходила в себя, словно оправляясь от удара и начиная соображать, как же все-таки поступить. Стоит еще минут десять посидеть в такой же расслабленной неподвижности, и всё закончится — закончится уже по-настоящему: она не успеет. На глаза ей попался листок поиска работы в не задвинутом ящике стола, и представилось, как снова мотается она по городу с этим листком, а если начистоту, то, по сути, сидит на шее у родителей со своим жалким пособием; и сразу же слабость ушла, сменяясь упругой силой, сдобренной хорошей порцией здоровой злости; живо и трезво заработала мысль, она подумала, и даже не столько подумала, сколько почувствовала всем своим нутром, что если не про-

бьется через свой страх и не совершит этот поступок, цена ей на всю будущую жизнь останется — грош!

Она вскочила со стула, будто подброшенная, одержимая теперь только одним порывом: вперед и вперед! И быстро, но без суеты, рассудительно, даже в какой-то мере хладнокровно, положила в сумочку паспорт с трудовой книжкой, достала из ящика стола деньги, остаток пособия по безработице, отделила половину, положила на стол, а другую половину — в сумочку; рядом положила ключи от квартиры. Взгляд ее упал на чудесное воздушное платье, висевшее на спинке стула, и ей подумалось: такое и впрямь для исключительного случая, и надеть-то его можно, как написал Грин, когда одной ногой стоишь на земле, другой — на небе. Именно в таком состоянии ты и отплясывала в нем вчера, подруга! Она еще подумала: надо взять что-то с собой, какие-то вещи. Но на это не оставалось ни минуты. Ничего, подумалось ей в каком-то внезапном огневом восторге, именно вот так, в чем есть, без всякого багажа, и следует вырваться из-под маминого крылышка!

Она вышла в прихожую с сумочкой в руке, скинула тапочки, надела свои удобные для ходьбы растоптанные туфли без каблуков, в которых невесть сколько десятков километров исходила в поисках работы.

И выскочила из квартиры.

А Иван, с недоумением посмотрев из своей комнаты на дверь, хлопнувшую слишком громко, сказал:

— Что это сегодня с моей сестрой? Она вроде как не в себе.

— Да ее Гордей вчера замуж позвал, — сказал Виктор Федорович. — А она ему отказала.

— А ты откуда знаешь? — спросила Валентина Антоновна.

— Он мне сам говорил.

— А ты мог бы и не распространяться.

— А что здесь такого? — пожал плечами Виктор Федорович.

— Действительно, — поддержал отца Иван. — Все равно бы узнали. Но зря это она... Зря отказала!

— Я тоже так думаю, — сказал Андрей.

— Она такая грустная сидела здесь, — вздохнула Даша. — Ошиблась, конечно.

— А вот я-то не ошибусь! — воскликнул Иван. — Я, Дашенька, тебе предлагаю выйти замуж! За меня!

— И попробуй только откажи! — погрозил пальцем Даше Андрей.

Даша, всё так же сидевшая на диване, зарделась и потупилась.

— Мать, — посмотрел на жену Виктор Федорович. — Кажется, в нашем семействе намечаются глобальные перемены.

— Давай сначала Дашу послушаем, — ответила Валентина Антоновна. — Что она скажет...

— Я согласна, — сказала Даша, не поднимая глаз и еще больше краснея.

— Дело за вашим благословением, — сказал Иван, широко улыбаясь и глядя на родителей.

— Благословляем, — подчеркнуто важно, с веселым блеском в глазах произнес Виктор Федорович и посмотрел на жену: — Ведь так?

— Еще бы! — засмеялась Валентина Антоновна. — Я этого так давно жду... — и не договорила, в глазах ее сверкнули слезы.

— Спасибо вам, дорогие, — поклонился Иван родителям, счастливая улыбка не сходила с его лица, словно приклеенная. — Значит, вот что я предлагаю, — быстро заговорил он, обращаясь к Андрею с Дашей. — Сейчас мы втроем едем в универ, там я всё оформляю, затем отправляемся в Дом бракосочетания, подаем заявление, после этого слегка сидим в кафе, а потом... Уважаемые папа и мама! У меня к вам большая просьба. Приготовьте, пожалуйста, стол. И пригласите соседей на нашу помолвку. Вечером мы ее отметим. А я приглашу своих друзей-молодоженов Максима и Надю Сухаревых.

— Они что, поженились? — удивленно спросил Андрей.

— Да, я сам только позавчера узнал. А ты, Даша, пригласи свою подружку Галю. Вы с ней, Андрюха, будете у нас на свадьбе свидетелями, учти! Ну, а Гордею я лично отправлю приглашение!

30

До остановки Анна бежала, надеясь, что там, как обычно, будут стоять машины таксистов-частников. Но их не было. И автобус подошел, увы, не сразу, и не тот, который шел до вокзала в обход железнодорожных переездов, но ничего не оставалось кроме как ехать на нем, молясь про себя, чтобы эти переезды не задержали. Она стояла на передней площадке, сжимая поручень спинки пустого сиденья, глядя вперед сквозь автобусные стекла. И видела, что переезд закрыт, а мимо будки стрелочника за вереницей легковых машин ползет товарный поезд, как темно-коричневый заслон, обрывающий что-то внутри своей неспешностью и отметающий надежду, благо, ненадолго: последний вагон проползает, от-

крыв стену придорожных тополей на повороте шоссе, и почти сразу поднимается шлагбаум, мигая красными огоньками и возвращая надежду; автобус снова движется вперед, разгоняясь за поворотом, потом на хорошей скорости лавирует среди деревянных домишек, а за ними еще один переезд, но он почти никогда не держит, тем не менее сердце Анны сжимается, и она думает: «А сейчас вот возьмет да остановит». Но нет, после легкой встряски на рельсах и этот переезд остается позади, и теперь самое главное — миновать третий, последний переезд — через магистраль, по которой очень скоро помчит поезд, билет на который лежит в сумочке Анны. Этот переезд держит чаще других. Но и он открыт, автобус промахивает через него, и Анна, чувствуя, как набирает силу надежда, думает: «Значит, тот, кто наверху, переживает за меня, помогает мне!» Автобус мчит по длинной-длинной и безупречно прямой улице, выстреливающей прямо в Привокзальный поселок, и даже не замедляет хода у безлюдной остановки, потому что выходить там некому, а когда, наконец, сворачивает, Анна бросает быстрый взгляд назад и мельком видит сквозь заднее стекло пятиэтажный дом, весь первый этаж которого занимает биржа труда, и вспоминает, как несколько дней назад там пытался «познакомиться» с ней Гордей, и страстно желает себе, чтобы этот ее взгляд на биржу оказался воистину прощальным. А впереди — нужная ей остановка, и она делает шаг к дверце, спускается ступенькой ниже, и как только автобус останавливается и дверца открывается, выпрыгивает на асфальт и бежит за пятиэтажки к виадуку, оббегая прохожих и чувствуя себя снова в полете, как тогда, во сне и сразу после сна, только облаков нет, ни вокруг, ни на небе — на небе сплошная синь, и ей кажется, что в ней-то, в этой сини, она и летит, стремительно вырастая из той маленькой в неимоверно большую и могучую, для которой уже и в помине не может быть никакого страха. Она успевала разглядеть всё перед собой, не столкнулась ни с кем из шагавших по виадуку, откуда видны были внизу рельсы, много серебряных нитей, загибающихся на черном полотне земли к зияющей распахнутыми воротами коробке депо по левую сторону, а справа, у зеленого здания вокзала видны были поезда, поезда...

В одном из них сидел Гордей. Он был один в пустом купе. Если бы в этот момент он вышел на перрон и поднял взгляд на виадук, то увидел бы, как Анна несется к нему — не с той стороны, откуда он ждал ее в зале ожидания, а с противоположной. Но на перрон сейчас выходили лишь немногие провожающие, проводница уже выгоняла их из вагона, полупу-

стого: на восток из этого города бежали немногие, в основном бежали на запад.

В эту минуту Анна влетела в здание вокзала и, остановившись посреди зала, посмотрела на табло над выходом на перрон к первому пути, увидела, на каком пути стоит *ее* поезд, и тут же метнулась вправо, к ведущей вниз каменной лестнице, успев услышать загремевший женский голос, извещавший, что этот поезд отправляется с четвертого пути. Она мчалась по прохладному подземному тоннелю, выскакивала на солнечный свет и бежала, дергая молнию сумочки и доставая билет, к *своему* вагону, и кричала проводнице, которая уже опускала железную площадку тамбура:

— Подождите! Пустите меня! Вот билет!

— Ну что ж вы, девушка, — недовольно сказала проводница, поднимая площадку. — Предусмотрительней надо быть!

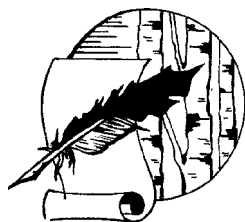
Поезд тронулся. Анна вскочила в тамбур. Проводница опустила площадку, закрыла дверь и сказала ей:

— Давайте билет. У вас... Так... Седьмое купе. Идите, билет будет у меня.

И ушла к себе. Анна чуть-чуть постояла, прислонясь к стенке тамбура, стараясь хоть немного отдышаться, и пошла по вагону к седьмому купе.

А Гордей смотрел в окно на уплывающий вокзал и не понимал, почему всё еще ждет *ее*. Он и представить не мог, какой гигантской волной нахлынет на него радость, когда через считанные мгновения она откроет дверь, запыхавшаяся, раскрасневшаяся, и победно выдохнет: «И все-таки я успела!»

г. Омск

Надежда КНЯЗЕВА

Надежда Валентиновна Князева родилась в деревне Байнево Валдайского района Новгородской области в семье учителя. Закончила Архангельский государственный педагогический институт. Более четверти века работала в Наводовской основной школе Шенкурского района Архангельской области. Автор пяти сборников стихов. Член Союза писателей России. В 2005 г. За сборник «Еще не вечер» была награждена премией им. Николая Рубцова Комитета по культуре администрации Архангельской области.

В БЕРЁЗОВОЙ ГЛУШИ

У ОТЧЕГО ДОМА

Вот он, дом, снизу доверху в мёртвом снегу,
Словно в саване плотном. И мёртвая тишь —
В огороде, и в тёмном вечернем лугу,
И на улочке, где ни следочка... И лишь
Снег горстями, как в детстве, бросает в лицо
Одичавшая здесь, на безлюдье, зима.
Я стою перед старым замшелым крыльцом
И молчу. А о чём — и не знаю сама.
Колкий северный ветер свечу загасил.
На снегу — горстка спичек, пустой коробок...
Ты прости меня, дом! Дай мне, Господи, сил
Разомкнуть обжигающий руки замок!..

ДЕД

Был суров. И только по субботам,
После бани, млеЛ:

— Налей, дружок!..
Не любил, когда калитку кто-то
Забывал закрыть на вертушок.
Не терпел рубашек без кармана:
«Перво дело для мужицких дел!»
А от лжи иль малого обмана
Даже трезвый попросту зверел.
Бабушку любил самозабвенно:
«В доме это главное — жена...»
Добрый был с ней, ласковым — наверно,
Знал, что и она ему верна.
Овдовев, хозяйства не нарушил.
Но, «за жизнь» беседуя с котом,
Изливал потерянную душу
Как-то обречённо...
А потом
Говорил, с трудом вдевая нитку
(Боже, удержи меня от слёз!):
— Все уйдём когда-то за калитку...
За реку... За этот свет берёз...
И ушёл за ней,
как та же нитка
За иглой, за день до Покрова.
Дождик сеял...
Хлопала калитка...
И с берёзы сыпалась листва...

ЗАБРОШЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

И архангельский дождик на меня моросил...
Н. Рубцов

Ни привета из дряхлых домов, ни ответа.
Глухо веет от мёртвого ставня тоской.
Как на кладбище, тихо. Лишь слышится где-то
Птичий крик за пустынной прозрачной рекой.
Ни души. Только даль за безбрежною далью,
Позабывшей, как выглядит он — человек.
А появится кто — так всё с той же печалью:
Дом крестами забить — и оставить навек.
Гнётся, ропщет, упрямится новенький гвоздик:
Жил здесь кто-то, творил, был обласкан и сыт.
А теперь лишь холодный архангельский дождик
С хмурых низких осенних небес моросит.

А весной закукует привычно кукушка,
Щедро бросит (кому?) сотню радостных лет.
И черёмуха снегом оденет опушку
И уронит на землю нетронутый цвет...

ЛЕСНАЯ ИЗБУШКА

Змеёй бежит речушка,
А сосны — хоть пиши!
И вот она, избушка
В таинственной глуши.
Просушенная ветром
И крытая доской,
В десятках километров
От жизни городской.
То в зелень трав обута,
То в чистый мягкий снег,
В час нужный даст кому-то
Спасительный ночлег.
Задымленные стены
И треск углей в тиши...
Какие перемены
Для загнанной души!
Она, теплом согрета,
Рвёт с миром грешным нить:
Не нужно быть поэтом —
Здесь можно просто быть.
Единственный светильник —
Две свечки. Ну и пусть!
Здесь не берёт мобильник,
Но не берёт и грусть.

ГРИБНАЯ ПОРА

Гроза пронеслась над столбами,
И в крыше — забытая течь.
Запахло в округе грибами:
Затоплена русская печь.
Впервые за тёплое лето
Дымочек поплыл из трубы.
Причина не в том, что нет света —
Причина важнее: грибы!
А запах!..

Забыл этот запах —
Полжизни, считай, потерял.
Дворняга на задние лапы
В порыве восторга привстал
И водит отчаянно носом,
Хвостом в возбуждении вьёт:
Был лес до сих пор под вопросом,
Теперь — спозаранку — вперёд!
И в бор, и в глухое болото...
Хоть кто-нибудь взял бы с собой!
Эй, люди, как жить-то охота!
И хвост — как дымок над трубой.

СТАРУХА

Живёт одна. Есть где-то дети взрослые,
И внуки есть. Все — сами по себе —
Там, в шумных городах. И зимы с вёснами
Летят без них... Но в старенькой избе
Бывали, как у всех, и встречи шумные,
И стол с вином под праздник.
А теперь
Она грустит одна ночами лунными,
Уже не запирая даже дверь.
Кого бояться? Не о чем печалиться:
Не скоплено ни денег, ни добра.
Ну разве кошка... Только кто позарится —
Беззуба стала тоже и стара...
Подходят в мае к дому воды шальные.
Ах, вёсны!.. Счёт потеряян им давно.
И вновь с утра её глаза поталые
Глядят часами долгими в окно...

МОИ СОСЕДИ

Сгустилась ночь, а за стеною
Запел подвыпивший сосед.
О, этот голос был со мною
В часы бессонниц двадцать лет!
Он душу рвал порой на части,
До поздних звёзд лишая сна.
Но полным стало это счастье,
Когда запела и жена.

Цвела сирень, мели метели,
С ума сводили соловьи.
А за стеной всё чаще пели
Под звон стаканов о любви.
И снова та же песнь незримо
Качалась пьяно в темноте...
А время шло неумолимо —
Моё и их — к одной черте.

ПЧЕЛА

Порой и осень дарит чудо:
В лучах последнего тепла
К цветку, едва жужжа (откуда?)
Спустилась поздняя пчела.
А на цветке искрился иней,
И листья холодом свело.
Но остров неба ярко-синий
Дарил пчеле своё тепло.
Сверкало солнце... Снова где-то
Темнели тучи вдалеке...
И провожала бабье лето
Пчела на плачущем цветке.

А ПОМНИШЬ?..

А помнишь, как звенела тишина
В пустых углах некрашеного дома,
Где были мы, ещё едва знакомы,
На «вы»? Темнела в сумерках стена,
И ходики стучали в такт сердцам,
Исправно счёт часам вела кукушка,
И кофе стыл в нелепых жёлтых кружках
На скатерти из кружев... И словам
Вдруг тесно, душно сделалось в груди,
Наполненной теплом шального лета.
— А знаешь, кофе хватит до рассвета!
Улыбка... голос... взгляд...
— Не уходи!

А помнишь, утра отблеск голубой
Проник в окно? И вновь желтели кружки,
И бил озноб от голоса кукушки,
И лаяли собаки вразной...

Я знаю — помнишь. Продан дом давно.
В нём выросли, увы, не наши дети.
Лишь тополь, тех далёких дней свидетель,
Плядит с печалью светлою в окно...

ЖИВУ В БЕРЁЗОВОЙ ГЛУШИ...

Живу в берёзовой глуши,
Где так условны жизни сроки,
И в сердце принятой тиши
Плету в венок привычный строки
О том, что мне с течением лет
Милее, радостней, дороже...
Здесь даже зябнувший рассвет
Плядит спокойнее и строже.
Как зыбкий пар из полыньи,
Дымочек теплится над крышей,
А звёзд далёкие огни
Мне с каждой новой ночью ближе.
И журавля приветный клич
Всё откровеннее, нежнее...

Как сложно это всё постичь!
(Хоть не постичь — ещё сложнее).
И даже если «Не пиши!»
Скажу себе в печали ложной,
Молчать в родной моей глуши
Невыносимо... Невозможно...

Пляжусь порою в гладь реки,
Как в зеркала (не всё равно ли?):
Когда рождаются стихи,
Уже не важно остальное...

ИЮЛЬСКОЕ

Когда дожди резвятся за окном,
Когда тускнеет домик на пригорке
И рвётся на куски дымочек горький,
А лунной ночью ясно, словно днём,
Стучится застарелая печаль
И топчется беспомощно у двери,

Уже в своё могущество не веря,
Теряя силы: ей, бедняге, жаль,
Что чаша жизни выпита до дна...

Так жаль чего-то сонной, вялой бабке,
Сидящей день-деньской на старой лавке
В тени берёзы. Помнит ли она
Счастливым блеск давно угасших глаз,
Любовь, и письма с фронта, и разруху?
Не весь же век она была старухой,
Самой себе не надобной сейчас!
Как знать... О том известно ей одной.
И дай ей Бог ещё немного света!
Поёт, звенит июль — макушка лета.
А дождь сегодня, кажется, грибной...

НЕОКОНЧЕННАЯ ИСТОРИЯ

Собой Иван гордился. И не зря:
Есть дом, жена, растут в заботе дети.
Всё в радость: и вечерняя заря,
И бодрый шаг по пашне на рассвете,
Мотора шум десятков лет подряд —
Подчас до звёзд над сонною рекою...

Вот только полный света синий взгляд
Лишил его в весенний день покоя.
С ума сходил, от голоса хмелел,
Смотрел, как на диковинную птицу.
Искал, придя с работы, новых дел,
Чтоб в мыслях о семье своей забыться.
Да где там! Даже в снах — одна она:
Не с мужем — с ним! В огне,
как мир наш, древнем —
В огне греха...

Но грянула война —
И разом словно вымерла деревня.
Приняв судьбу (воюйте, мужики!),
Смирились бабы с долею покорно.
В полях, в лугах — всё юбки да платки,
И с каждым новым днём —
всё больше чёрных.

Жизнь шла.

 То вишни пенились в садах,
То вьюга в зимних окнах пела звонко.
И разве только в нескольких домах
Не знали, что такое похоронка...

Иван вернулся в тихий летний день.

Глазам не верил,

 всё казалось — снится
И дом родной, и буйная сирень,
И детский смех...

 А сердце, словно птица,
Рвалось с безмолвным криком из груди,
Готовое рассыпаться на части.
Двум женщинам сказал когда-то: «Жди!»
И вот — вернулся, к счастью.

 Иль к несчастью?..

...В рассветный час тумана полоса

Окутала родимую сторонку.

И снились победителю глаза

Соседки, получившей похоронку...

НА ДЕРЕВЕНСКОМ ПРАЗДНИКЕ

Не весел нынче праздник в городах,

Где круг гостей изысканный и узкий.

Иное дело — праздник в деревнях:

Разгульно, беззастенчиво — по-русски!

Люблю, когда под низким потолком

Всеобщий разговор легко струится.

Люблю, когда, немного под хмельком,

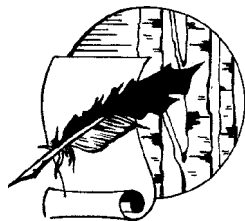
Пойдут плясать по плахам-половицам.

И кто-то (эх, была иль не была!),

Метнув на девок взгляд призывно-синий,

Споёт, схватив гармошку со стола,

Чистейшим, звонким голосом России.

Татьяна ПАРСАНОВА

НАДО ЖИТЬ...

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

И снова мир раскрасила весна,
Смывая напрочь зимние печали.
Солдат с утра начистил ордена —
Аж зайчики по стенам заскакали.

Чуть-чуть пилотку сдвинул набекрень,
Рукой расправил гимнастерку сзади...
Уж сколько лет он этот майский день
Встречает так: при полном при параде.

Любовь сияла ярче во сто крат,
В одно соединив три поколения.
Не зря сегодня празднует Солдат
Победы день. И внука день рождение.

Шагнул Солдат, взволнованный слегка,
Туда, где город затопляя светом,
Текла река бессмертного полка.
И гордый внук шагал с его портретом.

И вновь Солдат увидел — жаркий бой...
Хранящуюся в памяти гравюру:
Где без раздумий он закрыл собой
Плюющую смертью амбразуру.

Как впился в грудь расплавленный металл...
Как в травы утекло живое что-то,
Когда Солдат впервые осознал
Всю хрупкость жизни с высоты полета.

И с тихой грустью вспомнилось опять
Какой ценой оплачена победа.

Сегодня внуку ровно сорок пять.
В два раза ровно стал он старше деда.

* * *

Чем пахнет ежевичное варенье?
Немного сладким и чуть-чуть горчинкой.
Звонящим солнцем, летним настроением,
И в ночь манящей теплою тропинкой.
Веселым, бесшабашным, звонким громом
Варенье пахнет. Яркими цветами,
Деревней пахнет, бабушкиным домом,
Укрытых белым облаком садами.
Весеннюю поляной с лохмачами,
Любовью первой пахнет ежевика,
Испачканными пенкою губами,
И счастьем, распирающим до крика...

* * *

Весны гигантское цунами,
Как щепку, смыло мой покой.
Опять я в ссоре с зеркалами
И в несогласии с собой.

Опять от доводов рассудка
Сбегает легконогий сон.
Но... сердце обнаженно-чутко
Пьёт соловьиный перезвон.

И май оттенком лазурита
Небесный красит окоём.
И прошлогодние обиды
Смывает солнечным дождём.

* * *

В альбомах пожелтевших — лица.
Да сполохи нечастых снов...
Простить — синонимом проститься.
Сюжет не нов.

Икон безмолвных лики строги.
Ах, время... Повернуть бы вспять.
К истоку пройденной дороги
Прильнуть опять.

В ладошках мамы отогреться,
Не помня горький вкус беды.
С колодца, розового детства
Испить воды.

Забывать, что слёзы бесполезны,
Когда любви тончает нить,
И мир летит куда-то в бездну...
Но надо жить...

* * *

Дождь холодный частоколом
Непролазным на пути.
Впрочем — будем о веселом.
Ты, мой мальчик, не грусти...

Хочешь, снова, как когда-то,
Напишу тебе письмо:
Как, расщедриваясь, — злато
Сыплет солнышко в окно.

Как зовет неодолимо
Ива в тень своих ветвей.
Как поёт своей любимой
Серенады соловей.

Напишу тебе, как в мае
Расцветают лохмачи.
Как луна в реке купает
Серебристые лучи.

Как ерошит, налетая,
Вишни ветер-хулиган...
Напишу, что я не знаю
Про Саланг... И про Афган...

И не знаю, что солдата
Нарекут — «двухсотый груз».
Напишу, что верю свято
В обещанье — «Я вернусь»...

Дождь руками неба вышит
Легкой рябью по плащу...
Улыбнись, мой мальчик, слышишь! —
Я сегодня не грущу..

* * *

Посветлела ночь в оконной раме.
Рвался сон, как тоненькая нить.
Захотелось вдруг прижаться к маме,
Просто, ни о чём, поговорить...

Зашуршали памяти страницы,
Всполоша текучих мыслей гладь.
Захотелось к маме прислониться,
Чтоб о чём-то вместе помолчать...

Зимний день вступал в права лениво,
Солнцу — тучей сонно тёр глаза.
Пряталась в подушку торопливо
По щеке сбежавшая слеза.

* * *

Не цветами — лебедой
Зарастает поле.
Стала я твоей бедой,
Милый, поневоле.

Неба ситец голубой
Насурмился грозно.
Ах, зачем же мы с тобой
Встретились так поздно.

Мыслей горьких остриё —
Никуда не деться.
Спрячу имя я твоё
В тайничок под сердце.

Сыплет густо на лицо
Мне слезинки лето.
А на пальчик мой кольцо
Не тобой надето...

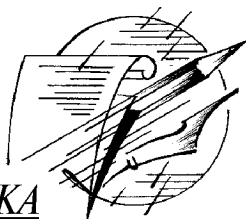
г. Наро-Фоминск

ПОД ШИРМОЙ ПАНДЕМИИ

Управление через страх

Биологи, отвечая на вопросы бытия, будут склонять нас к мысли о том, что всё в жизни человека определяется его неосознаваемыми животными инстинктами (врожденными поведенческими реакциями), среди которых важнейшими являются инстинкт доминирования, тесно связанный с сексуальным инстинктом и инстинктом заботы о потомстве, инстинкт утоления жажды и голода, который в стае трансформируется в потребность «справедливого» (с учетом рангов, сложившихся среди животных) распределения жизненных благ, и который тесно связан с потребностью отдельной особи и коллектива особей в защите от неблагоприятных условий окружающей среды (инстинктом самосохранения).

Биологи также скажут, что материнский инстинкт женской особи, выраженный в потребности делиться пищей и заботой со своим ребенком, долгим путем естественного отбора привел к развитию у приматов лобной области мозга, которая в какой-то момент стала использоваться отдельными особями для творческого самовыражения, и началась, собственно, история «креативного» человеческого рода.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Вдумчивая социология будет подводить нас к мысли о том, что на базе врожденных поведенческих реакций возникли базовые потребности человека, среди которых имеются как чисто биологически мотивированные (потребность в утолении голода и жажды, потребность в безопасности, половом размножении и пр.), так и детерминированные социальной природой человека (потребности человека в собственности, свободе, самовыражении и т.д.).

Так неужели всё, в конечном счете, определяется животной природой человека, либо ее социальными производными?! А как же «нравственный закон внутри нас», чувство Бога, потребность в любви и творческих возвышенных проявлениях?! Какими животными импульсами могут быть объяснены борьба человека за добро и справедливость, его бескорыстное служение своим ближним?!

Надо сказать, что и здесь биология и социология находят логичные объяснения «высшим проявлениям человеческой психики», объясняя такие проявления, по сути, «искажением и извращением» первоначальных животных инстинктов!

Ранее религия (аскетическим ограничением) и искусство (эстетическим усложнением) шли по пути возвышения творческих проявлений человеческого сознания. Современная наука настраивает себя на поиск первоначальных животных инстинктов, лежащих в основе этого сознания. Делается это с понятной целью, поскольку в основе любого инстинкта лежит страх потери, — ранга в обществе, жизни и здоровья, собственности, пищи и прочего, а ведь только через страх умалается свобода человека, и им становится легче всего манипулировать, то есть — управлять!

Поколение, воспитанное русской культурной традицией, включая советский ее период, возразит и скажет, что есть и иной путь! Это путь воспитания человека и общества в целом! Путь долгий, лежащий через многие препятствия. Путь, который можно совершить, только если в твоей душе есть любовь, — к Богу, к человеку, к Отечеству, к своему делу.. Поколения же, «оформленные» постмодернистским глумливым угаром, привыкшие всё и вся проверять прагматикой удовольствий, наличием сексуального подтекста, даже такие «пафосные» слова постесняются публично произносить.

Отвечая современному культурному запросу, управляющие элиты перестают использовать воспитание человека как метод улучшения общественных отношений, управленческие воздействия на общество упрощаются до уровня манипуляции базовыми потребностями человека, его страхами! Человек, разумный и творческий, сознательно свергается с пьедестала эволюции, его сознание низводится до уровня животных инстинктов!

Мы это регулярно видим: сначала управляющей элитой вбрасывается ситуация, грозящая потерей чего-то важного для современного человека (потерей жизни и здоровья, имущества, удовольствий и т.п.), которая раскручивается СМИ и телеболтунами до уровня паники, а далее обществу предлагается «единственно возможный» способ избавления от предьявленной опасности, пусть даже умаляющий права и свободы...

Манифест к человечеству

Именно по этой схеме («вброс страха — предложение безальтернативного решения проблемы») построена статья давнего Генри Киссинджера «The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order» («Пандемия коронавируса навсегда останется после мирового порядка»), опубликованная в «Wall Street Journal» 3 апреля 2020 года. Степень влияния этого человека на мировую политику очень сложно оценить (тут мы прикасаемся к политическим небожителем!), поэтому научно и политическое сообщества предпочли ограничиться либо дежурными ссылками на то, что «гегемония США впредь не пройдет», либо постарались вообще не заметить слов Киссинджера. Между тем, по степени присутствия в статье смыслов с двойным дном, а равно ультимативных заявлений «для стран и народов», текст воспринимается не иначе как в качестве своеобразного манифеста скрытых могущественных сил, который обращен к мировому сообществу.

Прежде всего привлекает внимание то обстоятельство, что ситуация вокруг коронавируса автором статьи преподносится в красках глобального военного противостояния, в ходе которого наносятся «мощные опустошительные удары» по территориям, экономикам, народам. Информированный Генри Киссинджер связывает такое противостояние с давно наметившимися противоречиями между двумя элитными группами в Соединенных Штатах: националистами-ортодоксами (обозначены в статье как приверженцы стратегии «Город-крепость во главе с мудрым и сильным Правителем») и глобалистами-либералами (сторонниками построения «Нового Цифрового Мирового Порядка»). Между строк читается обеспокоенность автора в том, что гибридные информационные и биологические «опустошающие удары» усиливают «разделенность» правящих элит страны, которую в дальнейшем будет крайне сложно преодолеть! «А всем бы сесть и договориться об условиях концессии на строительство этого «Нового Дивного Мира»!

Убеждая нынешнее руководство США отказаться от линии на построение самодостаточного национально-ориенти-

рованного экономического кластера, естественно, вкупе с самостоятельным проектом продвижения «Грядущего Глобального Лидера» (возможно даже отговаривая Трампа от притязаний стать «тестем Мошиаха»), Генри Киссинджер фиксирует следующую мысль: «Ни одна страна, даже США, не сможет с помощью исключительно национальных усилий победить вирус»!

Между прочим, это ультиматум Трампу! Для того, чтобы согласиться с подобным тезисом, достаточно вспомнить, что в ноябре 2015 года группой исследователей в журнале Nature Medicine была опубликована научная статья о созданном ими гибридном вирусе, в котором 80% генома составлял корона-вирус SARS-CoV, вызвавший вспышку атипичной пневмонии, и 20% генома составлял коронавирус, биологическим резервуаром которого являются летучие мыши. Исследователи в своей научной статье отчитывались, что гибридный вирус активно проникает в клетки человека, размножаясь с высоким титром, против него на дату публикации не имелось ни одного лекарственного «противоядия». Данная группа исследователей финансировалась частными инвесторами, располагала колоссальными финансовыми и научными ресурсами, при этом значительная часть работ по созданию гибридного вируса могла быть выполнена в лабораториях, которые находятся за пределами Соединенных Штатов (фактически размещены вокруг границ России, в том числе располагаются на территории Грузии, Украины, Казахстана, Китая).

Опираясь на факт подобной научной публикации, следует признать, что до нынешнего американского руководства Генри Киссинджер доводит простую мысль о том, что определенные научные и политические группы располагают необходимыми разработками для осуществления биологических атак на любой территории и в любом количестве, а уровень данных разработок таков, что научное сообщество Целых Соединенных Штатов Америки слишком долго не будет иметь подходов в борьбе со смертельным вирусом! Поэтому рано или поздно придется обсуждать условия капитуляции национально-ориентированной политики Трампа! И лучше это делать уже сейчас — до распада глобальной экономики и государственных институтов США!

Что же по Генри Киссинджеру должно последовать вслед за «капитуляцией Трампа»? Во-первых, это «совместные усилия всего мира, имеющие программу», при том, что «изменится отношение к социальным институтам многих стран, оказавшихся недееспособными». Переводим: эти страны полностью потеряют суверенитет и, возможно, перестанут

рассматриваться в качестве государств, они полностью подчинятся проводникам Нового Цифрового Мирового Порядка!

Во-вторых, цитируем автора: «Нынешний экономический кризис более сложен: схлопывание, вызванное коронавирусом, по своей скорости и глобальному масштабу не похоже ни на что известное в истории... Необходимые меры общественного здравоохранения, такие как социальное дистанцирование и закрытие школ и предприятий, усугубляют экономические проблемы», поэтому требуются «программы, направленные на смягчение последствий надвигающегося хаоса для наиболее уязвимых слоев населения мира». Переводим: выхода из «коронавирусного кризиса», «процесса схлопывания мировой экономики» — не предвидится в ближайшей перспективе, поэтому загнанное в **социальную изоляцию** (буквально: по своим конурам) население должно быть обеспечено «базовым прожиточным доходом», чтоб не умереть от голода и дожить до смерти по «естественным причинам». При этом вполне очевидно, что дальнейшее наше право на жизнь определено наличием или отсутствием у нас «базового прожиточного дохода» и, по большому счету, зависит не от нашего труда и креативных способностей, но от нашей лояльности и полностью находится в руках «Распределителей Оцифрованных Благ»!

Генри Киссинджер выступает за «необходимость разработать новые методы и технологии для инфекционного контроля и создания вакцин для больших групп населения». Переводим: речь, несомненно, идет о тотальном цифровом контроле за каждым из нас, поскольку как иначе (без контроля наших биометрических данных) можно контролировать присутствующие в нас инфекции? Каждый из нас подлежит вакцинации в плановом порядке, поскольку если эти вакцины будут планово созданы, они будут планово применяться в отношении каждого из нас (то есть в принудительном порядке). Цель подобного вакцинирования не очевидна! При том, что создание вакцин по законам функционирования фармацевтической промышленности неминуемо окажется в руках самих создателей гибридных вирусов (ведь они лучше всех владеют соответствующим предметом научного знания).

В-третьих, Генри Киссинджер защищает принципы либерального мирового порядка. Он говорит о том, что «в основании современного управления лежит представление о городе-крепости под защитой могущественных правителей, иногда деспотичных, иногда доброжелательных, но всегда достаточно сильных, чтобы уберечь граждан от внешнего врага». Однако, по Киссинджеру, «философы эпохи Просвещения переосмыслили эту концепцию, заявив, что целью легитим-

ного государства является обеспечение основных потребностей людей: безопасности, порядка, экономического благополучия и справедливости», но «люди не могут обеспечить этого для себя самостоятельно!» Киссинджер говорит: «Демократии мира должны защищать и поддерживать ценности Просвещения». Он констатирует: «Всеобщее нарушение баланса между властью и легитимностью приведет к распаду общественного договора как внутри страны, так и на международном уровне. И всё же этот тысячелетний вопрос легитимности и власти не может быть решен одновременно с борьбой по преодолению чумного COVID-19». Это ключевая мысль господина Киссинджера! Поучимся у великих, и попробуем разобраться, что же он здесь сказал.

Легитимность власти — это согласие народа с действиями власти, добровольное признание за ней права принимать обязательные для функционирования государства решения, формализованное либо демократической процедурой выборов представителей власти, либо сословно-религиозным консенсусом. При этом чем ниже уровень легитимности власти (чем выше уровень непонимания ее действий и недоверия к ней), тем более она (власть) вынуждена опираться на институты силового принуждения.

Говоря о «нарушении баланса между властью и легитимностью», Киссинджер, похоже, настаивает на том, что ситуация с COVID-19 развязывает руки элитным группам: власти больше не нужна легитимность в глазах населения. Поскольку основные потребности человека (безопасность, порядок, экономическое благополучие и справедливость) население не способно обеспечить для себя самостоятельно, оно будет подчиняться любым действиям власти, которые обеспечивают потребности населения. Население лишается ранее декларированных демократических прав и свобод, «глас народа» больше не учитывается в отношениях с властью!

Теперь над лишением права голоса населением возможны любые социальные эксперименты, которым люди будут безропотно подчиняться, ибо, по Киссинджеру, «общественный договор власти и населения распался» и демократические выборные предрассудки эту власть больше не сдерживают. В вопросах управления государством население впредь не является миноритарным партнером власти, но является нахлебником, целесообразность дальнейшего существования которого под большим вопросом.

Поэтому Киссинджер говорит не о правах населения, обусловленных общественным договором с властью, но об основных потребностях населения. Сводя такие потребности ис-

ключительно к биологически мотивированным, Генри Киссинджер не говорит о таких запросах человеческой личности, как свобода воли, свобода самовыражения (свобода творчества), свобода совести (свобода формировать свои убеждения) и вероисповедания. Киссинджер не говорит также о праве личности на развитие присущих ей способностей и соответствующей обязанности власти (государства) обеспечивать условия для всестороннего развития человека, его воспитания, образования, права на труд. По Киссинджеру, свобода воли, свобода самовыражения, свобода совести и вероисповедания, которые делают человека подобным образу Творца, поднимают сознание человека над животным миром, — эти свободы более не являются ценностями вновь выстраиваемой глобальной государственности!

Между тем, призывы к лишению населения права голоса в отношениях с властью, низведение человека до уровня животных инстинктов — в социальном их изводе, призывы к установлению над обществом и личностью тотального цифрового контроля — все это заставляет сомневаться в том, что стоящие за Киссинджером силы зовут человечество к «миру растущего процветания и человеческого достоинства». Очевидно, что такое «процветание» приведет к укоренению различий между человеческими стратами, созданию жесткой кастовой системы, последовательному социальному и биологическому террору в отношении представителей низших каст («людей количества») — через вирусное подавление иммунитета человека, коллективного иммунитета больших групп населения (средством этнического, возрастного, кастового «прицеливания» вирусными атаками) и одновременно приведет к биологической (видовой) деградации и вырождению представителей правящих каст («людей качества»).

Концептуальные недомолвки автора

Давайте вернемся к концепции Генри Киссинджера: «Город-крепость под защитой могущественного и просвещенного Правителя», «переосмысленной в эпоху Просвещения концепции легитимного государства, служащего обеспечению потребностей людей в безопасности, порядке, экономическом благополучии и справедливости».

Как следует из текста, Киссинджер настаивает на необходимости принять означенную «концепцию легитимного государства», выстраивая последнюю на пути глобального цифрового объединения национальных государств («городов-крепостей»).

Очень похоже, что здесь Киссинджер отсылает нас к дантовской концепции «Всемирной Просвещенной Монархии», которая, во-первых, должна быть основана на «установлении непосредственной связи каждого человека на земле со Всемирным Монархом». Во-вторых, потребует включения всех существующих отдельных королевств и вольных городов во всемирное государство. В-третьих, все малые правители этих королевств и городов превращаются в слуг не монарха, но народа, при этом в этих королевствах и городах искореняется какая-либо феодальная зависимость (Данте Алигьери, «Монархия»).

В дантовской концепции «Всемирный Просвещенный Монарх» неподотчетен народам, королевствам и городам, включенным в его «Всемирную Монархию». Власть «Всемирного Монарха» не зависит от демократических процедур (от воли народа). При этом он предстает перед нами Царем-Жрецом, который способен установить «непосредственную связь с каждым своим подданным», с помощью которой Великий Монарх, очевидно, может устанавливать предпочтения своих подданных, определять их выбор, может осуществлять свои управляющие воздействия.

В то же самое время, малые правители королевств и городов, составляющих всемирное государство, не имеют подобной полноты власти над народами. Напротив, это они служат народам, которыми формально управляют, и, следовательно, подчиняются власти демократических процедур. Современным языком мы назвали бы таких правителей «выборными слугами народа», «наемными менеджерами». Зыбкость их власти такова, что им проще делать видимость эффективного управления своими королевствами и городами, на деле же в первую очередь, обеспечивая своекорыстные интересы.

Их власть не абсолютна, она зависит от мимолетной перемены в настроениях народа. При этом они не обладают стратегической глубиной в управлении государством, а решают свои тактические политические задачи в пределах выборных каденций. Над народами и их малыми правителями возвышается власть «Всемирного Монарха», которому подвластны все люди и вещи, который вершит свой суд, является единственным настоящим источником всех социальных добродетелей (мира, благоденствия, справедливости)!

Неужели это не созвучно нашему времени?! Так же и наши правители «королевств и городов», ослабленные демократическими предрассудками, далеко не всегда в состоянии противостоять манипулятивным воздействиям, стратегические планы которых вытекают едва ли не из концепций эпохи Просвещения.

Нельзя обманываться в том, что нынешний призыв Киссинджера — устранить легитимность из отношений власти и населения — вроде как обращен к нашим малым правителям «королевств и городов». Исполняемая этими малыми правителями задача абсолютно не сводится к усилению их личной власти. Напротив, они должны стать проводниками «Нового Мирового Цифрового Порядка», цифровыми технологиями забрать остатки народовластия из рук населения и, ослабляя национальный суверенитет, передать контроль над ним в руки «Всемирному Цифровому Монарху».

В эпоху Данте Алигьери возможность установления «Всемирным Монархом» непосредственной связи с каждым из своих подданных была неочевидной! Но, как мы видим, всё меняется с развитием цифровых технологий. На наших глазах в общественное сознание последовательно продвигаются идеи «цифровизации». И если вначале «цифровизация» вторгалась только в сферу экономики и налогов, то теперь разговор идет о контроле доходов домохозяйств. «Цифровизация» влезает в бюджеты наших семей. Власть работает над созданием глобального ресурса, посредством которого намеревается узнать, какие доходы и на каких основаниях получает каждое домохозяйство (каждая простая российская семья). Нам разъясняют, что это делается для оказания адресной социальной помощи. Но ведь сведения будут собираться не только в отношении представителей незащищенных слоев населения (инвалидов, пожилых, многодетных и т.п.), досе будет собираться на каждого гражданина.

Сбор сведений будет производиться не в заявительном порядке, но в порядке навязывания соответствующей «государственной услуги», зачастую помимо сознательной воли гражданина. Власть с неочевидными целями собирается влезть в карман каждого россиянина, проверить, какие у него имеются доходы (расходы), какое есть имущество, каков состав семьи и т.д., и т.п.

Маневры власти вокруг «оцифровки» личных данных граждан заставляют теряться в догадках: может быть, власть решила далее не развивать производство в нашей стране, не создавать новые рабочие места, не внедрять «природоподобные технологии», таким образом повышая доходы домохозяйств, а решила перейти к выплатам не востребуемому населению «базового прожиточного дохода»? Почему именно сейчас власти потребовалось собрать обширное досе на граждан? Не приведет ли сбор такого досе к умалению прав и свобод граждан? Почему действия власти не обсуждаются с обществом? В вопросах «цифровизации» личной сферы че-

ловека народ по-прежнему имеет «право голоса» в отношениях с властью, или такого право у нас уже нет? Все эти вопросы остаются без ответа.

Тем временем в Государственной думе уже принят закон о единой информационной системе данных о населении — регистре, который отследит все этапы жизни гражданина от рождения до смерти. Сведения о доходах и налоговых поступлениях граждан в данном регистре учитываться вроде как не должны, но то обстоятельство, что держателем информационного регистра будет Федеральная налоговая служба (а не ЗАГС), не оставляет сомнений в том, что сведения о гражданине в конечном счете будут объединены с данными о его доходах, его имуществе, неуплаченных им налогах.

Но ведь именно о подобных методах и технологиях контроля за человеком говорит в своей статье Киссинджер! Просто он идет еще дальше и подводит нас к мысли о том, что сведения о человеке, его доходах и налогах постепенно должны быть объединены со сведениями о его «инфекционном статусе», «получении человеком вакцин», «базовом доходе», и эти сведения целесообразно будет включать в глобальные базы данных.

Стратегия конспирологических структур, стоящих за Генри Киссинджером, явно направлена на последовательное объединение национальных информационных ресурсов во всемирное «Цифровое Государство», в необходимости которого нас так долго убеждали российские мытари и ростовщики.

И российских «цифровизаторов», собравших обширное цифровое досье на граждан России, однажды попросят дать ключи доступа к собранным базам данных, тогда и они сами, и дети их, и имущество станут прозрачными для той незримой силы, в распоряжении которой будут все необходимые рычаги управления человеческой волей.

Понимают ли правители Государства Российского, что государственный суверенитет проще всего потерять, играя на поле хозяев «Больших Данных», позволяя «цифровизации» из сферы управления экономическими процессами вторгаться в личную сферу человека? Понимают ли они, что однажды у власти может возникнуть необходимость опереться на российский народ, а такого народа уже не будет, а будет затравленное бедностью и «цифровыми репрессиями» население? Понимают ли? Думаю, что пришло время для подобных вопросов.

РИА «Катюша»

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

РАССКАЗ

— Подкати меня к окну, — Ольга Сергеевна смотрела на мужа, Игоря Ивановича, бородатого, шелковисто-беловолосого, с молодым румянцем на щеках. Всем хорош! Жаль только, фигура немного оплыла от вечного сидения за письменным столом. Бугры мышц как в прежние времена не выпирают из-под футболки. — Ты давно не занимаешься гириями? — зачем-то спросила и осеклась: какие теперь гири? Вместо них муж носит её, болящую.

— Хочешь посмотреть на лужи? — через паузу произнёс он и двинул коляску к окну. — Наверно, на всю ночь зарядил дождичек.

— ...Не уходи, — она взяла его руку. — Славик говорил тебе про свою девушку? — Ещё один вопрос повис в воздухе, кажется, они разговаривали, не слыша друг друга.

— Тебе удобно?

Она кивнула и ждала, когда же муж заговорит о сыне.

— Думаю, рано он... Не время сейчас, — наконец произнёс Игорь Иванович.

— Не время — из-за меня? — она выпустила его руку, тронула край

ПРОЗА

оконной занавески, чуть помедлила и снова обернулась к мужу. — А ты разве не знаешь, сколько времени мне осталось? Хочешь, чтобы случилось после?

— Олюшка, ну зачем так? Ты поправишься! Славка внуков нарожает.

— Рожают невестки. Как её зовут? — она опять коснулась занавески.

— Таня.

— Татьяна — русская душою... Вот и давай думать о свадьбе... Зима впереди, а все Тани любят зиму. Славка звонил?

— Какой там, он на свидании, ему не до нас.

Игорь Иванович невольно вздохнул и пошаркал к дивану. Впереди снова пустой вечер. Больная жена не даст ни работать, ни отдохнуть. Он научился держать своё сердце «крепко», как говорила соседка по площадке, неугомонная баба Дуся. Но сегодня теребил сумерки осенний дождь, и на душе было особенно стыло.

— Как ты думаешь... Татьяна действительно любит нашего сына? — изображала улыбку Ольга Сергеевна.

«Зачем же она так улыбается?» — удручённо думал он, взглянув на жену. Опустил голову: перед глазами расплывались яркими пятнами узоры синтетического паласа, купленного ещё в эпоху дефицитов. Ольга так радовалась тогда, что вместо протёртого шерстяного ковра — огромный, похожий на цветочную поляну искрящийся скрипучий палас. По истечении десятка лет сородичи весёленького паласа, в большинстве случаев, перекочевали на дачи и мусорки. Будь Ольга на ногах, и этому бы не удержаться в квартире, но... К тому же и дача стоит заброшенной.

— С нами будут жить молодые — и всё здесь изменится, — раздумчиво произнёс Игорь Иванович.

— Значит, согласен на свадьбу? Как быстро ты меняешь своё мнение.

— Разве мы спрашивали своих родителей, когда собирались пожениться? — он говорил и сам удивлялся тому, как легко и бездумно срываются с губ слова. Пустые, никому не нужные, они заполняют комнату. В то время как недописанный доклад на тему «Психологический портрет власти в России начала третьего тысячелетия» томится в кабинете, и вот уже который вечер Игорь Иванович не может подойти к письменному столу, потому что ему мешает присутствие жены. Войди в кабинет — и она захочет сидеть в своей коляске с ним рядом. Раньше он умел работать возле её постели, но последнее время стало совсем неважно. Сколько же не написано, не сделано! Ощущение расслабленной пустоты будто напало всё вокруг, заполнило квартиру до потолка.

— ...А может, мне тоже начать писать? — спросила Ольга.

Он чуть повёл бровью, хмыкнул нечто неопределённое.

— Говорят, творчество очень полезно для инвалидов... — продолжила жена. В юности я, между прочим, сочиняла стихи и даже читала... кажется, на втором курсе института, на литературном вечере. Но не призналась, что стихи мои. Просто, мол, понравились... Мы тогда спорили о текстах Гребенщикова. Помнишь, как все сходили по нему с ума? А я сразу поняла — пу-сто-та этот ваш Гребенщиков. Ты, кстати, со мною спорил! Тебе нравилось:

*Мы до сих пор поём, хотя я не уверен,
Хочу ли я что-то сказать...
В игре наверняка что-то не так;
В этой игре наверняка что-то не так. —*

пропела она. — Скажи на милость, что тут от поэзии, музыки и вообще от здравого смысла?

Игорь Иванович привык к её умению быстро переключаться с одного на другое, словно она постоянно мыслила параллельно. Хотя поначалу раздражался и даже ссорился: казалось, жена только создаёт видимость своего присутствия, участия в разговоре, а думает о другом. Сейчас же он обрадовался признанию:

— Ты писала стихи? И посвящения были?

— Странный вопрос... Я надеялась, ты скажешь — прочти.

— Неужели помнишь?

— Память в отличии от моих конечностей меня ещё не подводила. Всё впереди. Конечно, стихи о любви. Хотя, честно тебе скажу, мне хотелось и о дружбе написать. Не получалось.

*...О тебе и молчу, и пою.
Лунным светом открою дверь
И задену лишь тень твою,
И поправлю твою постель...*

— Постель? На втором курсе института? А я-то, дурак наивный, верил в девичью чистоту!

Игорь Иванович упёрся ладонями в колени, помедлил и встал с дивана. Прошёлся по комнате. Она следила за ним.

— Ты ещё способен меня ревновать? — произнесла Ольга Сергеевна удивлённо.

— Я способен, — послушно кивнул он и вместо того, чтобы поскорей закончить разговор, взял нарочито бой-

кий тон. — Все знают — на первых курсах института ты любила Сиволапого! Но чтобы «поправлю твою постель», то есть его постель... Он сделал выразительную паузу и снова открыл рот, надеясь покрепче отщутиться, но она не дала ему говорить:

*— О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!*

*Пускай дыханье ветерка
Шевелит травой,
Свирель поёт издалека,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..*

Помнишь? Мы с тобой вместе читали Тютчева... Игорь, я хочу увидеть свадьбу сына и умереть. Молчи! Ничего странного в этом нет. Это самая обыкновенная жизнь. И самая обыкновенная смерть...

«Она говорит о смерти... — думал Игорь Иванович. — И уже не боится этого. Для неё страшнее — быть ненужной...»

— Игорь, я хочу порыться в справочниках... Я порой мешаю тебе работать, я знаю. И потому решила заняться делом. Ты слышишь?.. Я пишу для тебя. Потому что хочу быть интересной и полезной... пока могу. Пожалуйста, отвези меня в кабинет...

Игорь Иванович плохо понял сказанное женой, но поспешно кивнул и покорно двинул коляску к двери кабинета.

— Когда ты будешь отдыхать от своей статьи, я стану рассказывать тебе... знаешь, о чём? — Ольга Сергеевна смотрела на него в упор, словно пыталась прочесть тайные мысли.

Он не поддержал предложенную игру, опустил глаза.

— Помнишь, мы с тобой любили романс «Хризантемы»? И ты говорил, что автор практически неизвестен. А ведь он — гениальный композитор! Помнишь? Так вот я нашла сведения о нём! Может быть, и Славику это будет интересно... А то он запомнит мать как существо болезненное и ни к чему не годное.

— Оля, прекрати! Прекрати ёрничать, наконец! Славку пожалей!

«Зачем она опять говорит о своей ненужности? — думал Игорь Иванович, лёжа на жёстком диване, что стоял в углу его кабинета. Теперь он часто оставался здесь на ночь, а суп-

ружеская спальня стала комнатой жены. — Разве можно вот так просто... вслух произносить?.. Неужели она думает, что у меня нет сердца, и оно не сжимается от её слов? И что ответить ей?.. Язык деревенеет — слова фальшивые получаются... Как же я устал!»

Заснуть не удавалось, и когда в передней стукнула дверь, Игорь Иванович обрадовался приходу сына. Жмурясь от света, в тапках на босу ногу он через короткое время вышел в кухню, где наследник уже ставил сосиски в микроволновку. В предвкушении ужина движения его были быстрыми и точными. И весь он словно светился от накопленной внутри энергии, от полноты жизни, от молодости и счастья: глаза сияют, волосы растрёпаны так, будто их только что коснулась женская рука, на губах улыбка.

Игорю Ивановичу было приятно смотреть на сына. Славку они с женой родили ещё студентами. И ребёнок получился — пригож да умён, всем на радость и удивление! Солнышко, а не ребёнок. Они потом так и не смогли родить второго, потому что, как говорила жена, лучше уже не бывает. Славик учился в двух школах на «отлично». В музыкалку пошёл по собственному желанию, да ещё в класс скрипки. Занимался инструментом каждый день по часу, ни больше, ни меньше. А вот за учебником любимой химии времени не считал. К пятёркам по этому предмету прибавились грамоты за победы в школьных, районных и городских олимпиадах. Но после окончания школы сын поступил не на химический факультет университета, как ожидали и учителя, и родители, а в медицинский. Возможно, болезнь матери повлияла на его выбор.

Игорь Иванович сидел с ним на кухне, слушал какую-то чепуху, которой развлекал его Славик, прихлёбывал жидкий чай, и больше всего ему хотелось, чтобы не кончался этот поздний ужин, не гас светильник в углу и вот так вкусно пахло горчицей и сосисками.

— Знаешь, со следующей недели у меня практика в стационаре, — посерьёзней сын.

— В какой больнице? — в тон ему спросил Игорь Иванович.

— «Скорой помощи». Как раз близко к дому, сам понимаешь...

Игорь Иванович кивнул. Помолчал и вспомнил:

— А наша мама сегодня объявила, что начала писать книгу о малоизвестном композиторе. Надеется, что это будет интересно и тебе, и мне, — он улыбнулся краешками губ.

— Мне? Конечно, интересно. Главное — пусть пишет!

— Я тоже так думаю, сынок...

Отец и сын будто прочитали мысли друг друга.

Славик медленно отодвинул пустую тарелку, поднял глаза на отца:

— А у меня сегодня знакомство приключилось, — сказал так, будто подбирал незнакомые слова.

Игорь Иванович приготовился слушать, откинулся на спинку стула.

— Старик один... в поликлинику приходил.

— Точно старик? Мой ровесник, наверное?

— Нет, па, не напрягайся. На самом деле — старый человек.

Я с утра к Танюше забегал, она сейчас подрабатывает, медсестру подменяет у хирурга. Хотел ей сюрприз сделать, а Танюшку отправили срочно санитарную книжку оформлять. Хирург меня уже знает — вот и взмолился: «Посиди, хоть с карточками поможешь». «Ну, думаю, так и быть, посижу часа два, для практики». Только мы начали приём — врача вызвали к началству, понедельник же, коллектив пред ясны очи явиться должен. А в кабинет старик ломится. Я ему объясняю — он ни в какую. «Снимите мне швы, — кричит, — срочно!»

— Что, орёт прямо? — шевельнулся Игорь Иванович.

Сын покачал головой:

— Это я так, для ясности картины. На самом деле старичок из разряда одуванчиков — беленький, опрятный. Но потому и настойчивость его неожиданной была. Я, наконец, усадил его, расспрашиваю. Оказывается, старик очень спешил, прибежал швы снять, плечо у него травмировано... Мне, говорит, обязательно к девяти часам к жене в больницу надо успеть. Я, говорит, покормить её должен. Я ему объясняю — он не в какую! Мол, срочно и сейчас снимайте швы. Потом вдруг ульгиматум: «Не снимите — я так с ними и останусь, ждать не могу. И прийти в поликлинику в ближайшее время тоже». Я, чтоб как-то его успокоить, отвлечь, про жену начал расспрашивать. А то, не ровен час, и вправду убежит! И представляешь, рассказал мне старик, что у его жены болезнь Альцгеймера. Я, естественно, спрашиваю: «Она будет очень волноваться, если вы не придёте вовремя?» А старик: «Нет, волноваться не будет, моя жена не узнаёт меня последние пять лет. И даже не помнит, кем я приходился ей по жизни». «И, несмотря на это, — спрашиваю его, — вы всё равно каждое утро спешите в больницу к человеку, который даже не узнаёт вас?» А он, представляешь, улыбнулся и тихо так ответил: «Да, к сожалению, она не знает, кто я. Зато я помню, кто она. С ней я был счастлив всю свою жизнь». Вот так, представляешь?..

Славик опустил глаза, повисла пауза.

«...Ну и зачем ты мне это рассказал?» — вздрогнул Игорь Иванович. Ему показалось, что подобную историю он уже слышал, может быть, даже встречал в Интернете... И очень обидно стало от скрытого нравоучения сына. Зачем он? Хочет надавить на отца примером и придумал про какую-то встречу? Очень боится за маму?

Неловкая пауза сменилась смущённым Славкиным лепетанием, мол, не о нём речь, мол, это он к собственной жизни относит, к их с Танюшкой будущему.

— Согласись, па, не у каждого в жизни получается! Ну, чтоб вот так, чтоб до конца вместе. Правда же? — щёки Славки пылали румянцем.

Повисла тяжёлая пауза. Игорь Иванович не то что не захотел, а просто не мог говорить. Объяснять, обсуждать. Буркнув «доброй ночи», поплёлся к себе в кабинет. Давила плечи необъяснимая обида и за себя, и за сына, и за того старика, которому так и не сняли швы в поликлинике. Близкие слёзы стояли в глазах. Усилием воли он не давал им пролиться... Может, и зря.

Ночью шёл дождь. Стоя у окна в кабинете, Игорь Иванович смотрел на огромные лужи внизу; в свете фар проезжающих машин капли дождя вспыхивали яркими белыми звёздами на поверхности воды, и он не мог отвести глаз от этого мерцания. Никогда не видел подобной красоты! Грязно-чёрные лужи — и столько серебристо-белых огоньков! Но только в огоньках этих не было радости, словно состояли они не из света, а из тумана.

«Бояться нужно не смерти, а пустой жизни», — снова думал Игорь Иванович. И не мог вспомнить, жена сказала ему об этом или он прочёл, кажется, у Брехта...

Весь следующий день Игорь Иванович ловил себя на мысли, что делает нечто ненужное, находится не там, где должен, и голова его забита чепухой. В то же время его распирало чувство полученной вдруг внутренней свободы. Но это ощущение не добавляло радости. Наверное, так бывает у старого раба, оборвавшего цепи и оставшегося вдруг в одиночестве. Как перст... «И пусть. Устал. Никого не хочу видеть и слышать. Почему я виноват? Зачем я должен оправдываться и постоянно доказывать невиновность, изображая при этом благодетельную улыбку? Даже Славка пытается меня учить и воспитывать».

Появившись на кафедре, Игорь Иванович полистал подготовленные в помощь первокурсникам методички, встретился с заместителем декана по учебной работе, чтобы согла-

совать нагрузку по заочникам и вскоре ушёл из университета. Благо лекций у него в этот день не было, а консультации с дипломниками, по их слёзной просьбе, он перенёс на следующую неделю.

Выходя из здания, Игорь Иванович кивнул вахтёру, толкнул дверь — и сухой ветер ударил в лицо; солнце хлестнуло по глазам, будто и не было вчерашнего холодного дождя. «Середина октября — а лето не сдаётся», — думал он, медленно шагая мимо клумбы с цветущими розами. За оградой университетского двора гремели и тревожно звенькали трамваи, рычали авто. Неожиданно для себя Игорь Иванович пожалел, что так рано уходит со службы. Но не возвращаться же обратно...

И он пошёл вдоль забора, мимо золочёных клёнов, в тени ещё густых крон. Решил пройтись, освежить голову и попытаться понять смысл этой вековой игры в жизнь, которая представлялась ему теперь пустой функцией. «Смерть делает её напряжённее, добавляет накала, — думал он, наступая на сухие листья под ногами, — иначе — вечная болезненная бледность». Ему представилось лицо жены. «Хорошо, что она пишет книгу об этом неизвестном композиторе Николае Харито, его романс тоже, в сущности, о жизни и смерти. «Отцвели уж давно хризантемы в саду» — мы ведь любили и часто слушали. И тогда, в Крыму...»

Игорь Иванович старался не вспоминать о былой радости, потому что не верил, что эти воспоминания могут приносить облегчение в трудные дни. Но поездка в Крым... Картины безмятежного молодого летнего счастья вызвали невольную улыбку. Цветущий олеандр и горячие маслянистые хачапури. Румянец на щеках жены, её смех без причины, торчащие розовые уши в мокрых коротких волосах, когда она бежала по кромке прибоя и кричала, хохотала, звала его: «Хочу водки и на ручки! Слышишь? Игорь, лови меня!»

Олю воспитывали бабушка с бабушкой по материнской линии. Отца она никогда не знала и не видела, мать работала с утра до ночи. Бабушка часто болела. Дед же готов был вовсе не расставаться с малышкой. Он забирал её из детского сада, сажал в свой старенький «Запорожец» — и жизнь начиналась!

Дед выполнял все желания «королевы»: вёз её по указанному маршруту, кормил мороженым, бегал в парке за бабочкой или пинал резиновый мячик. Деду нравилось угождать девчужке. Игорь Иванович, кажется, перенял от него это стремление баловать Олю. Впрочем, любой мужчина, после тихого голоса, задорного смеха, захотел бы слышать её снова

и снова. Голос меньше всего меняется с возрастом. Сколько красоты в переливчатых игривых интонациях, в них-то и сокрыта неувядающая молодость. Впрочем, молодость — это движение. Невозможно представить, как тяжела для неё теперь бездвиженность... Хотя жена всегда умела справляться с трудностями и проявлять характер. Однажды она приревновала Игоря к молоденькой аспирантке. Демонстрируя обиду, Ольга забралась на подоконник, они тогда жили в трёхэтажке сталинской постройки, и просидела на подоконнике целых пять часов. Так она доказывала свою правоту. Сидела, почти не двигаясь. Игорь Иванович не мог уговорить её. Он уходил, возвращался, пытался объяснить с ней, но она сидела, как истукан...

«О чём может думать женщина, сидя пять часов на подоконнике?» — Игорь Иванович брёл уже возле университетских общежитий. Но не видел окрестностей, его мысли вращались вокруг одного имени — Оля. «Как помочь? Как спасти?» — контрапунктом долбило сознание. И в то же время душа его противилась этим мыслям, потому что Игорь Иванович очень хотел хоть на время забыться, уйти в себя, отдохнуть... «Если невозможно сегодня уехать в Крым, поеду на дачу. Позвоню соседке — пусть зайдёт к Оле. И Славика попрошу прийти пораньше. А сам хотя бы выплусь...»

Он решительно зашагал к трамвайной остановке. Ему так захотелось поскорее оказаться на даче!

«Несомненно, смысл жизни связан с концом. И если бы не было конца, если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы вовсе. Выходит, что смысл лежит за пределами этого замкнутого мира? И обретение смысла предполагает конец в этом мире... — рассуждал Игорь Иванович: — Оля всегда была музыкальна. Первое образование — учитель музыки — ей очень шло. Почему она не захотела работать по специальности? Капризная девочка... «Отцвели уж давно...» А ведь Николай Харито — уроженец Крыма. Там жила его семья. Потом, кажется, они переехали в Киев. Потом Гражданская война. Харито был в белом движении и погиб на Кубани. Но не на поле брани. Его застрелил знакомый офицер: Харито нравился женщинам и был убит из ревности. Это случилось в Тихорецке. Очень интересный материал! Ведь поступками большинства людей руководит любовь, зависть и ревность... Человек может быть разным: и великим, и низким до бесконечности. Один и тот же человек».

Игорь Иванович так углубился в собственные мысли, что почти перестал замечать окружающее. Он вдруг понял, как

помочь жене: нужно ставить для неё великие задачи и помогать дожить до их осуществления. «Это придаст ей сил и спасёт! Сколько раз твердили: чтобы выжить — нужно изменить! Я помогу Оле написать книгу, и мы издадим её в подарочном варианте, с фотографиями, цветными вклейками. Потом — презентация! Да хоть у нас в университете! Оля сможет...»

Оживлённый перекрёсток не испугал Игоря Ивановича, ему хотелось поскорее добраться до тишины и одиночества, чтобы хорошенько всё обдумать. И послушать, наконец, «Отцвели уж давно хризантемы в саду». «На виниле романс точно должен быть! Приеду — сразу ползу на чердак!»

Светофор на пешеходном переходе мигнул жёлтым и включил зелёный свет. Игорь Сергеевич ступил на проезжую часть, но в кармане пиджака завибрировал телефон, он замешкался, приостановился, доставая аппарат, увидел высвеченное имя жены, приложил аппарат к уху и... В следующее мгновение его жизнь остановилась. И только через пропасть, провал, через ледяную вечность жизнь началась снова. Потому что на огромной скорости мимо него, буквально коснувшись ботинка, промчалось огромное ревущее чудовище — чёрный джип оглушил, накрыл, ошеломил и смял пешехода! Удара Игорь Иванович не почувствовал, но горячей удушливой волной обдало его, на долю секунды прижатого к автомобилю и покачнуло, отбросило! Он полетел от железного монстра, теряя равновесие, беспомощно махнув рукой, открыв рот в беззвучном крике, и рухнул спиной на асфальт, головой ударившись о бордюр тротуара!

— Да живой он, живой, может, зацепило слегка! Слышь, мужик? Повезло тебе!

— В рубашке родился! — кто-то мокрым платком протирал Игорю Сергеевичу лицо, и он, наконец, приоткрыл глаза — незнакомые люди окружали его.

— В «Скорую» позвонили? Его в больницу нужно отправить на обследование.

— Это ж надо! Полшага — и точно б по дороге размазало, с такой скоростью джипяра летел! ГИБДД вызывайте! Человека в лепёшку расшибить могло! Мокрое место осталось бы!

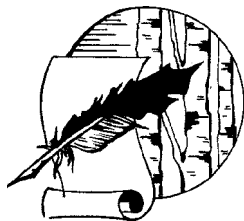
— До чего дошло — на пешеходных переходах людей убивают! Я номер машины запомнила. И ведь не остановился даже, изверг! — пожилая женщина убрала мокрый платок со лба пострадавшего.

Игорь Иванович чуть пошевелился, попытался привстать. У него получилось. Через минуту не без труда и помощи подошедших он поднялся. В голове шумело, болела правая рука.

Ему помогли оправиться и отряхнуть от пыли пиджак, на-шли телефон, который от удара об асфальт перестал рабо-тать. Потом появились полицейские, подъехала машина «Скорой помощи». Игорь Иванович отвечал на вопросы, да-вал себя шупать, мерить пульс и давление, что-то подписы-вал. Потом его везли в «Скорой» в приёмный покой больни-цы. И там тоже спрашивали, шупали, заставляли что-то под-писывать...

Домой возвращался в такси, сжимал телефон в кармане пиджака. Смотрел на проплывающую мимо городскую па-нораму холодными сухими глазами и думал о старике, ко-торый, по рассказу сына, так боялся опоздать к больной. «Славка уверен, что старик спасает свою жену. Но нет же, нет! — лицо Игоря Ивановича болезненно исказилось. — Это о н и даны нам для спасения! О н и — для спасения... И если б не Олин звонок, если б на мгновение позже она на-брала мой номер... как же почувствовала? Как успела?! Доля секунды — и я бы уже никогда никому на этом свете не смог ничего ответить... Вот уж воистину неисповедимы пути твои!..» Сухие глаза его наполнили горячие слёзы, он пошари-л в кармане — носового платка не оказалось — и кула-ком неуклюже провёл по лицу, конфузливо улыбнулся: «Ни-чего... будем жить».

г. Краснодар

Пётр ШУШКОВ

ТЕПЛО ЛЮБИМЫХ РУК

* * *

В этой жизни надо мне немного —
Мимолётной ласки и тепла,
Чтоб всегда разбитая дорога
Доводила ноги до угла.

Чтобы мог я снова в крепких стенах
Обрести спокойствие души,
И моё изломанное тело
Полежало чуточку в тиши.

А когда окрасит перламутром
Солнце кружевные облака,
Чтоб соседу был я — добрым утром,
А в делах — надёжная рука.

Чтобы был я встречному — как праздник,
Что привёз купец издалека.
Чтобы в этой жизни несуразной
И ему досталось огонька.

* * *

Я по лунной дорожке
 заверну в Гуляй-поле
И с землёй моих предков
 разговор заведу:
Здравствуй, Русь лубяная,
 здравствуй, вольная воля,

Без родимой сторонки
я судьбы не найду.

Всё, что любо и мило,
сберегла и вскормила
Под соломенной кровлей
дорогая земля,
Здесь в лугах и дубравах
и порог, и могила,
Здесь и доля, и други,
где душа весела.

Здесь не копят доходов
и не давятся в злости —
Все мы знали достаток
от трудов и земли...
А недобрые люди
и незваные гости
Здесь искали поживу,
но погибель нашли.

И мне очень по нраву
наша ярость и сила;
Нас железо не сломит,
не склюёт вороньё.
Потому величава
и богата Россия,
Так как русская кровь
согревает её.

Я по лунной дорожке
в Гуляй-поле поеду,
Диким мёдом утешусь,
в чистой речке напьюсь...
По незримым приметам,
по звериному следу
Дух мой ярый отыщет
лучезарную Русь.

* * *

Тесен мир — не обойтись без драки,
Если недруг твой не сокрушён.
Все поэты были забияки,
Все поэты лезли на рожон.

В этом есть, наверно, роковое:
Если Пушкин, значит, и Дантес, —
Никогда Прекрасное и Злое
Не отыщут общий интерес.

Мир всегда находится на грани
Нового и прожитого дня.
Значит, если мне не жить в обмане,
Кто-то будет целиться в меня.

* * *

Чтобы узнать, чего я стою
Я томик Тютчева открою
И напою водой святою,
Кто был в согласии со мной.

Потом я Тютчева закрою,
А томик Пушкина открою
И напою водой живую
Печальной радости земной.

А после юнкера закрою,
А том поручика открою,
Поскольку выбился из строя
Он с русской «огненной водой».

И новой ниткой золотою,
Подобно кличу или вою,
Как будто с горького запою,
Я напишу про нас с тобой.

Да так, чтоб юнкер и поручик,
Омар Хайям, Гомер и Тютчев
Сказали: «Вот он, светлый лучик!»
И разрешили влиться в строй.

* * *

Галине

Так хочется любви... Без споров и вопросов,
Без острых метких глаз, стреляющих на звук,
Но мало на земле осталось медоносов —
Всё больше в улье ос да суетливых мух.

Не плачь, моя душа, слеза тут не поможет,
Для липовых медов здесь нужен мухомор...
А хочется любви. Сказать: «Храни Вас, Боже!
Мне только б видеть Вас!», — а остальное вздор.

Мне б только в тишине услышать шелест платья,
Почувствовать спиной тепло воздушных струй,
Мне только бы шептать беззвучно на закате
Молитву всем святым за краткий поцелуй.

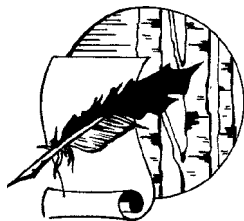
* * *

От той любви, где сердцу было жарко,
До той любви, где сердцу тяжело,
Лежала осень золотого парка
И сентября последнее тепло.

И постепенно боль воспоминаний
Перетекала в светлую печаль,
Где я уже не видел расстояний
И чёрных дней в судьбе не замечал.

Казалось мне, во глубине страданий
Таится свет... И нужен только звук,
Чтоб тишина тревожных ожиданий
Перелилась в тепло любимых рук...

г. Ульяновск

Ирина КАТЧЕНКОВА

ВОЛЯ И СИЛА

* * *

Приснились мне мои ученики
Иных времён. Из прошлого столетья.
У них самих теперь — дела и дети,
Всем кризисам и бедам вопреки.

Взялись мы тайны Клио постигать
В дни горести, распада. Мир был сужен.
И вдруг — кружок истории стал нужен!
Опору ль мы стремились отыскать?

Я помню и улыбки, и глаза...
Мы вместе совершали путь неблизкий,
Чтоб ощутить за строчкой летописной,
Как жили предки сотни лет назад.

Нас в Новгород и в Выборг поезд мчал,
К свидетелям времён былых, былинных,
И пред красою крепостей старинных
Тогдашний серый сумрак отступал.

...Всё творчество учителя и жизнь —
В учениках, внимательных и чутких,
В тех кратких, быстро тающих минутках,
Когда глаза познанием зажглись.

Сквозь дымку лет мы видели зарю,
О быте избегали разговоров,
Соблазны миновали нас и ссоры,
И я сегодня вас благодарю.

Спасибо вам, хорошие мои,
За то, что в пору диких девяностых,
Когда всем было выживать непросто,
Вы помогли мне силою любви.
Спасибо Вам...

ВЕТХАЯ КНИЖИЦА

В 1943 году в Ленинграде тиражом 10 тысяч экземпляров
была издана книга К.Осипова «Суворов»

Книжница на свалке. Внешне неприметная.
Цвета желтоватого мятый переплёт.
Для кого-то — ветхая,
Для меня — заветная:
В Ленинграде издана. Сорок третий год.

Вся она потрёпана, корешок надорванный,
Вся она — израненный временем боец.
Книга о Суворове...
В осаждённом городе
Может быть, такую же, мой читал отец...

В дни блокады издана, вовсе не изыскана,
Книга эта строгая поднимала в бой,
Помогала выстоять
И сражаться истово,
Чтоб не взяли вороги город над Невой.

...А теперь — на свалку, словно на расправу,
Шваркнул книгу парень, крут и деловит:
— Это — мусор, право. Рассудите здраво:
Ведь у книги должен быть товарный вид!

...Старенькая книжечка. Внешне неприметная.
Я от жлоба злобного её уберегла!
Для кого-то — ветхая,
Для меня — заветная!
С ней сама История в дом ко мне вошла.

ВАСИЛЬЕВСКОМУ ОСТРОВУ

Васильевский остров старинный,
Васильевский наш знаменит!

Прислушайся — эхом былинным
Сквозь толщу веков прозвенит:

Васильевский! Воля и сила!
Васильевский! Слава и честь!
...А кто был тот первый Василий —
Неведомо нам и поднесь!

Ушкуйник? Отшельник? Посадник?
Купец или рыбарь простой?
Столетий невольный изгнанник,
Сокрытый их тенью густой.

Сказанья, преданья, вопросы,
Но жил-то он наверняка!
Но — назван Васильевским остров!
Но — имя дано на века!

Кунсткамера и ассамблеи
Дивили врагов и друзей.
Под стягом святого Андрея
Здесь строили флот и музей,

Царь Пётр муштровал здесь матросов,
Возвёл губернатор дворец,
Здесь жил и творил Ломоносов,
Науки российской отец!

Святая блаженная Ксения
Ходила по этой земле,
На стройку носила каменья
Для храма в предутренней мгле...

Родимый Васильевский остров!
И мне ты — начало начал!
Одним мы повязаны тросом,
Мой дом, мой корабль, мой причал!

СТО ЛЕТ НАЗАД...

Советская античность — Гражданская война...
Рокочут трубы зычно. Расколота страна.
Торопятся отряды на старый тихий Дон
За веру, за порядок, за милый отчий дом.

Эх, волюшка степная да воинская стать!
Навстречу — удалая буденовская рать.
За землю и за волю, за светлые деньки
Вздымают в чистом поле булатные клинки.

Над полем, лесом, лугом стервятники кружат.
Сражённые друг другом, там прадеды лежат.
Все правы, все виновны, друг другу все родня,
И призрак мести кровной в сознание у меня.

Гремели битвы злые сто лет тому назад.
Те годы грозовые — восход или закат?
Вопросами терзайся хоть сотню лет подряд,
А прадеды-страдальцы суду не подлежат!

Они ведь все любили сторонущку свою,
И жизни не щадили в отчаянном бою.
В легенды, песни, притчи вошли их имена!
...Советская античность — Гражданская война!

г. Санкт-Петербург

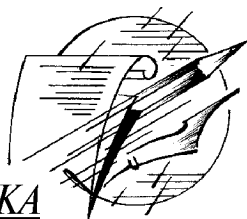
ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Идея этого цикла возникла в 2019 году, объявленном в странах СНГ Годом книги. Правда, об этом мало кто знал и слышал, зато у меня появился повод побывать в городках и весях области, «имена» которых ассоциируются с названиями известных литературных произведений.

Ведь, по сути, это сейчас глухие места, но там живут люди, происходят события, чем-то народ держится. Как мир российской глубинки вписывается в сегодняшнее цифровое пространство, навязываемое нам со всех сторон как единственный вариант бытия человечества?

Интересно было и посмотреть, какие — параллельные книжным — сюжеты пишет сама жизнь, автор непредсказуемый и абсолютно гениальный. И потом, почему бы не поспособствовать возвращению книги читателю, возрождению самого чтения таким вот не совсем обычным — «очерковым» — образом? С этим и приглашаю читателей в необычное путешествие по местам с примечательными литературными названиями.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ТИХИЙ ДОН

Чувство родины

Прежде всего, мы отправились в поселок Тихий Дон Лев-Толстовского района. Причем привлек внимание не только топоним, повторяющий название самого известного романа-эпопеи XX века, но и история его происхождения.

Конечно, с мизерной долей вероятности можно допустить, что основали поселок большие книгочеи и поклонники гениального Шолохова, увековечившие его произведение в названии своего нового места жительства. Но интрига заключается в том, что к 1923 году, когда в Тихом Доне появились первые поселенцы, роман еще только писался, первые его главы появились в журнале «Октябрь» лишь в 1928 году.

Тогда логично предположить, что назвали поселок в честь великой реки Дон. Но протекает он... в 32 километрах от поселка! А ларчик просто открывался: обживали эти земли выселенные из лебедянского села Романово «вольные» люди, которым тесно стало в отчих пределах. Отделились, как тогда говорили. Семьи были большие, пахотной земли не хватало. И мужики оправались на поиски нового местожительства.

Брали самых мастеровитых и хозяйственных, умевших и плотничать, и столярничать, и кирпич обжигать, и стены сложить, и лошадь подковать. Пол-Москвы построили, уверяет Валерий Яковлевич Терехов, один из последних коренных тиходонцев, донине живущий в отчем доме. Его предки, покинув когда-то Романово, стоящее на левом берегу Дона, унесли с собой чувство родины — потому и назвали свое новое пристанище Тихим Доном: именно таким помнили они его всю жизнь.

И ведь слова эти о родине не выдуманы, это чувство в русском человеке до того сильное, что не выветривается ни новыми красотами природы, ни теми благами, которые дает новая, прирученная ими земля.

Маргаритки

Впрочем, поселок мог получить и другое название — Маргаритки. Опять загадка? Конечно. Оказывается, обосновались «романцы» на месте бывшей усадьбы помещицы Маргариты Вагиной: долго еще там «проглядывали» остовы фундамента, плодоносили деревья сада, ягодные кусты.

Дольше всех о барыне напоминали заросли сортовой сирени, которая постепенно одичала и выродилась. Но и сей-

час напротив дома Валерия Терехова (а именно там и была усадьба) каждую весну зацветает сирень. На месте же усадьбы построились братья Карих — Григорий и Василий. Они, их потомки и ухаживали потом за сиренью.

До середины 50-х в саду у Василия Васильевича Карих сохранилась еще одна яблоня, посаженная при Маргарите, а до недавнего времени в поселке живы были и две старые-престарые груши: уже без плодов, но не рубили их ради памяти.

Надо сказать, что к барыне люди относились хорошо: она была небогата, жила одна, хозяйство вела исправно, для работ нанимала крестьян из ближнего села Кузовлево и расплачивалась не обижая. После революции покинула усадьбу, совсем обеднела и по некоторым воспоминаниям даже просила милостыню. Впрочем, и сама помогала: ухаживала за больными, стариками — видимо, за кусок хлеба. Время-то было беспокойное, голодное. Потом бывшая барыня сгинула. А память жила...

И хотя революция, Гражданская война, смерть и хаос к 1923 году уже остались позади, таких страстей и бурь, как в «Тихом Доне» Шолохова, уже не наблюдалось, для Советской власти, «благословившей» новых поселенцев на обустройство в этих местах, барыня оставалась врагом. И название «Маргаритки» принято не было.

На воле

Отец Валерия Терехова Яков Федорович и дед Федор Сергеевич начинали жить в новоиспеченном поселке, как и все, с землянки. А в 1924—1925 годах мужики уже перевозили скarb, скот и птицу, разобранные деревянные избы — и строились.

Трудились до седьмого пота: обрабатывали землю, рыли пруды, обзаводились псеками, разбивали сады, выкармливали живность. В каждой семье было по две-три лошади, паре коров, десятку-другому овец. В общем, воля!

А вскоре мужики наловчились производить красный кирпич из местной глины. Обжигали его в ямах за огородами и строили кирпичные — на загляденье — дома. Каскад прудов круглый год обеспечивал всех водой. Были вырыты колодцы, построена плотина. Урожаи были такие, что зерно негде стало хранить. За него приобретали технику: косилки, молотилки, сортировки.

Жен мужики брали, чтобы далеко не искать, из ближнего села Кузовлево. Туда — и в церковь, и на «улицу», где молодые прогуливались и приглядывались друг к другу. Больше

глядели на красоту, рассказывает Валерий Яковлевич: невесты были больно «характерные», а красота как-то смягчала жизнь с ними. Зато дети сыпались как из рога изобилия. В поселке открыли начальную школу, а дальше ходили в кузовлевскую.

За солью

Но не зря даже в лучшие времена люди опасаются худших, готовятся к ним. Интересна в связи с этим такая подробность. Раньше одним из самых больших богатств у крестьян считалась соль. Ею запасались, за ней ходили далеко, несли много и на себе, под одеждой, чтобы не украли, не отняли, — бывали случаи, когда посланные за солью не возвращались.

В семьях тогда разбирали старые бочки, в которых по много лет солились помидоры, огурцы, капуста, и варили еду, добавляя туда пару «дошечек» для соли.

Однако как ни готовься к худшему, оно всегда застанет врасплох. И жили в Тихом Доне небедно, и на черный день откладывали, и соль в каждом доме про запас имелась, а пришли иные времена, началась коллективизация — и всех зажиточных стали раскулачивать. Здесь уже больше параллелей с другим романом Шолохова — «Поднятая целина», но такого села у нас нет...

Аксинья

Примечательно, что в Тихом Доне жили и свой Григорий — по фамилии Карих, и своя Аксинья. Но связывали их совсем не любовные отношения, как в романе у Шолохова, а родственные: женщина была Григорию снохой. Но характером походила на шолоховскую героиню: красивая, сильная, волевая.

Когда в 1928 году организовали колхоз «Тихий Дон», вошедший впоследствии в укрупненное хозяйство «Путь к коммуне», мужики не спешили обобществить свое имущество и скот — и подавались на работы куда подальше. Реставратором в Кремле трудился и рукастый Федор Григорьевич Карих: его отец Григорий, о котором мы уже упомянули, был в свое время одним из первых тиходонских поселенцев.

Помогал Федор семье на расстоянии. А его жена Аксинья занималась домом и шестью детьми. В одночасье семью выселили и раскулачили.

Как только до Федора дошла эта весть, он приехал домой, и той же ночью они с Аксиньей отправились в Москву. Из осторожности добирались в столицу порознь. Он пошел в Троекурово, где сел на московский поезд. А Аксинья дошла до поселка Лев Толстой и уехала поездом оттуда.

Двоим они побывали у Крупской, которая распорядилась вернуть Карихам награбленное. Их дом освободили, а из имущества вернули то, что осталось...

Вечная память

К 30-му году в Тихом Доне было 50 основательных домов. Коллективизация и война опустошили поселок. 21 житель Тихого Дона погиб за Родину на полях сражений. В честь погибших земляков в поселке установлен мемориальный камень. Рядом с ним — гранитные плиты с именами, фотографиями, датами жизни и смерти погибших тиходонцев и галерея «Бессмертный полк» с портретами всех фронтовиков поселка. Вокруг разбиты клумбы. На въезде в Тихий Дон высажен сквер памяти.

Живут там восемь человек. Шесть женщин — самой старшей 90 лет — и двое мужчин: Валерию Терехову 75 лет, а Ивану Медведеву в этом году исполнится 80. Они ухаживают за памятником, клумбами. Собирают материалы для увековечения всех своих земляков, воевавших за Родину. Летом приезжают еще человек 25 уроженцев поселка, и Тихий Дон оживает. Но скоро, видимо, те края совсем обезлюдуют, и останутся под высокими деревьями лишь памятники и тишина...

Добрая душа

Шестерых детей вырастили и родители Валерия Терехова, с которым довелось познакомиться в Тихом Доне. Отец и дед его тоже были в числе первых переселенцев. Паренек закончил ФЗО, потом агротехникум. Всю трудовую жизнь проработал садовником-цветоводом при центральных профсоюзных курсах ВЦСПС в подмосковном поселке Салтыковка, которые затем стали филиалом Высшей школы профдвижения.

Около 20 лет назад Валерий Яковлевич вернулся в Тихий Дон. Отец, израненный на фронте, ушел в иные веси еще в 1969-м. А вот мамы не стало в 2001-м, с тех пор Валерий Терехов живет в отчем доме один. Вернее, с котом, которого зовут... Никак.

Беседовать с Тереховым одно удовольствие. Он занимается цветами, краеведением, издал интереснейшую книжку

«Словарь местных изречений, понятий, выражений, определений», собирает родословную, материалы о фронтовиках Тихого Дона, много читает.

В старом доме заменил окна, провел водяное отопление, оборудовал современную санитарную комнату. Много времени уделяет своему куриному царству — у него около 40 квочек. А на мое замечание, что проблем с питанием у него нет — в случае чего и курочку можно пустить на бульон, Валерий Яковлевич восклицает:

— Ну ничего себе, непаренное гнет (местное выражение, обозначающее высшую степень недоумения)! Я же с ними разговариваю! Они меня до автолавки провожают! Как же я могу их — есть!

Ну что на это скажешь! Добрые люди живут в красивом поселке Тихий Дон. Зимой там просто изумительно! Снег искрится под солнцем, как в сказке. Да и летом не хуже, уверяет Валерий Терехов. Надо будет обязательно съездить туда еще раз...

СУХОДОЛ

Повесть о сокрушительных страстях

Краеведы настаивают, что в одноименной повести Бунин в действительности писал всё-таки не о Суходоле, а о деревне Каменка ныне Становлянского района Липецкой области. Но назвал свою повесть «Суходол». Из-за чего и произошла «подмена» сёл: сегодня многие наши земляки уверены, что Бунин вел речь именно о Суходоле Краснинского района, где он, дескать, и бывал, и творил.

Да и кто же добровольно откажется от литературного памятника в свою честь, созданного великим писателем! Вот и суходольцы не хотят. Впрочем, «из-за помещичьей усадьбы Хрушевых», о которой пишет Бунин, «выступает вся Россия, проглядывается лицо всего русского народа...»

Суходол собственно и является главным «героем» бунинского произведения о нескольких поколениях старинного дворянского рода, обреченного на вымирание и уход с жизненной сцены меняющейся России.

Повесть появилась в 1911 году. Она о запустении усадьбы, о затухающих страстях и пороках последних представителей некогда многочисленного «столбового» семейства. К которому, кстати, рассказчик, от лица которого ведется повествование в бунинском «Суходоле», причисляет и дво-

ровых, зачастую связанных с господами не только положением, но и кровно. А в центре мироздания тех и других — Суходол: их общая родина и судьба, душа и почва, любовь и память.

И вот прошло уже более ста лет. Давно ушли в мир иной все господа и холопы, так и не сумевшие порвать с Суходолом, прикипевшие к его «голому выгону, избам и оврагам, к разоренной усадьбе» до самой смерти и нашедшие последнее упокоение в «безыменных» могилах родной земли, прожив «скудные и бесследные» жизни.

Не случайно Горький назвал бунинскую повесть «Суходол» — с ее сокрушительными страстями и вырождением как бы всего рода человеческого — «одной из самых жутких» русских книг.

Казалось, что с гибелью дворянских гнезд канет в небытие и нищая, запуганная деревня. Но она выжила и даже перенесла еще несколько масштабных с ней экспериментов в двадцатом и уже в двадцать первом веке. Может, всё та же память и русский характер, который привязывает к отчей земле всё новые и новые поколения, не дают ей зарости сорной травой забвения?..

Вольные птицы

— Нас из деревни не вытравишь, — заявляет местная жительница Мария Дружинина. — Мы вольные птицы, нам в городе тесно, даже если это Москва!

Еще бы не тесно: в селе-то степь да степь кругом. Пейзажи не слишком живописные, но взгляд простирается так далеко, что душа ликует. Где-то в километрах восьми от Суходола была деревня Грушевка, где Мария Сергеевна родилась. Да только в душе ее и сохранились та изба и тот двор, где выросли они с братом лишь благодаря большой материнской заботе.

Древняя семейственность на суходольской земле никуда не делась с исчезновением там последних дворянских родов. За семью держались как за родину, не сдавали ее почем зря. Вот и мама Марии Сергеевны Ефросинья Никитична от родителей своих долго не откалывалась, помогая им пережить горе: ее брат Николай ушел на фронт да и сгинул без вести.

Бабушка, рассказывает Мария Сергеевна, до последнего ждала сына с войны, всё вздрагивала, когда слышала стук или видела незнакомого человека:

— Кто это?! — вопрошала с надеждой в голосе. Так никогда и не поверила, что сын погиб.

Как могла, поддерживала ее дочь Ефросинья, почти отказавшись от своего женского счастья. Уже к войне была она девицей на выданье — как-никак 1916 года рождения. А после войны и вовсе женихов сильно поубавилось. А у Фроси еще три младшие сестры.

Что ж, думала она, своих детей Бог не дает, буду племянников растить. Сёстры, вольные пташки, одна за другой улетали во взрослую жизнь, нуждались в помощи. И она готова была помогать им с детьми. На своё личное счастье Ефросинья уже и не располагала: хоть и воля, а лететь некуда, да и не с кем...

Пожилая мама

Но Богу было угодно, чтобы и на ее долю уже на пятом десятке лет нашелся суженый! Первенца она родила в 44 года. Вслед за сыном появилась на свет и дочка, наша сегодняшняя собеседница Мария Сергеевна.

Рожала Ефросинья Никитична дома, без медицинской помощи: вот какие крепкие и бесстрашные женщины жили в русской глубинке не так уж и давно! Фельдшерица, навестив роженицу, осмотрела малютку и нашла ее вполне здоровой.

Но еще через год кормильца не стало. Тогда пожилой уже матери с двумя малышами на руках «добрые» люди посоветовали:

— А вы детей в детдом сдайте, одна ведь не справитесь.

Она тогда ответила:

— А вы своих сдайте! Мои дети будут со мной...

Кстати, прожила Ефросинья Никитична 82 года, детей вырастила, внуков успела вынянчить.

«Мы с братом уже с десяти лет и косили, и картошку тяпали, и по хозяйству матери помогали», — вспоминает Мария Сергеевна. А в школу ходили за семь километров. И никто не роптал, все хотели учиться.

Окончив лебедянский сельхозтехникум, девушка начала работать бухгалтером в совхозе «Красное поле». В Суходоле было тогда второе его отделение. Тут и заметил ее Алексей Дружинин, местный тракторист.

Обычная любовь

«Любовь в Суходоле необычна была», — пишет Бунин о сокрушительных страстях в барской усадьбе, разбивших жизнь практически всех ее обитателей. Кто-то из них поте-

рля рассудок от несчастной любви, кого-то настигла гибель от рук незаконного отпрыска, а кому-то пришлось до смертного конца мучиться и тосковать, тая в душе «аленький цветочек» так и не открытого чувства.

Любовь в Суходоле между супругами Дружиниными была и осталась «обыкновенной», приносящей радость и полноту жизни. Поженились они в 1981 году, получили от совхоза трехкомнатную квартиру. Вырастили в ней двоих сыновей — Романа и Вадима. Остаток лет провела в их семье и мама Марии Сергеевны, и ее сестра, тетя Катя, для которой их дом оказался роднее сыновнего.

Кстати, в повести Бунина тоже есть тетя — ее прототипом, по воспоминаниям жены писателя Веры Буниной, стала его родная тетка Варвара Николаевна.

Так вот эта тетя из повести, в молодости полюбив товарища своего брата, который разбил ей сердце и без объяснений оставил в Суходоле, так никогда и не покинула его, в глубокой старости прозябая в жуткой нищете и одиночестве.

А тетя Катя сегодняшней нашей героини Марии Сергеевны, родившаяся, кстати, в 1908 году (повесть вышла в свет три года спустя), хоть и прожила всю жизнь вдали от родных мест, на склоне лет вернулась в Суходол и в доме племянницы завершила свой жизненный путь в тепле и уюте. Такие вот параллельные сюжеты.

Никуда не уехал и старший сын Марии и Алексея Дружининых. Недалеко — в Лебедяни — осел младший, по-прежнему прописанный в Суходоле. У каждого по трое детей, а шестеро внуков по нашим временам — счастливая редкость.

Семьи у них крепкие, дружные, утверждает их мама Мария Сергеевна, радуясь той самой «обычной» любви, которая сплачивает и продолжает их суходольский дружининский род.

Половецкие бабы

Не исключено, что традиции самоотверженного материнства и крепкой семейственности здесь имеют тысячелетнюю историю. Свидетельство этому — так называемые половецкие каменные бабы, бывшие когда-то неотъемлемой частью наших степных пейзажей.

В данной истории много интересного, начиная с того, что половецкими эти каменные изваяния названы весьма условно: историки до сих пор тщетно докапываются, кто вообще они такие, эти загадочные половцы.

Дальше — больше: не все они собственно бабы. Лишь процентов 70 каменных истуканов изображают женщин — грузных, дородных, с внушительными животами, явно на сносях.

Точно неизвестно и время появления древних каменных фигур со стертymi от ветров и дождей лицами. Ученые датируют появление каменных истуканов в южно-русских степях XI веком, но иногда указываются и более ранние сроки. Были такие изваяния и в наших краях.

Получить примерное представление о древних каменных «мадоннах» можно, посетив природный парк «Олений», расположенный на территории Суходола и ближайших окрестностей.

Для этого парка изготовлены заново — по образу и подобию древних степных каменных баб — скульптуры. Создали их по заказу руководства парка во главе с Игорем Долгополовым московские профессионалы.

Первую зиму внушительных размеров фигуры, символизирующие материнство, провели под навесом конторы оленьего хозяйства, где они и закалялись в ожидании теплых дней. Поэтому нам и повезло всех «баб» в Суходоле застать в одном месте: позднее их рассредоточили по территории всего парка.

Среди суходольских каменных колоссов не только женщины в «интересном положении», но и собственно матери с детишками и даже... мужчина: дескать, какое же материнство без этих славных «делателей», обеспечивающих и продолжение рода, и защиту семьи, и пропитание всех ее членов.

Знакомя нас с уникальной экспозицией современного каменного зодчества, особое наше внимание Мария Сергеевна обратила на статую женщины с двумя детьми: этот образ ей ближе других.

Впечатляет, однако, и колоритный усатый «нянь», которого назвать «бабой», даже каменной, язык не поворачивается. Но таковы, вероятно, особенности матриархата, когда всё женское «прививают» не только живым мужикам, но и каменным...

Страшно даже подумать

А вот в суходольском семействе Дружининых всё на паритетных началах. Супруги и дома заодно, и на работе всю жизнь вместе. Он сорок лет трудился механизатором в хозяйстве, которое, претерпев ряд реорганизаций и переименований, ныне стало уникальным природным парком «Олений», она — 39 лет работает там же бухгалтером.

В парке шоферит на «КамАЗе» и старший сын Дружининых. «Мне даже подумать всегда было страшно, — говорит она, — чтобы сменить работу или уехать из Суходола, где всё своё, родное...»

А ведь век назад Бунин полагал, что у Суходола нет будущего, что деревня — «большая, бедная и беззаботная» — погибает. Конечно, и в выживающей пока деревне многое не то и не так, как было прежде. Но, видимо, таков закон жизни: идти вперед, не ведая куда. Идет вперед и Суходол, в котором сегодняшней день пока мирно уживается со вчерашним, медленно, но верно оттесняя его в прошлое...

Заря коммунизма погасла

Впервые упоминание о поселении встречается в документах в 1778 году. Название связано с отсутствием природного водотока, даже колодцы рыть в этих местах напрасно: вода очень глубоко. Может, поэтому владельческое сельцо (а это значит, что там была часовня) Суходол уже и в 1866-м насчитывало всего 19 дворов «при пруде».

Селом же он стал называться с появлением церкви. Сейчас это самое старое там здание, построенное, по одним данным, еще в конце XVII века, что маловероятно, судя по архитектуре и сохранности здания. По другим данным, это здание появилось как минимум двумя веками позднее. И возвел его фельдшер местной больницы на собственные деньги. В 30-е годы с церкви сняли купол и устроили там зерносклад.

А в 1936-м бывшую церковь и бывший склад переоборудовали под школу, достроив второй этаж. Семиклассное образование получали там не только суходольцы, но и ребята из окрестных сёл и деревень.

Детей было много, издали их подвозили на лошадях, учились в две смены. Позднее при школе появился участок. Овощи и картофель сдавали государству, а за вырученные деньги школа приобретала парты, спортивный инвентарь.

Перед Великой Отечественной войной в Суходоле уже существовал колхоз «Пятилетка». А первые коммуны образовались там гораздо раньше.

Сохранились, однако, сведения, что местные жители не слишком охотно приветствовали Советскую власть и коллективизацию. В 1918 году там даже произошло антисоветское восстание, организованное так называемыми кулаками. С помощью суходольских активистов восстание было подавлено отрядом красноармейцев из Ельца. Погибших в ходе восстания похоронили в братской могиле в селе Суходол.

В конце августа 1919-го через село прошли мамонтовцы. Прошли и прошли. А Советская власть постепенно укреплялась. И в Суходоле появился более крупный и сильный колхоз «Заря коммунизма».

В нем было три бригады: «Первомайская», «Батрак» и «Грунино». В это же время в бывшей барской усадьбе открыли детскую колонию для беспризорников, позднее преобразованную в детский дом. Во время войны в здании разместили дом инвалидов. А школу отдали под госпиталь, потому что в местной больнице для поступавших раненых не хватало мест. Так что всем послужила церковь верой и правдой...

Со временем «Заря коммунизма» «погасла», а сменил ее после войны совхоз «Красное поле», одно из отделений которого размещалось на территории Суходола.

Что хранит памятник

Рассказчик бунинского «Суходола» с сожалением отмечает: «... ни портретов, ни писем, ни даже простых принадлежностей своего обихода не оставили нам наши отцы и деды. А что и было, погибло в огне... не имеем мы ни даже малейшего точного представления о жизни не только предков наших, но и прадедов... с каждым днем все труднее становится нам вообразить даже то, что было полвека тому назад!».

И это действительно так. Совсем недалекое прошлое часто предстает лишь в преданиях, смутных воспоминаниях, недостоверных сведениях. Очень показательна в этом смысле история памятника в Суходоле.

Впервые обелиск был установлен у плотины пруда. Из отпечатанной невесты когда на старой печатной машинке истории села явствует, что это был памятник погибшим за Советскую власть в годы коллективизации. Но если было восстание, подавленное красноармейцами, то кто погиб и кому поставлен памятник?

В тех же машинописных листочках есть и упоминание о некоем «коммунисте Владимире»: хоронили его как героя, бесстрастно фиксирует неизвестная машинистка. Видимо, изначально памятник и был поставлен этому человеку, а заодно и всем, кто пал в борьбе за Советскую власть в этом крае.

Но из той же «хроники» становится известно, что коммунист Владимир был убит кем-то из суходольцев за «несправедливое раскулачивание». Особенно задело людей то, что он отобрал даже куклу у тех, кого изгонял из собственного дома на холод и голод. В итоге у его дочери появилась игрушка, но не стало отца...

Впоследствии захоронение и памятник перенесли дальше от пруда в центр села. Со временем здесь сложился своего рода памятный комплекс, увековечивающий события и имена, особенно дорогие для суходольцев. Обелиск обновили, придав ему более широкое, примирительное значение. И сейчас на нем написано: «Павшим в боях за наше счастливое будущее».

А на мемориальных плитах у обелиска выбиты фамилии 137 суходольцев и их ближайших соседей никольцев, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Есть среди этих фамилий и Дружинины: ее носят члены семьи, с которой начинался этот рассказ.

Отдельная мемориальная доска установлена Герою Советского Союза уроженцу Суходола Владимиру Сапрыкину. На его судьбе надо остановиться особо...

Как Героя вернули

Парнишка из глухой глубинки, Владимир Сапрыкин прожил жизнь, полную крутых поворотов. Родился в Суходоле в 1916 году, окончил рабфак и пединститут, преподавал в Воронежской области: по одним сведениям математику и физику, по другим — иностранный язык.

Но судя по тому, что в 1939 году его призвали в армию, определили в Грозненское пехотное училище, а в мае 1941-го кроме должности командира стрелкового взвода присвоили квалификацию военного переводчика немецкого языка 2-го разряда, преподавал он всё-таки иностранный.

Уже в июле 1941-го Сапрыкина назначают помощником начальника штаба полка. В октябре в ходе ельнинской наступательной операции в боях за Смоленск начальник полковой разведки лейтенант Сапрыкин вместе со своей частью оказался в окружении. Откуда вышел в декабре, сохранив форму, оружие и документы.

Но дивизия, где он служил, была исключена из списков Красной Армии по причине утери Боевого знамени, а ее бойцы, побывавшие в окружении, были направлены в фильтрационные лагеря, где проходили проверки.

Затосковав от вынужденного ничегонеделания в то время, как на фронте гибли их товарищи, несколько молодых лейтенантов, в их числе и Сапрыкин, не нашли ничего лучшего, как отлучиться из лагеря за... самогоном в соседнюю деревню: отметить день рождения одного из них.

Дело закончилось военным трибуналом: за дезертирство Сапрыкин с товарищами были приговорены к десяти годам лагерей с отбыванием их в штрафбате.

В июле 1942-го Сапрыкин возвращается на фронт рядовым штрафником. Но уже через месяц получает ранение и, «смыв позор кровью», переводится в 612 стрелковый полк, где его, как знающего иностранный язык, вновь оставляют при штабе.

В ходе печально известной Ржевско-Сычевской операции Сапрыкин опять был ранен. А пока он лечился в медсанбате, с него сняли судимость и назначили командиром роты. Вскоре он уже вновь старший лейтенант, командир батальона, умело руководит бойцами, сам ходит в разведку.

За то, что его батальон у деревни Прудки на Смоленщине отбил у гитлеровцев около тысячи жителей, угоняемых в Германию, Сапрыкина награждают орденом Красной Звезды.

А за умелое руководство при взятии Вязьмы, куда его бойцы ворвались первыми, за освобождение других населенных пунктов Смоленской области, за образцовую организацию выноса раненых с поля боя и своевременную их эвакуацию комбату Сапрыкину вручают полководческий орден — Александра Невского.

Последний бой он принял около деревни Красная Слобода Дубровенского района в Белоруссии. Выбив немцев из сильно укрепленного пункта, его батальон трое суток сдерживал натиск вооруженного до зубов врага. Когда кольцо немцев сузилось до 20 метров, Сапрыкин вызвал огонь на себя...

Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза. Сам он так и не узнал, что стал Героем. Но не потому, что погиб. А потому что... выжил.

Немцы подобрали «настырного» комбата со сквозным ранением в грудь и отправили в госпиталь для военнопленных. Его родные плакали над похоронкой, а в это время он, полуживой, перебрасывается из лагеря в лагерь, один из которых использовался для вербовки кадров для абвера и СС.

Сапрыкин не сотрудничал с немцами. Но после освобождения лагеря союзниками принял решение эмигрировать в Канаду: пережитые испытания не оставляли ему, «воскресшему из мертвых с клеймом военнопленного», иллюзий по поводу дальнейшей его судьбы в случае возвращения домой...

Работал грузчиком на вокзале. Но выучил язык и поднялся со дна: окончил университет, стал инженером, был ведущим специалистом в крупной фирме в Торонто, занимающейся радиоэлектроникой.

Жил в одиночестве, часто болел, тосковал по России. Собрал уникальную библиотеку книг на русском языке. И вдруг в 70-х уже годах узнал, что ему было присвоено звание Героя Советского Союза! И он рискнул написать письма отцу и

родившейся уже без него сестре. А также известил Верховный Совет о том, что жив.

В связи с чем в 1978 году Сапрыкина указом Брежнева... лишают звания Героя и всех наград, объявляют предателем. Еще одного удара он не выдержал. Замкнулся в себе, долго болел, никому о себе не напоминал.

Умер легендарный комбат в 1990 году. Был похоронен в Канаде. Однако посмертная его судьба оказалась более радужной. Усилиями общественности, липецких и московских журналистов, сослуживцев и земляков комбата Сапрыкина в декабре 91-го удалось добиться отмены брежневского указа. Горбачев в конце своего позорного правления страной сделал одно доброе дело: вернул Сапрыкину звание Героя Советского Союза.

А с помощью руководителя Белоруссии Александра Лукашенко прах комбата был перевезен из Торонто под Витебск. И в июле 1999 года Герой обрел наконец покой в одной земле со своими боевыми товарищами в Красной Слободе, политой и его кровью...

Всё еще будет

А жизнь легендарному комбату Сапрыкину дала наша земля, село Суходол. Правда, нет там сейчас ни церкви — хотя люди упорно отмечают свой престольный праздник Иконы Казанской Божией Матери, ни школы — 17 детей ездят за знаниями в центральную усадьбу в село Решетово-Дуброво.

А в здании, где это всё было, сейчас общежитие для сотрудников природного парка «Олений», что тоже, в общем, неплохо. Главное, село живет. Более того, там сейчас наступающий демографический взрыв: за один год родилось пятеро ребятишек, а ушел в иные веси один человек.

В Суходоле 29 дошкольников, которые посещают детский сад «Чебурашка», 45 детей — от семи до восемнадцати лет, 127 пенсионеров. Есть там почта, магазины, дорога, спортивные площадки — с тренажерами, для игры в футбол и баскетбол. Рабочие места предоставляют агрофирма имени Калинина и Олений парк.

В планах — разбивка сквера около памятного комплекса. Когда подрастет маленький житель Суходола Глеб по фамилии Бедный, он увидит, сколько земляков полегло за его счастье. А может быть, ему много чего интересного об этих людях еще успеет рассказать самая заслуженная суходолка Анна Денисовна Кузнецова, которой более ста лет.

Много их еще по Руси, славных древних старух, стерегу-щих прошлое: одних Суходолов у нас в стране более 20, а есть еще одноименные села на Украине, в Беларуси и даже Болга-рии. И слава Богу, что есть.

Хотя прав и Бунин: поредили мы, измельчали. Но дети ро-дятся, и может статься, всё ещё будет хорошо...

ПОБЕДА

Глава Волченской сельской администрации Вячеслав Ширнин, в чьем ведении находится поселок Победа, нашу поездку туда, мягко говоря, не одобрил. По той причине, что живет там... всего один человек.

А глава Добровского района Анатолий Попов, наобо-рот, проект газеты «Книга и жизнь: параллельные сюже-ты» поддержал. Из истории ничего не вычеркнешь, сказал он, — ни книги, ни поселка, даже если осталось от него одно название...

Назад, в прошлое

В современных отзывах о романе Чаковского сквозит одна мысль: да, это не Толстой и не Достоевский. Но такие книги пишутся, когда твои предшественники — великие писатели, а за спиной у тебя великая страна. И еще: книга убедитель-на, как танк. Или как «Катюша». Книга о силе идеи, побе-дившей фашистскую Германию.

Но читать эту книгу в трех (!) увесистых томах — сегодня почти непосильный труд. Во-первых, из-за объемов. Во-вто-рых, речь там о слишком серьезных вещах: о послевоенном устройтельстве мира. О двойной победе — военной и дипло-матической — Советского Союза над врагами и союзника-ми по антигитлеровской коалиции. О Потсдамской конфе-ренции 1945 года где главные персонажи — лидеры крупней-ших мировых держав: Сталин, Трумэн и Черчилль, и Хель-синском совещании по безопасности 1975 года.

Кстати, рассказчиком в романе является некий журналист Воронов, который на протяжении всего сюжета лавирует между прошлым и тогдашним своим настоящим. Наш «сю-жет» тоже построен на авторских впечатлениях. И мы тоже будем путешествовать во времени. Но на этом параллель-ность наших сюжетов и заканчивается. В не книжной По-беде близ села Волчье люди жили событиями иного масш-таба — обустроивали семейные гнезда, рожали детей, взра-

щивали хлеб, доили коров и откармливали бычков, гнулись на бескрайних огородах.

Тень Черчилля

Кстати, названия главок нашего сюжета заимствованы из романа Чаковского: всё-таки память. В том числе и о том, как ярые наши противники-соратники Трумэн и Черчилль хотели, да не могли тогда приписать Победу себе и настоять на своих условиях послевоенного обустройства. Преуспевали разве что в закулисных играх. А при виде Сталина воочию они робели.

«Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело, держали руки по швам», — вспоминал Черчилль. Однажды он решил не вставать. Сталин вошел, «и будто потусторонняя сила подняла меня с места», писал Черчилль, которому Чаковский в своей трилогии посвятил целых две главы.

Зато сейчас на нашу Победу кто только не претендует, объявляя её своей. Впрочем, уже непонятно, над кем. И только на маленькую волченскую Победу никто никаких прав не предъявляет, никому она не нужна.

Хотя было время: поселок буквально наводнили приезжие из окраин бывшего Советского Союза, павшего от рук собственных лидеров уже через полтора десятилетия после Хельсинского совещания, где по инициативе стран Варшавского договора состоялось всеобщее — с участием примкнувших заокеанских лидеров — братание.

В ожидании

Поселок Победа привлекал пришлых людей, видимо, тем, что находился на отшибе и без того затерянного в лесу медвежьего — вернее волчьего — угла: одно название главной усадьбы — Волчье — чего стоит. И это всего лишь километрах в шестидесяти от Липецка, областного центра. А до Победы из Волчьего еще километров десять вдоль леса и поля.

Для приезжих это было важно — подальше от начальства да и местного населения, в те годы не слишком благоволившего к бывшим согражданам. «Понаехали!» — чаще всего именно так встречали бежавших «республиканцев» из Прибалтики и Средней Азии местные жители, которым и без приезжих жилось в 90-е постперестроечные годы несладко. В магазинах пусто, работы нет, а тут еще и нахлебники пожаловали.

Открытых столкновений не было, но пришлых не жаловали, тем более среди них всякого народу хватало. Поэтому устремлялись «понаехавшие», кто помудрее, куда подальше, с глаз долой.

Тем более в таких затерянных в глуши деревнях, как Победа, можно было задёшево, а то и даром обрести жильё, разбить огород и вести какое-никакое хозяйство, чтобы прокормить семью.

Приезжали ведь с детьми, со стариками и в основном без денег. И находили в Победе приют, где можно было остановиться-оглянуться, отдышаться и прийти в себя после всех испытаний. Многие ведь бежали от войны, от национальных конфликтов и потрясений. В Победе они были всё-таки дома.

В ожидании лучших времен они терпеливо корпели на своих участках, благо земли там немерено, обживались как могли. Главная беда — не было в Победу дороги, чтобы ездить на работу и возить детей в школу. Но ее и прежде не строили, а уж когда колхозы начали разваливаться, стало и вовсе не до дороги. И постепенно почти все из Победы уехали.

День надежд и сомнений

Что там сегодня? Красота и покой! Добраться туда летом, когда нет дождей, несложно. Главное, не заблудиться. Потому что спросить дорогу не у кого.

Хорошо, бабуля в Волчьем дала ориентир: рукой куда-то махнула — «вон туды, за Шатилов лес!» — и мы взяли курс на это «туды». Уже в пути вспомнили про навигатор, не слишком уповая на него в эдакой глуши. Однако на экране четко обозначился маршрут, и мы с надеждами, но и сомнениями последовали по нему. Позднее оказалось, что свернули мы рано, подсохшая колея долго петляла, а сквозь деревья не просматривалось никакого жилья.

Но вдруг под колеса ринулась скандальная цесарка, недовольная вторжением чужих. Она долго выговаривала нам по-цесарски что-то своё, укоряющее: мол, куда вас несет не в свою вотчину.

А вскоре лес расступился — и перед нами предстала Победа во всей своей красе: маленький обитаемый остров посреди цветущей природы и покинутых строений, словно замерших в каком-то скорбном — по уходящей деревне — ансамбле-памятнике.

Скульпторы, конструктивисты отдыхают: сама жизнь создала эти впечатляющие инсталляции в заброшенных селах,

хранящие какое-то время память о прошлом. Позже и камня не остается в местах бывших имений, всё уходит в землю...

Но пока Победа еще существует, и несколько человек не сдают там победных рубежей. Самый преданный из них — Владимир Архипов.

Первое знакомство

По соседству с ним живет бабуля Нелли Суворова, но зимовать она уезжает к детям, появляясь в Победе лишь с теплом и покидая ее с первыми заморозками.

Еще один поселенец, представительный мужчина в годах Виктор Родин, выбирается сюда с семьей из подмосковного Серпухова тоже лишь на дачный сезон. Не знаю, как получится у него в этом году приехать в эти «волчьи» края, позволит ли другой «зверь», злополучный вирус, преодолеть столичное притяжение и вывезти семейство на волю.

И только Владимир Архипов здесь разъединственный «победитель», прикипевший к поселку всерьез и надолго. В девяностых годах прошлого столетия его семья приехала сюда из Душанбе. Брат Владимира впоследствии осел в Волчьем. Сестра живет в Мурманске, но со своей дочерью постоянно наезжает в Победу. До конца своих дней пребывали в этой лесной глуши их родители. Прикипели к Победе навсегда, привязали к ней и своих потомков. Мама, Раиса Васильевна, ушла в иные веси не так давно. Но всё в доме как при ней: чистота, порядок, цветы, семейные фотографии. И получается, что здесь у Владимира и его родных — отчий кров. Ведь другого у них после 1991 года просто нет.

Кстати, и сосед Родин тоже приезжает в материнский дом: уже когда многие отправились искать себе лучшей доли, несколько бабуль из числа душанбинских переселенцев из Победы никуда не уехали. И уже упомянутая Суворова из той же когорты.

Владимир же хоть и работает в Лебедяни, все эти годы — сквозь дождь и слякоть, мороз и ветер, на машине или пешком, на велосипеде или на лыжах — упрямо пробирается в Победу. А это, я вам скажу, не ближний и не легкий путь. Так что уже при первом знакомстве к Владимиру начинаешь относиться с уважением.

Кем он проснется завтра?

А дальше — больше, как говорится в одной рекламе. Вопреки ожиданиям (ведь в Победе ни удобств, ни комфорта, а

жизнь скучна и однообразна: цесарка и та одичала) оторванным от цивилизации и людей Владимир себя не чувствует. Вопрос, кем он проснется завтра, если жизнь здесь окончательно заглохнет, перед ним не стоит. Он живет и трудится в полную силу. Ведь ему сейчас всего-то чуть за 50.

В Победе у него фермерское хозяйство, свой машинный парк: несколько тракторков и сельхозагрегатов для различных работ. На подворье — птица и овцы, помещение и выпас для откорма живности, небольшая пасека. Кстати, овцы у него под присмотром электрического пастуха. Ток в электроизгороди по периметру просторного загона не убийственный, а просто чувствительный. Животные быстро освоили предназначенное им пространство, в изгородь не тыкаются и чувствуют себя вольготно и защищенно.

Что касается разгуливающей по лесу цесарки, то с ней Владимир экспериментирует: услышал, что в природных условиях эта птица охотнее выводит потомство и появляется на птичьем дворе уже с выводком подросших и окрепших цесарят.

Много внимания Владимир уделяет саду: омолаживает его, культивирует. Ну и без огорода, конечно, в деревне никак. Кроме того, он восстанавливает старые хозпостройки, коих вокруг без счета, облагораживает территорию во дворе и за двором.

Стол смастерил для вечерних чаепитий на воздухе. Качели вот для племянницы установил. Дети его учатся в Москве, дочь уже замуж вышла, сыну 20 лет. Может, и их будущие ребятишки когда-нибудь приедут сюда подышать свежим победным воздухом, отведать натуральной деревенской снеди. Впрочем, о своей личной жизни Владимир не очень распространяется, имеет право. Но судя по всему, она у него есть...

Тщетное предупреждение

Конечно, его предостерегали и предостерегают: жизнь назад не повернуть, поселок не оживить. Но он никого не слушает. Нравится ему этот заповедный край, высокое небо, пенье соловьев. А что касается удобств, то читайте и завидуйте: живет Архипов в двухквартирном кирпичном доме, выстроенном еще в совхозные времена.

Жилье добротное, строили надолго. Владимир провел в дом воду, обустроил современный санузел, душевую кабину. Газ, правда, только баллонный, но для приготовления еды хвата-

ет. Обогревается дом чудо-печкой, но будет в доме и водяное отопление.

Но бездорожье! Но глушь! Как с этим справиться? В наше время, улыбается хозяин, связь с миром держать легко. И показывает на тарелку спутниковой антенны: есть в доме интернет, компьютеры и все современные гаджеты. Так что ни о каком отрыве от жизни речи не идет.

Что касается дороги, то Владимир отдает должное местной власти и добровскому филиалу ОГУП «Липецкдоравтоцентр»: зимой грунтовку, заметенную снегом, регулярно прочищают.

В форс-мажорных обстоятельствах — да, выручают лыжи. На них Владимир добегает до поселка Культура, например, где живет его двоюродный брат, и там меняет средство передвижения на авто.

Ну а в межсезонье, через топь и дожди, вывозит незаменимый «уазик»: «танки грязи не боятся!». Благо работает Владимир посменно, наладчиком-оператором на Лебедянском консервном и не каждый день осуществляет многокилометровые марш-броски.

Из самых достоверных источников

Конечно, Архипов ничего не знает об истории поселка Победа. Тем более, как ни странно, эта история вообще покрыта мраком. Ни в администрации, ни в библиотеке о времени возникновения Победы нет никаких данных. Никакой информации нет и в интернете. Однако, конечно, не в 70-е годы прошлого века возникло поселение, как утверждают некоторые источники. И даже не в 50-е, когда могли назвать ее в честь Победы в Великой Отечественной войне. Но ведь и не в глубокой древности, откуда добыть сведения об истории поселения зачастую бывает невозможно.

Мария Кремнева, заядлая краеведка и знаток традиций, обрядов тех мест, заведующая Волченской сельской библиотекой, где работает уже полвека, и та затрудняется сказать что-то о победной истории.

Но посоветовала обратиться к жительнице Волчьего — Валентине Лисютиной, которая жила в Победе с 1952 года. И Валентина Яковлевна оказалась единственной старожилкой, которая хоть что-то могла рассказать о поселке, основанном, по ее словам, на месте хутора вблизи барского имения. О старых временах она знает от родителей, и это практически самые достоверные сведения о прошлом волченской Победы.

Речь идет, видимо, о владениях купеческой семьи Шатиловых, у которых были земли в Лебедяни, Добром, Хомяках, Трубетчине. В барское имение работать девчонкой бегала еще бабушка Валентины Яковлевны. И барин однажды подарил ей то ли косынку, то ли платочек.

По рассказам бабушки, у барина тогда были трудности с деньгами, и он расплатился с работницами чем мог. Во всяком случае неудовольствия по этому поводу бабушка никогда не высказывала...

Ультиматум

Тете Вале хорошо за 80 лет, родилась она близ Лебедяни, в селе Кочетовка. Семилетку окончила в Шовском (кстати, это родина святого Силуана Афонского, где сейчас отстроили церковь и воссоздали дом, где родился и вырос преподаватель).

Жили скудно, вспоминает женщина. Отец погиб на фронте, мать поднимала шестерых детей. И рада была пристроить подросшую Валю к старшей дочери, когда та вышла замуж и уехала в Победу.

Там девушка работала в отделении трубетчинского совхоза и тоже нашла себе мужа, местного жителя — Ивана Яковлевича. А когда достигли преклонных лет, врачи и дочери поставили им ультиматум: перебираться наконец на постоянное жительство ближе к цивилизации, а именно в село Волчье. Хоть это всего лишь центр сельсовета, однако — дороги, медицинская помощь и люди рядом.

А Лисютины всё с Победой не могли расстаться, очень ее любили. И посейчас тоскуют по ней, ведь там прошла вся их жизнь.

О странном двухэтажном здании, сохранившемся в Победе, бабушка сказала, что построено оно в 1929 году. Рядом были конюшни. Почему под склады построили два этажа, непонятно. Наверх зерно поднимали подъемниками, объясняет Валентина Яковлевна.

Жили хорошо, дружно, вспоминает она, одной семьей. Развал и разруху в Победе связывает с волной приезжих. И всё, мол, пошло наперекосяк. Что это было следствием развала большой страны, бабушка не задумывается. В ее годы это простительно. Непростительно тем, кто проворонил, по сути, и нашу большую, великую Победу, что уж тут говорить о маленьком заброшенном лесном поселке, где, тем не менее, еще продолжается жизнь...

В своем романе «Победа» Чаковский много размышляет о том, что в противоборстве двух систем — социализма и капитализма — победит, конечно, социализм. Мы выиграли войну, выиграем и мир, был уверен он. Всё оказалось гораздо сложнее.

История вообще перевернула всё с ног на голову. И взявшийся за такую сложную непроглядную тему, как послевоенное мировое устройство, Чаковский и предположить не мог (а кто — мог?!), что с капитуляцией Германии война против СССР не закончилась. Что она продолжится и приведет мир и страну к сегодняшнему обвалу, когда все мы прячемся по своим катакомбам и боимся выйти на улицу...

Кто победит в этой войне и когда? Во всяком случае Владимир Архипов за свою Победу стоит твёрдо, как наши деды и прадеды стояли за нашу общую Победу. Скоро уйдут последние из них и уйдут победителями. Ну хоть в этом они не успели разувериться. Во всяком случае почти все...

г. Липецк

АМУРСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ

РАССКАЗ

Точно уже не помню, с какого конкретного дня, но тянется моё знакомство со Славкой Бурляковым из богатого на приключения и происшествия детства. Никогда в закадычных друзьях мы с ним не значились, но кучковались в одной ребячьей ватаге, объединённой по месту проживания в портгородке. Частенько под впечатлением просмотренного фильма или прочитанной книги наша дворовая компания делилась на две противоборствующие стороны, которые вступали между собой в отчаянные баталии: сражались на замастряченных из подсобного материала «мушкетёрских саблях времён Людовика XIII», «пополняя индейские племена Сиу и Апачей», устраивали стрелковые дуэли на самопальных луках и томагавках (слава богу, обошлось без серьёзных травм), зимой и летом гоняли мяч на спортплощадке, которую в нынешнее коммерческое время занял магазин.

Славка в юные годы проявлял атаманские задатки, выделялся среди нас, тогда всех без исключения сорвиголов, особой отчаянностью и безбашенностью: в городском пар-

ПРОЗА

ке палил по мишеням из самодельного пугача зарядами из серы и проволоки; дрессировал отловленную им гадюку, собираясь превратить её в танцующую факирскую змею; как-то без всякой страховки забрался по балконам на четвёртый этаж многоквартирного дома, чтобы помочь товарищу попасть в собственную же квартиру.

Но укатали сивок крутые горки, вправили нам учителя из школы №13 и сама жизнь мозги на место, остепенились ребята из дворовой компании, позаканчивали техникумы-институты, обзавелись семьями, поразъехались.

Со Славкой, извините, нынче Владиславом, а для кого уже и Владиславом Павловичем, пересекаемся мы и теперь. При встречах обязательно «здоровкаемся». А если никто не несётся галопом, разрешая постоянный круг важных жизненных проблем, то бывает, перекинемся парой-тройкой фраз, так, ни о чём, о сущих пустяках, но обязательно расспрашиваем друг друга о друзьях детства, о тех, кто выпал из кругозора: как там у них, всё ли срослось-сложилось?

А тут столкнулся я с Владиславом нос к носу накануне Дня рыбака, и, понятное дело, слово за слово, завязался у нас разговор о рыбной ловле. Товарищ оказался докой, освоил рыбацкое дело от и до, и выяснилось, что нынче в свободное от работы время пропадает на Амуре.

Бурляков так мастерски и заразительно разглагольствовал о превратностях рыбацкого дела, в таких живописных деталях и подробностях поведал о некоторых своих открытиях, сделанных на реке во время хода лосося, что ненароком обмолвился и я, что тоже не против был бы забросить сетку: «А то, что получается?! Я в третьем поколении нижеамурец, можно сказать, абориген здешних мест и должен по всем понятиям быть с рыбой на «ты». Но вот не сложилось. С удочкой ещё куда ни шло, а мой рыбацкий опыт по «красной» рыбе просто смехотворен. А ведь одно дело — приобретённая с рук горбуша или кета, а другое — сам процесс!»

Завернул я так беседу, скорее всего, поддавшись эмоциям, ради поддержки разговора и где-то в порядке самокритики, как местный житель, не освоивший настоящих амурских привычек. Но только заикнулся о рыбалке, как сразу встретил заинтересованный отклик и полную душевную поддержку приятеля:

— А почему бы и нет! Чего там: посидим, молодость вспомним! У меня возле посёлка Субботино конкретное «нагретое» место!

— Замечательно, — без особого воодушевления заметил я, не ожидая такого резкого перехода к практическому реше-

нию рыбацкого вопроса, и заявил с некоторой неопределённостью: — Вот с работой надо бы уладить.

Но Бурляков вцепился в меня мёртвой хваткой, проявив настоящие рыболовные качества, где главное, чтобы добыча заглотила наживку, подседа на крючок, а вывести её на бережок — это уже вопрос второстепенный и легко решаемый, тут, где надо, дай чуток слабины, а в остальном всё наматывай и наматывай на себя лесу.

— В субботу работаешь? — начал допрос Владислав.

— Да, да! В школе уроки, — обрадовался я найденному поводу увильнуть в сторону, сойти с крючка. При этом разочарованной гримасой и выдохом с сожалением, показывая некую свою обречённость: «Вот же собирался! В кои-то веки! Хотел поддержать компанию, но не сложилось. Может, как-нибудь в следующий раз...»

— А в воскресенье? — проявил настойчивость приятель.

— В воскресенье? — задумался я, и когда неопределённую паузу тянуть уже было невозможно, вынужденно признал легко проверяемый и давно сложившийся режим работы отечественных школ. — В воскресенье, естественно, не работаю.

— В субботу вечером рванём! С ночёвкой, — подвёл итоги нашим недолгим сборам Бурляков.

«Вот же заикнулся, а теперь идти на попятную, отказываться от своих слов — было бы выглядеть в глазах товарища несерьёзным человеком», — сокрушался я, не высказывая свои мысли вслух. Но делать нечего, я ещё раз обречённо вздохнул и включился в обсуждение нюансов, связанных с организацией грядущей рыбалки.

На всякий случай перед самым расставанием поинтересовался у приятеля:

— У тебя лицензия до какого срока?

— Какая ещё лицензия? На отлов горбуши, что ли? Да чтобы я — лицензию?! — завёлся с полуоборота Бурляков. — На родной реке?! Ни в жизнь! Это кто же на меня ограничения наложил?! По какому праву?! У кого я ещё должен разрешения спрашивать? Из принципа не буду!

Конечно, после таких заявлений Бурлякова мне, как законопослушному гражданину, не помышляющему идти ни на какие нарушения, надо было сразу откланяться и делать ноги: «Извините, но такая рыбалка чревата всякими последствиями. Нет тут вам никакого моего согласия».

Но эта же дружба — с детства! И хранятся у нас до плешей во всю голову перед ней какие-то непонятные обязательства! Присутствует вдобавок в человеке некоторая черта или свойство характера, когда он, не желая обидеть, подвести сотовав-

риша, отказывает себе в праве категорически мыслить, уже и сам обрекает себя быть втянутым в сомнительное предприятие. А Бурляков ещё и подначил, резанув по живому:

— Что-то я тебя не узнаю! Ты чего менжуешься-то? Ты кого боишься? Мы у себя дома! Что, был-был герой да спёкся?!

— Да в принципе-то я не боюсь, — поддавшись на провокацию, захохотился и я, выказывая тем самым поддержку доморощенной «пугачёвщине».

— Ну, так я за тобой в субботу заеду, часикам к семи, — пообещал напоследок Владислав.

В угоду дружбе детства как-то рассорился я со сном в оставшиеся дни до рыбалки. Выползли из дремучих глубин подсознания страхи и переживания: «Это как же так, в одночасье заделался я махровым браконьером? Узнают на работе, это что же будет...» В последнюю ночь перед рыбалкой всё-таки сморило ненадолго.

Сколько ниточке ни виться, а с печальным концом придётся мириться! Сколько вору ни воровать, а расплаты не миновать! И поделом.

В большом зале суда, набитом до отказа возмущённой толпой, со скамьи подсудимых я что-то мямлил невразумительное себе в оправдание.

— Ну что, попался?! Позор ему! Да это же перевёртыш! Вшивая интеллигенция! Хамелеон! — раздавалось из зала, который не скупился на скорые обличительные вердикты, напрочь забыв добрые слова. — Как он ловко маскировался! Закрался в наши ряды! Враг народа!

Долгое время никак не пытавшийся успокоить зал и даже покровительствовавший его оголтелости и кровожадности, устремив на обвиняемого суровый безапелляционный взгляд и всем своим видом утверждая неотвратимость скорого сурового наказания, наконец, взял слово главный судья. Указав на меня своим праведным перстом, он обратился к собравшимся:

— Что будем с ним делать?

Лишь ненадолго стихнув, вновь накалился страстями зал:

— Нечего с ним церемониться!

— Нельзя такое больше терпеть!

— К высшей мере!

— Понятно, что высшая! А какая? — уточнил слуга Фемиды.

— Пули ещё на него тратить?! Четвертовать к едреной фене! — тут же выкрикнул какой-то особо справедливый заседатель.

Публика в зале тут же одобрительно закивала:

— Четвертование! Четвертование...

Не дождавшись чтения приговора судьёй (а чего там, и так понятно!) два бугая, подхватив меня под белые ручки, повели из зала напрямик к месту казни. Кто-то особенно «сердобольный» и «жалостливый», в глазах кого приговорённый, то бишь я, наверное, выглядел таким счастливым и веселым, злобно бросил мне в спину:

— Это он ещё легко отделался.

После такого безрадостного сна без всякого воодушевления и настроения, пакуя рюкзак, я обречённо думал, что втягиваюсь в большую авантюру, переступаю опасную черту, делаю шаг в бездну... Но, как подневольный и загипнотизированный, не мог повернуть дело вспять, принимал грядущее как злой рок, как неизбежное, а в назначенный срок сгрёб вещички и направился к выходу, в последний раз сиротливо окинув взглядом квартиру: вернусь ли, нет ли, пусть не богатая обстановка, но всё оказывается такое симпатичное, привычное... Можно сказать, родовое гнездо. Теперь же всё потеряешь, и было бы из-за чего... обидно... и грустно...

В тот вечер, выйдя из дома, я на всякий случай огляделся у подъезда: может, уже, кому следует, догадались и устроили засаду, чтобы пресечь на корню преступные поползновения, или установили слежку, но ничего такого подозрительного не заметил. Скорее всего будут брать с поличным... — мелькнула мысль, и я поплёлся к автомобилю.

В отличие от меня на улыбчивом лице Владислава не было и намёка на какие-то угрызения совести и терзания души. Небрежно сунув мой рюкзак в багажник и шумно хлопнув крышкой, будто выстрелив из стартового пистолета, он погагарински командовал:

— Поехали!

За окном мелькали очертания такой привычной и размеренной жизни, за которую уже невозможно было зацепиться и откуда меня резко вырвали и увозят в тартарары. Необъезженные и непослушные мысли катались кубарем, таранили друг друга, бились о черепную коробку: рушилась вся моя будущность, перепутались и ломались грандиозные планы, «вживую» горели несостоявшиеся перспективы...

Словно несовершенный робот, словно заводная, но малофункциональная машинка (куда направили — туда и пошёл), бестолково суетился я на берегу, делая всё невпопад, больше путаясь под ногами у рулившего процессом Владислава. Рассудок же всё скребла и занимала одна мысль: «Скоро всё закончится! Нас неминуемо настигнет справедливая кара!..»

Бурляков, по-видимому, списывая мою нерасторопность на отсутствие всякого рыбацкого опыта, лишь незлобно под-

шучивал и в итоге по моим способностям при постановке сети отвел мне место на вёслах, указав курс на возвышавшуюся над окружающими деревьями ель. И я во всю мощь длинных рук включился в рыбацкую эпопею, борясь с небольшим течением, грёб на природный ориентир, словно желал вырваться из вражеского плена и спрятаться под его вечно-зёлёной кроной.

А между тем сетка была благополучно натянута. Створы определены. И всё нам пока сходило с рук. А потому устал бояться и я, стали постепенно улетучиваться куда-то мои страхи.

Оглядевшись по сторонам, заметил, что жизнь продолжается, причём наполнена разнообразными явлениями. Щедрое солнце на прощание богато дарило летнему дню аметисты и сапфиры, оттопырь только карманы, да подставь рюкзаки — насыплет всем желающим сокровищ до самых краёв, в каждую складку-прореху, в любую ёмкость-посудину. Видно, дождавшись урочного часа, массово полетел в сверкающее царство мотыль-подёнка. То ли лишь забавы ради, то ли в погоне за легкокрылыми мотыльками-бабочками, завывпрыгивала из воды, подставляя чешуйчатые бока закатному солнцу, рыбная мелочёвка — чебаки да пескаррики.

Так уж, наверное, устроен человек: всё время находится в поисках смыслов жизни — никак не может найти золотой середины и хрупкого равновесия. Радость без меры и долгую удачу начинает воспринимать как должное и обыденное: что имеем — не храним, потеряем — плачем; долгое же пребывание в состоянии угнетённости и подавленности в итоге порождает у него сопротивление и бунт: не верь судьбе — спасение в борьбе. Так любые наши чувства: хочешь не хочешь, но когда-нибудь одно из них обязательно ослабевает, и на смену ему приходит противоположное.

— Для снятия стресса! — вытащил Владислав из багажника стеклянную ёмкость, наполненную согревающей жидкостью.

— Да уж, — буркнул я, ещё без особого энтузиазма и оптимизма.

Но товарищ, держа бутылёк в вытянутой руке — «большое» лучше видится на расстоянии — тут же закрепил свою недавнюю мысль новым аргументом:

— Все лучшие лекарства на ней настояны! А для наших северных параллелей без неё никак нельзя! От ревматизмов всяких и для расширения сосудов!

— Давай по одной, — согласно махнул я рукой.

— За День рыбака!.. — прозвучал тост.

Первая обожгла дыхание, прокатилась по горлу и ухнула с горки, как в пропасть, а вторая уже не сгнула совсем, отозвалась, загорячила кровь, осветлила ум.

— Сегодня негласный закон: рыбинспекция нас, рыбаков, не трогает — тоже чит праздник! — припозднился с ободряющей новостью для моих недавних терзаний товарищ, но тут же внёс поправку: — Но это лишь наши местные охранники понимают. В это же лето пришлых контролёров понаехало. У них другие законы и порядки. Макли свои наводят. Но ты не дрейфь, если что, отобьёмся!

— А кто дрейфит? Я, что ли?! — неожиданно заартачились во мне принятые миллиграммы.

— А помнишь, как ты хмырю с межрайбазы, Прыщём его, кажись, звали, рожу начистил? — неожиданно вспомнил приятель подробности моей далёкой биографии.

Моё лицо, наверное, на короткое время превратилась в обескураженную физиономию: не путает ли меня с кем-то Владислав? Может, кто другой тогда в детстве отличился? Во всяком случае выпал из моих прошлых мысленных записей тот день. Но память же имеет такие свойства — тут же нашёл я себе в оправдание: кому-то дано помнить все перипетии юных лет в мельчайших подробностях, у кого-то бывшее вспоминается полосами: просвет — туман — просвет, а у иного полная «амнезия», начисто стираются все детские годы. А потому, чего тут ломаться, набивать себе цену. Если товарищ помнит, то так оно и было. Не стал я отнекиваться, отчего-то даже размял-потёр тыльную часть правой кисти, будто после той давней драки ещё побаливает какой-то суставчик и, осознавая, что в глазах товарища я наверняка сейчас выгляжу геройски, таким авторитетом, признал, смакуя слова:

— Нельзя было тогда не ввязаться! Получил этот гад по полной! И было за что!

Владислав смотрел на меня с явным одобрением, а я, самоощущаясь, «рос» в собственных глазах. И уж ответный вопрос, так поворачивался разговор, был за мной. Поинтересовался у приятеля первым, что вспомнил из детства:

— Слав, а тогда, помнится, ты гадюку тренировал — танцевать её пробовал научить, кажется. Получилась что-нибудь или нет?

— А куда она денется! Наши змеи лучше всяких факирских кобр могут плясать! Такая музыкальная и талантливая оказалась гадюшка! Вприсядку по кругу ходила и даже подпрыгивала! «Барыню» или «Камаринскую» легко выдавала! — не моргнув глазом, на полном серьёзе, и поди догадайся, а вдруг и в самом деле не врёт, заявил Владислав.

Владислава потянуло на воспоминания. Он травил байки. Разинув рот и забыв про недавние страхи и браконьерские заморочки, я слушал и, где нужно, вставлял своё правдивое слово. Нашлись ещё тосты и поводы. Спиртное бродило по своим законам, вытаскивая из закоулков мозга всякие интересные мысли. Набирая обороты, закрутилась карусель разговора, но всё больше сводился он к одному и тому же: мы ещё не выпали из обоймы! Мы ещё такое можем!

— Молодец, что вытащил меня на рыбалку! — искренне подвёл я первые итоги амурского вояжа.

— Да ты же нашенький! Местный! Давай ещё по одной за Амур! Вон он какой! — обвёл рукой сотоварищ необъятные просторы реки.

— За Амур! Святое дело! — поддержал я Владислава.

— Первый тайм, — после тоста в честь великой дальневосточной реки, не закусывая, Владислава неожиданно затаял песню, — мы уже отыграли!

— ...И одно лишь сумели понять! — я вовсе не солист-песенник, но не растерялся, без предварительной спевки, с ходу поддержал товарища.

Надо же, и оказалось: большинство слов этой замечательной песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова мы помнили, и исполнение выдали подобающее. Да кто нас осудит, кто заругает, от души ведь пели, дурака не ломали, а потому без всякой внутренней фальши. И настроение самое расчудесное! Как здесь не спеть?!

— Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять... — тянули мы вместе, обратившись к могучей реке. И мудрый Амур прекрасно нас понимал, не глушил песню, а даже аккомпанировал, давал с малой волной нужную мелодию, которая только подчёркивала всплески наших рыбацких душ.

— Не пора ли нам проверить сеть? Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть! — после музыкальной паузы вернулся к рыбацким заботам товарищ. — Рассчитывать, правда, на удачу особенно не приходится, я уже тут неделю караулю — краснопёрка и конёк залетают поодиночке, а горбуши хотя бы хвост словить — пусто. Затягивается ход, где-то в морях краснорыбица ещё гуляет. Но придёт время — попрёт валом!

Видно, время пришло! В награждение за долгие ожидания с самого края сети Владислав вынул две горбуши. А потом пошло — поехало! Освобождённые из капроновых ячей рыбы-серебрянки одна за другой плюхались в лодку. Даже ночью поблескивали чешуёй, прогибались упругими телами, искали возможность вернуться в родную стихию.

— Ну, ты и фартовый! — восторженно сделал вывод приятель в отношении моей случайной для рыбалки персоны. — Во прёт-то! Ну ты даешь! Угадал! Выехал под самый ход!

Здорово мнить себя фартовым! А в принципе: кто бы сомневался! Может, я залог рыбацкой удачи, талисман успешного лова, ко мне рыба сама в руки идёт?! Всякие другие мысли, что вроде со мной такого раньше не случалось и нет никаких предпосылок думать о своей особой везучести, я уверенно гнал прочь. Чего тут сомневаться и голову ломать, со стороны-то виднее! Может, я до сих пор не те ставки в жизни делал, не развил, не использовал как следует свой дар и предназначение! Может, моё дело рыбалка, обниматься и милиться с рекой, бесконечно встречать утренние и вечерние зорьки...

После первой проверки сети затаренный под жвак мешок с рыбой мы спрятали в прибрежных зарослях, так, на всякий случай, чтобы не иметь при себе никаких улик. И, видно, сторожились не зря.

Мы только собирались продолжить разговор за жизнь, как слышали шум мотора. Показавшийся вскоре катер держал курс прямо на нас. Однако метров за тридцать от берега лодка остановилась.

— Пришлые! Ищут, где бы пожить, — каким-то внутренним чутьём определил Бурляков и вдруг сорвался с места, подошёл к самой кромке воды, присел, выкинул коленце, привстал, прихлопнул в ладоши и, выбросив руку вперёд, запел частушку:

*Коли не было б воды
Не было б и сетки!
Все инспекторы на речке —
Сплошь марионетки!*

Конечно, если задуматься на трезвую голову, то частушка прозвучала каверзная и никуда не годная. Но где её тогда было нам взять на рыбацком берегу, эту трезвую голову! Не существовало тогда для нас ни цензоров, ни редакторов! Это был смелый шаг! Дерзкий вызов от имени всего нижеамурского рыбацкого сообщества! Товарищ бросил перчатку! Но, оказалось, никто не спешил её поднимать. Инспекция, или кто там был в лодке, ни бе, ни ме, ни кукареку, ни в зуб ногой, ни назад, ни вперёд, чего-то выжидая, застыли на месте.

Владислав же поймал кураж: вот мы — молодцы какие, обвели вокруг носа охранную службу! Да вдобавок сразили, укололи, и всё нам нипочём! — выдержав лишь небольшую

паузу и повторив нехитрые телодвижения-кульбитцы, запел новую частушку:

*Рыбинспектор, как жар-птица,
Ему дома не сидится!
Голова болит с утра...*

Тут товарищ, не сумев с ходу подобрать нужную рифму, на пару секунд замешкался.

— Там извилина одна! — неожиданно для себя выручил я Владислава из солидарности, отчего-то также невзлюбив рыбоохранную службу, и вслед за приятелем пустился во все тяжкие, обнаруживая тем самым, что, оказывается, во мне до поры до времени спал самый злостный браконьер.

Хотя, если по правде разобраться, чего там придираются, обвинять рыбинспекцию? Они те же люди, что и мы, — рыбаки, о двух руках и двух ногах, выполняют свои обязанности. Не было бы рыбной охраны, так такой разгул был бы на реке, и ещё неизвестно: осталась бы там хоть какая-то рыба!

Охранники, или кто там был в лодке, наверное, покрутили пальцем у виска в наш адрес или просто отсмотрели бесплатный концерт, но с нами выяснять отношения не стали, предпочли ретироваться.

Для нас же, полных сил продолжить концертное выступление, такой демарш добровольного зрителя был полной неожиданностью. Вдобавок прямо-таки чувствовалось, что муза — вот она, рядом витает и с нами нынче запанибрата, потому вдогонку уходящей лодке раздался ещё один разительный куплет:

*Я русалочку словить
В сеточку пытался,
Рыбинспектор проезжал —
Только хвост остался!*

— Да ну их! Давай лучше споём нашу любимую! — предложил Владислав, когда объект для критики отгудел-отзвучал на широкой амурской дороге.

— Давай! — свёл я брови, напряжённо вспоминая: какая же эта наша лучшая песня?

— Первый тайм... — завёл товарищ.

— Мы уже отыграли!.. — подхватил я.

На весь этот рыбацкий день сроднились мы с рекой, на своём генно-аборигенном уровне отстаивая право на лов рыбы. Не терзая больше душу напрасными сомнениями,

находил я себе оправдания: «Мы здесь, можно сказать, в научных целях, для исследования процесса рыбалки. Наши предки рыбачили, отцы и деды, а мы чем хуже? Не на продажу же. Для себя. Покушать, угостить знакомых-родственников. Не разбогатеем, не озолотимся. Лишь возьмём свой пай с высокого замеса, где стараются не для кого-то, а для всех, для народа. Ведь у нас здесь, на Северах, на Нижнем Амуре, никаких больше привилегий перед жителями других губерний, кроме двухэтажных снегов, жгучих морозов и лососёвой рыбалки».

На всякий случай, если вдруг нашим выездом на Амур заинтересуются рыбоохранные органы, то воспринимайте это моё признание как явку с повинной. А повинную голову меч не сечёт! Хотя чего это я? Владислав какой год держится на одних принципах и не сдаётся! В общем, не будем мы проявлять малодушие. Такое наше будет последнее слово: всё это сочинено только для красного словца, так, чтобы себя потешить. Вся эта история про рыбалку — один лишь художественный вымысел! Сами же понимаете: чего только не придумаешь за долгую зиму, ожидая короткого северного лета. Хотите, у Владислава спросите, он подтвердит, расскажет всё как надо — правильно, а больше никто с нами не рыбачил, нет больше свидетелей.

г. Николаевск-на-Амуре Хабаровского края

НЕВЕЗУХА

РАССКАЗ

Шестисоточные земельные участки дачного поселка раскинулись по покатоному берегу мелководной речушки. На другом берегу — километрах в пяти — уютно расположился тихий городок, где проживают счастливые владельцы дачных участков. Этот год у них выдался урожайным на огурцы.

В субботу жена Анатолия Андреевича затеяла консервировать овощи в стеклянных банках, называя их «закатками». Ближе к вечеру обнаружилось, что накануне привезенные с дачи огурцы закончились, а подготовленных банок, укропчика и прочей зеленушки еще закатывать и закатывать. На старенькой семейной «шестерке» смотаться на дачу и обратно — полчаса дела, и жена погнала Анатолия Андреевича за недостающими овощами.

Загрузив полный багажник пластиковых ящичков с огурцами, Анатолий Андреевич отправился в обратную дорогу и, уже подъезжая к городу, обнаружил, что топлива в бензобаке на самом доньшке. Пришлось свернуть на бензозаправку.

Скупой дождик, брызгавший с перерывами весь день, к вечеру

ПРОЗА

окончательно рассеялся, только мелкие дребезги радуги плавали в воздухе, и мокрая листва отливала багровым глянцем в лучах заката.

Толстая и неуклюжая, как водолаз, молодая заправщица в синем комбинезоне вытащила «пистолет» из лузы бензобака, со скрежетом завинтила крышку и махнула рукой Анатолию Андреевичу — отъезжай.

Анатолий Андреевич запустил двигатель и тут же грязно-голубой «Опель» едва не въехал в багажник «шестерки». Бритый наголо, в сползающих на ползадницы спортивных штанах с бело-красными лампасами из «Опеля» выскочил водитель и, прыгая через мелкие лужи, понесся к кассе заправки.

Анатолий Андреевич врубил первую передачу и уже собрался помалу отпускать педаль сцепления как через зеркало заднего обзора заметил, что из «Опеля» осторожно выбралась девица в рваных на коленях джинсах и на четвереньках быстро передвигается к его машине.

— Давай-давай, погнали! — торопливо произнесла девица, забравшись на сидение рядом с водительским и постукивая своим тугим кулачком по сухому колену Анатолия Андреевича.

Когда выехали на дорогу, Анатолий Андреевич отважился спросить.

— А куда едем?

— Туда, туда! — махнула рукой непрощенная пассажирка, не отрывая взгляда от заднего окна. — Сейчас будет поворот влево, на промку.

— Туда я не поеду, там дороги нет, — возразил Анатолий Андреевич.

— Да мы за поворотом постоим пока тот толстожопый по главной проскочит, — сказала девица и стала озабоченно копаться в своей сумке из лакированной морщинистой кожи, приговаривая: «Вот невезуха, блин!»

Анатолий Андреевич повернул налево. Промкой называли развалины ремонтно-механического завода на окраине городка. Завод прекратил свое существование лет пятнадцать назад и от дороги здесь остались только корявые обломки бетонных плит с ржавыми щупальцами арматуры да пористые блины асфальта. Вдали, за тощими деревьями с драными полиэтиленовыми пакетами на рогатках сухих веток, горбился облитый кровью заката черный скелет цехов бывшего завода.

— Всё, дальше не поеду, — твердо объявил Анатолий Андреевич и заглушил машину на небольшой площадке. Дальше тянулся кряж мусорной свалки.

Не услышав Анатолия Андреевича, девушка продолжала рыться в своей торбе, приговаривая: «Вот невезуха, блин».

Невезухе — так мысленно окрестил самозваную пассажирку Анатолий Андреевич — на вид было не больше двадцати пяти лет. Сиреневый ежик на небольшой головке, тонкая шея в голубых жилках, чистое личико с легким макияжем, маленькая острая грудь под желтой футболкой, розовые в пупырышках колени в растрепанных прорезах голубых джинсов, черные желуди ногтей на длинных пальчиках, на указательном — дешевый перстенок.

— Что-то потеряла? — участливо спросил Анатолий Андреевич.

— Да сигареты забыла в машине того козла вислобрюхого, а курить охота до припадка. Вот невезуха, блин!

— Возьми там, в бардачке, — кивнул Анатолий Андреевич.

Невезуха достала сигареты и сразу закурила, протянула пачку Анатолию Андреевичу. Он решительно мотнул головой:

— Бросил.

— Ну и молодец. Тогда я себе возьму, — Невезуха сунула пачку в свою сумку.

— Вообще-то в моей машине не курят, — буркнул Анатолий Андреевич.

— Да ладно тебе! — Невезуха игриво толкнула локотком Анатолия Андреевича. — Я окошко приоткрою, а то у тебя всё здесь огурцами провонялось. Торгуешь?

— Нет, сам ем. А ты что — от мужа бегаешь, что ли?

— Какой, блин, муж?! — возмутилась Невезуха. — Да я его знать не знаю! Попросила до города подбросить, а он приставать стал. Говорит: поедem ко мне на квартиру, а то я в машине не люблю. Знаю я эти квартиры! Приедешь, а там еще двое...

— Мне ехать надо, — тоскливо перебил Анатолий Андреевич.

— Да не парься ты, расслабься! — Невезуха цепко обхватила колено Анатолия Андреевича своими птичьими пальчиками. — У тебя презик есть?

Анатолий Андреевич дернул плечами, будто кто-то неожиданно толкнул его в спину. Невезуха вздохнула, заглянула в зев своей сумки и разочарованно произнесла:

— И у меня кончились, а без презика я не могу. Вот невезуха, блин!

Вдруг в кармане куртки-штормовки Анатолия Андреевича припадочно затрясся и загундосил мобильный телефон. Звонила жена. Анатолий Андреевич ответил: «Да я тут на за-

правку заехал...» и вышел из машины. Поговорив, вернулся на свое место, раздраженно бросил телефон на панель.

— О-о-о, какая навороченная мобила! — покачала головой Невезуха и стала рассматривать телефон. — Хорошие бабки на огурцах поднимаешь?!

— Да это мне жена на юбилей подарила, — простодушно признался Анатолий Андреевич.

— Так ты уже юбилей отмечаешь?! — удивленно воскликнула Невезуха и чмокнула Анатолия Андреевича в нежную лысину. — А по виду не дашь! Какой-то ты весь кругом благополучный: юбилей отпраздновал, презервативами не пользуешься, огурцами питаешься! А тут, блин, сплошная невезуха, куда ни кинь.

Анатолий Андреевич включил заднюю передачу и стал разворачивать машину. Но вдруг «старушка» хрустнула суставами, перекособочилась и заглохла. Анатолий Андреевич вышел из машины — левое заднее колесо прочно село в глубокую яму между обломками бетона. За спиной возникла Невезуха с поникшей сигаретой в обиженно оттопыренных губах.

— Надо поднимать, чтобы под колесо что-нибудь подсунуть, — виновато объяснил ситуацию Анатолий Андреевич. — А домкрат на дне багажника, придется огурцы вынимать.

— О-о-о, да мы тут до полуночи торчать будем! — раздраженно произнесла Невезуха и выплюнула сигарету.

Анатолий Андреевич вздохнул и стал вынимать из багажника ящики с огурцами. Добрался до домкрата и посмотрел по сторонам. Невезухи нигде не видеть.

Уже первая яркая звезда прокололась на зеленоватом холсте небосвода и сиреневые пряди тумана уже вплелись в черные ветви деревьев, когда Анатолий Андреевич выбрался на своей «шестерке» на твердь.

Первым делом бросился звонить жене, но телефон не обнаружился ни в кармане куртки, ни в машине.

Вполголоса пробубнив себе под нос короткое предложение из слов, заканчивающихся на мягкий знак, Анатолий Андреевич принялся перетаскивать ящики к багажнику машины. И в этот миг его ярко осветили фары авто, выехавшего с главной дороги.

Нос к носу с «шестеркой» резко затормозил грязно-голубой «Опель». Из машины, не торопясь, выбрался хозяин, подтянул на выпуклый живот спортивные штаны с красными лампасами, махнул рукой:

— Эй ты, перехватчик, погоди овощи грузить, сейчас я ими буду тебе геморрой лечить.

Анатолий Андреевич уронил ящик, несколько огурцов вывалилось на дорогу. Хозяин «Опеля» подошел поближе к Анатолию Андреевичу, раздавил кроссовкой один огурец, другой поднял, вытер о штанину

— Где эта соска?

Анатолий Андреевич пожал плечами.

Спортивный малый с хрустом стал есть огурец и говорить:

— Я ее на повороте снял. Она потребовала вперед заплатить. Я заплатил. А на заправке пока к кассе бегал, она к тебе переметнулась. Что будем делать?

— Так она исчезла, — тихо произнес Анатолий Андреевич.

— Ясное дело! — согласился мужик. — Но кто мне теперь возместит моральный и материальный урон?

— Да у меня только на бензин было... — промямлил Анатолий Андреевич.

— Так ты что, огурцами ей заплатил?! — рассмеялся пузан. — Короче, грузи свои ящики в мой багажник. Теща всю неделю талдычит: привези огурцов для консервашки...

Когда ящики с огурцами Анатолия Андреевича просторно расположились в большом багажнике «Опеля», спортивный парень сел за руль и подобревшим голосом спросил:

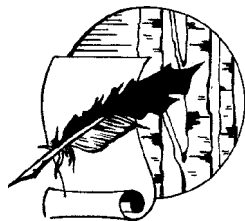
— Что с машиной? Может, дернуть?

Анатолий Андреевич энергично замотал головой.

Когда «Опель» скрылся на главной дороге, Анатолий Андреевич сел в свою «шестерку». Снова стал накрапывать дождь. Анатолий Андреевич включил «дворники» — они остались неподвижными. «Кругом невезуха, бляха-муха!», — пробубнил себе под нос Анатолий Андреевич и врубил первую передачу.

У въезда на главную дорогу притормозил, посмотрел по сторонам. Чуть поодаль от перекрестка, под фонарем, стоял грязно-голубой «Опель» с включенными стоп-сигналами. Через дорогу к «Опелю» по дождю бежала девица в желтой футболке, с сиреневыми волосами.

г. Луганск (ЛНР)

**СТИХИ
ПОЭТОВ ДОНБАССА**

Александр РАК

КОВЧЕГ

Когда падут последние руины
И прозвучит из Минска трубный глас, —
От берегов злосчастной Украины
Отчалит окровавленный Донбасс.

С Ковчегом первым был Господь в ударе,
Я думаю, и с этим будет «гут»...
Вот только в этот раз не надо — тварей.
Они потом и сами набегут.

СЛЕВА ГАДЫ, СПРАВА ГРАДЫ...

Слева гады,
Справа «Грады»,
Рикошет от автострады,
Позади мосток дымится
Над речушкою степной —
Станут мелкими преграды
И ненужными награды,
Если вдруг умолкли птицы,
И в груди и в небе — зной.

И лежит в степи солдатик —
Что с того, «укроп» ли, «ватник» —
Есть в груди его осколок,
Мамка есть, да нету ног.
Впереди и сзади танки —
Не дойти ему до мамки.
Был солдат... Теперь останки.
...А над всем над этим Бог.

Рядом танк — стоит, не катит.
В танке тоже был солдатик —
Что с того, «укроп» ли, «ватник»...
Был вчера ещё солдатик,
А сейчас костёр чадит:
От безногого болванка
Прилетела в башню танка —
Расскажи ему, начальник,
Что железо не горит.

И теперь тому, что в танке,
Тоже не дойти до мамки —
Хоть с ногами, хоть без ног...
И над всем над этим — Бог.

ДОРОГА

Снова вспомнили о махорке —
Табачок-то дороговат.
За деревнею на пригорке
Черти строят дорогу в ад.

Прирастает бедой дорога
День за днём, за верстой верста:
У чертей инструмента много —
Всё калибром поболее ста...

г. Макеевка, ДНР

Виктория ПОЛЯКОВА

* * *

Время шагнуло
решительно за полночь,
буквы дрожат
под настольною лампою,
ялик луны в чёрном
небе качается...
Час комендантский —
ходить запрещается!

В городе осени
стыло и ветрено,

листья разбросаны,
голыми ветками,
словно костяшками пальцев,
настойчиво
ветер стучит
в приоткрытую форточку.

В городе осени
горе — обыденность,
здесь отродясь
Алконоста не видели...
Сирин
призывную песню поёт —
жди воронье...

Жизнь наша в рамки
свобод не вмещается.
В городе осени
боль проявляется
списком потерь
населения мирного,
страх измеряется
взрывами минными,
ливнем осколочным,
переживанием,
Божью милостью...

Но испытания
Духа и Веры
у Господа вымолим.
В городе осени
имя за именем
жертв геноцида
войны необъявленной,
криком
разбуженной совести
явим мы
миру:
не «сотню небесную» —
тысячи!
и на скрижалях
бессмертия
высечем.

В городе осени
повод для радости —

над головою
висящая радуга...
здесь без прищуря
увидит любой
в детских глазах
стариковскую боль.

В городе осени
чудо случается.
надо
остаться людьми,
не отчаяться.
и обретём
в Царстве Божьем
спасение,
но «аз воздать»
велико искушение.

В городе осени
крестик за крестиком
я вышиваю
не платье невестино,
не гобелены
сакральные-былинны —
схиму по тем,
кто до времени сгнули...

* * *

Как тебе живётся, Каин,
Сотни тысяч лет?..
По тропе твоей ступаем
До сих пор след в след.

Для Страны не вижу «завтра» —
Высыхает Стикс.
Истину войны гражданской
В крови не найти.

Здесь вода горит, а камни
Плавятся, как лёд, —
Оказалась в Зазеркалье:
Сказка тоже врёт.

Души — в круг 7-й по Данте,
Кости — в лазарет!
Истины в войне гражданской
Не было и нет!

Волчье время зубы скалит,
На Алтарь плюёт...
И во мне, мой пращур Каин,
Кровь твоя течёт...

г. Горловка, ДНР

Иван НЕЧИПОРУК

* * *

Дышит край мой ковыльным привольем,
Пахнет воздух полынью седой.
Этот край был веками отмолен,
И вчерашнее Дикое Поле
Нынче стало нам Русью Святой.

Пробиваясь огнём и секирой
Нас дороги и судьбы свели.
Мы полпреды славянского мира
Из Донца мелового потира
Причащаемся тела земли.

* * *

Вчера обстрел — сегодня тишина,
И только ветер, бередящий клёны,
Прорвавшись в трещину разбитого окна,
Мне напевает песню утомлённо
Про то, как надоедлива война.

Мой хрупкий быт висит на волоске,
Мои волненья, как тугая роздымь...
И я смотрю сквозь дырку в потолке
На горькие испуганные звёзды,
Сжимая крест в слабеющей руке.

г. Горловка, ДНР

Елизавета ХАПЛАНОВА

ЖАТВА

Смертоносная жатва осени, приближающей «Час Быка»...
Все мы нищие, все мы босые... Но крепки и рука, и строка.
Все мы странники безнадёжные по дороге в небесный край.
И бредём к Алтарям... безбожные.

А не спрятался — погибай.

Нам привычно пером и шпагою выбирать свой
дальнейший путь.
Но взлетает Душа — не падает... если пуля достанет грудь.
Все мы держимся эфемерностью, иллюзорностью бытия...
Только б нам доставало смелости застилать свою жизнь
в поля.

Смертоносная жатва осени... Надо выдержать новый бой.
Под наркозом ли... под колёсами... не раздавлены
под пятой!
И не каменные, не свинцовые, не металлом влитые в жизнь, —
Будут розы цвести — садовые, словно символ:
«Донбасс, держись!»

Сколько жатва ещё протянется? — Всё мы выдюжим,
вот те крест!
Не бывало, чтоб Каин каялся... Но распятый-то Сын
воскрес!..
«Час Быка» невозврата точкою отмечает ладони нить.
Но Донбасса сыны и дочери, — вот те истина! —
будут жить.

ЧТО СНИТСЯ МНЕ...

Что снится в тесных домах Дамаска,
Покрытых пороха серой краской,
Таким как я, бесконечно сирым,
Прозящим крова, воды и мира?

Что снится мне посреди кварталов
Нью-йоркских хижин, бродвейских балов,
Что снится там, на Полях французских,
Когда любой говорит по-русски?

Когда в Афгане живым из боя
Ты выходил... я была с тобою.
И сны такие рождались в строках, —
Врезались в почву слова глубоко!

Войне плачу я своими снами.
Но краснозвёздное вскину зная
Великой русской моей державы!
Спасибо той, что меня рожала...

Что снится девочке из народа, —
Донбасской крепкой она породы.
Но я смолчу... а глаза ответят:
мне снится порох и пыль столетий.

ВОЙНЫ ВАЛЮТА

Памяти Арсения Павлова («Моторолы»)

Наша Жизнь — войны валюта.
С ней играетс я иуда,
Ценность понижая круто —
До немыслимых границ.
А на небе кружит ворон —
Вдовы воют дружным хором...
Проросли гнилые зёрна —
И взрастили... Аушвиц.

Меньше нас ещё на брата —
Покидают мир комбаты...
Там — парады. Здесь — награды
лягут холодом на грудь.
В люльке — сын, малышка — дочка
Не помашут вслед платочком...
Роковой осенней ночью
Отбыл он в последний путь.

Кривоногая с косою
На Донбасс идёт войною.
И, рядом могилы роя,
На крови играет пир.
Над земной непрочной твердью
Кто-то яро крутит вертел,

Чтоб обрёл своё бессмертье
Рядовой и командир.

г. Макеевка, ДНР

Анаит АГАБЕКЯН

ГОРОД...

Город, лишенный надежд и отдушин,
сгорблен, сплетением улиц задушен.
Мимо наростов из камня и стекол
время бесцельно идет самотеком.

Город болезненно-серый в удушье
бьется в конвульсиях раненой тушей,
пригоршню гордости будто рассыпав,
стал он доступен ветрам ненасытным.

Крохи тщеславия смыло дождями,
город клаксонами суетно мямлит,
но от того, что все почести — первым,
взвинчены высоковольтные нервы...

Всюду засилье заржавленных истин,
воздух и тот обреченно-охристый —
город во власти тумана-воришки
больше не верит ни правым, ни пришлым.

Бог не спасёт и не выручит случай —
город утратами крайне измучен,
только живет, несмотря на потери,
чья-то любовь рудиментом на теле.

г. Донецк

Александр КУРАПЦЕВ

* * *

Она пришла в твой дом,
и дом стоит пустой,
и дом идёт на слом,
и Город Золотой

ржавеет на глазах,
не видный никому,
и ангелы скользят
в тумане и дыму.
Сквозь камуфляжный сон,
сквозь битое стекло
течёт багровый сок
окостеневших слов:
Она слепа, глуха,
Она и здесь и там
наощупь, наугад
бредёт по черепам,
И не хватает сил,
(сидит в тебе, во мне)
вслух не произносить,
не думать о Войне.

п. Старобешево, ДНР

Константин КОВАЛЬ

ДЕТЯМ ГОРОДА ДЗЕРЖИНСКА

Вы превратились в однодневных мотыльков,
Живущих мимолетным настоящим,
Познавших холод ночи и огонь,
Не творческий и жизни не шадящий.

Не в лампах он горит, не в фонарях,
И ладанным теплом во тьме не дышит,
Но сеет разрушение и страх,
Когда летит из гаубиц на крыши.

Не звездами очерчен потолок,
Убежище в осколочных раненьях.
Дождется ли рассвета мотылек,
Молящийся в подвале о спасенье?

г. Дзержинск (Торецк), ДНР

Виктор ПОЛУПАН

СТИХИ

Стихи я строил, точно роты,
ночами, сидя у стола.

Война и в жизни, и в работе,
как допинг, для меня была.
Когда, на судьбах ставя меты,
вокруг хозяйничала смерть,
мне так хотелось всё заметить
и так хотелось всё успеть.
Откуда бралось вдохновенье,
мне не понятно до сих пор,
но мчались, словно враг, мгновенья,
в меня стрелявшие в упор.
Порою, понимая слабо,
зачем, как в бой, веду я их,
я был начальником генштаба
на фронте для стихов своих.
Я знал, что никакие беды
меня не остановят, и...
И верил в нашу я победу,
стихи. О, воины мои!

* * *

В моей тетрадке чуть примятой
всегда, как часть меня, со мной
стихи, пропахшие не мятой,
стихи, пропахшие войной.
В них нас с любимой не шорох
пугает в майской тишине,
а только дым, а только порох,
так популярный на войне.
Беда в них не заменит радость,
и сердцем чувствую всерьёз
не поцелуев жарких сладость,
а горечь от холодных слёз.
Меня, не трелью соловьиной —
сражают пулею шальной —
и танков грозною лавиной —
стихи, пропахшие войной.

г. Горловка, ДНР

Екатерина РОМАЦУК

* * *

Война без правил. Тихая война,
Молчанием линчующая души.
Уже не важно, чья была вина
И кто из нас страну сумел разрушить.

Кто первым за спиной стоял с ножом,
А кто вторым отважился ударить —
Не важно. Я — «чужая», ты — «чужой»,
Как титулы, на сердце вырезаем.
Раздвоен мир. Воздвигнута стена,
Навеки разделяя души наши.
Война без правил. Тихая война
Заранее обоих проигравших.

* * *

Это ложь, что к войне привыкают,
Что черствеют людские сердца.
Не бывает у времени края,
Так же боли не видно конца.
И неважно, часы или годы
Совершают убийственный грех.
Это сердце бомбят, а не город.
Это ты умираешь за всех.
В небе душ безголосая стая
(Их смертям оправдания нет).
Это ложь, что к войне привыкают...
Невозможно привыкнуть к войне.

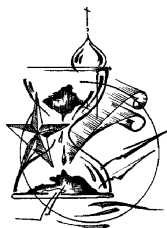
* * *

Война опять стучит в моё окно,
Скрипит когтями по оконной раме.
И вновь снаряды разрывают ночь,
И хочется бежать скорее к маме.
Нет. Не могу. Ведь рядом дети спят.
(Я сильной быть должна, чтоб страх не выдать).
Им снится сон про семерых козлят,
А за окном... (и к горлу ком обиды).
У смерти и войны похожий взгляд:
Тяжелый, обжигающий, бесстыжий...
Глаза закрою. Я должна понять,
Что всё проходит. Нужно просто выжить.

г. Горловка, ДНР

СБЕРЕЧЬ ДЕРЖАВООБРАЗУЮЩИЙ НАРОД!

Российские политики всех направлений всё чаще говорят о «национальной идее», чему в немалой степени способствовали обсуждение поправок к Конституции РФ и тот ажиотаж, который вызвал пункт о государствообразующем статусе русского народа. Речь не идет о пророчестве старца Филофея Псковского («Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать»), как и об известных эсхатологических разработках «русской идеи» Бердяева. А русский народ сегодня в его униженном и обездоленном состоянии перманентной нищеты, на несколько месяцев лишенный властями доступа к храмам и могилам близких под предлогом пандемии коронавируса, вряд ли у кого ассоциируется с «народом-богоносцем» по Достоевскому. Оттого и формулировки национальной идеи ныне всё больше приземленные и прагматичные, рассчитанные не на мировое лидерство, а в основном на выживание. Очевидный кризис власти, продемонстрированный историей с упорными невыполнениями властями на местах распоряжения президента Путина о выплате повышенных зарплат всем врачам, медсестрам и другим специалистам, занятым в

РУССКИЙ ВОПРОС

борьбе с коронавирусом, заставил российское руководство обратиться к не раз опробованному в истории России средству спасения — к патриотизму.

В начале мая в интервью передаче кремлевского пропагандиста Владимира Соловьева «Москва. Кремль. Путин» глава государства, отвечая на вопрос, в чём заключается российская национальная идея, заявил: «В патриотизме. Думаю, что ничего другого не может быть». При этом президент отметил, что патриотизм не может быть «квасным, затхлым и кислым», и призвал не «хвататься только за наше героическое прошлое», но и смотреть в «не менее героическое и успешное будущее».

Почему именно в разгар эпидемии коронавируса, перевернувшей нашу страну усилиями путинской и особенно столичной собянинской администрации с ног на голову, президент вернулся к теме патриотизма и пообещал нам светлое и даже героическое будущее? Что подвигло его на этот раз на осуждение «квасного патриотизма», заведомо «затхлого и кислого», что, как нетрудно догадаться, адресовано не патриотизму вообще как «русской национальной идее», а прежде всего **русскому** патриотизму, вызывающему неизменное раздражение кремлевских постояльцев.

Термин «квасной патриотизм» вошел в русский язык с легкой руки князя Петра Андреевича Вяземского (1792—1878), поэта, публициста, ученого, дипломата и государственного деятеля самого высокого ранга (обер-шенк Императорского двора), после публикации его «Писем из Парижа» («Московский телеграф», 1872 г.). Вяземский начинал как истинный либерал. В 1818 г. в Варшаве он вступил в масонскую ложу «Северного Щита» и был близок к декабристам, дружил с Пушкиным, а закончил свою карьеру главным цензором России при Александре III. Его перл «квасной патриотизм» был взят на вооружение российскими либералами-западниками (П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин, И.А. Гагарин, В.С. Соловьев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.П. Огарев). И хотя сам Вяземский считал, что «в этом (квасном) патриотизме нет большой беды», он вошел в обойму уничижительных характеристик русского патриотизма вместе с известным английским афоризмом «патриотизм — это последнее прибежище негодяев». В.И. Ленин также использовал этот термин, в частности, в полемике с легальными марксистами и народниками, которых он обвинил «в квасном патриотизме самого низкого разбора» (В.И. Ленин. ПСС. Т. 1).

Антирусский характер термина «квасной патриотизм» и его использование русофобами, которых писатель Николай Герасимович Помяловский (1835—1863) называл «квасными либералами с их натуришкой гнилой, играющими в либе-

рализм и нигилизм», вызвали должную оценку в среде русской патриотической интеллигенции. Так, Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» (1876, июнь, гл. 2, «Мой парадокс») писал: «А как же не любопытно такое явление, что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас «западниками», которые тщеславятся и гордятся этим прозвищем и до сих пор еще дразнят другую половину русских квасниками и зипунниками, — как же не любопытно, говорю я, что те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее...»

Русофобские замашки врагов русского народа и русской цивилизации в полной мере сохранились и по сей день у российских либералов, ярых противников русского патриотизма и всего русского.

Путин с его весьма поверхностным знанием истории вряд ли знаком с тем, кто и как ввел в обиход термин «квасной патриотизм», и с тем, как его взяли на вооружение русофобы и либералы всех мастей — от масонов до сионистов. Скорее всего как истинный интернационалист-ленинец он больше опасается возрождения русского национально-патриотического движения, нежели русофобствующих либералов-западников, тем более что в нынешнем правящем классе и олигархате России последние составляют абсолютное большинство. Хотел того Путин или нет, но своим недвусмысленным неприятием «квасного» патриотизма он этой публике явно угодил и дал в руки нашим «квасным либералам» своего рода индульгенцию на охаивание всего русского. Замечу, что Путин не впервые использует нелицеприятные эпитеты «квасной», «затхлый», «тухлый» из русофобского словаря В.И. Ленина, который считал, что русский народ «не более велик, чем Держиморда», а потому должен жить хуже всех других народов бывшей царской России. Этот ленинский подход к политике властей в отношении русского народа при социализме в конечном счете привел к формированию националистических элит во всех нацреспубликах СССР, которые и подготовили его развал в 1991 году и раскол единого русского народа на независимые Россию, Украину и Белоруссию. «При распаде Советского Союза, — писал А.И. Солженицын, — 25 миллионов наших соотечественников в один день оказались за границей — в другой, чужой стране. Думали ли наши руководители во главе с Ельциным, что с ними будет? Как им жить, этим 25 миллионам? Не будет ли притеснений, не будут ли русскую культуру подавлять? Их выкинули, как слепых котят».

Солженицын не раз приводил запредельные цифры потерь русского народа в XX веке. Тут и жертвы Первой мировой

войны и Гражданской, жертвы красного и большого террора, 27 миллионов павших во время Второй мировой войны. Если всё сложить, цифра получится в итоге чудовищная — и впрямь что-то около 100 миллионов человек. И даже если Солженицын перегнул палку, подсчитывая число жертв советской власти, от этой своей трагедии Россия не оправилась до сих пор. Ни одна страна в мире не знала таких потерь.

Самое страшное заключается в том, что геноцид русского народа продолжается и в наши дни. В 2006 году немецкий военный эксперт и журналист Петер Шолль-Латур снял для крупнейшей телекомпании Германии ЦДФ документальный фильм «Россия в двойных тисках». Он сказал: «Россия неминуемо движется к гибели. Главная проблема России сегодня — это катастрофическое сокращение доли русских». Об этом его высказывании напомнил в своей статье «Русский стержень Державы» лидер КПРФ Геннадий Зюганов. В ней он пишет: «В 1990 году русских в России насчитывалось более 120 миллионов, а сегодня их на 10 миллионов меньше. Еще 25 миллионов русских жили тогда за пределами Российской Федерации. Их число за последние 30 лет тоже сократилось на 10 миллионов. 20-миллионное сокращение народа — 2 жертвы, сопоставимые с теми, которые мы понесли в годы Великой Отечественной войны. «Естественная убыль населения», как цинично именуют чиновники вымирание коренных граждан, с 2019 года опять стала стремительно нарастать. Не умаляя достоинство и интересы других этносов, образующих многонациональный российский народ, необходимо признать: русский вопрос сегодня является самым острым и злободневным. От его решения зависит судьба России и всех народов, проживающих как в ее границах, так и на территории бывшего СССР. В наши дни для страны, где 80% составляют этнические русские, важнейшим элементом национальной политики должна стать программа спасения самобытной русской цивилизации и возрождения русских как стенового хребта Отечества».

В условиях очевидного кризиса современного мирового порядка лидер КПРФ весьма своевременно обратил внимание на то, что «сохранение и благополучие русских — крупнейшей европейской нации — это вопрос мирового масштаба. Если будет продолжаться кризис русского этноса, порожденный разрушительными процессами последних 30 лет, если его численность будет и дальше сокращаться такими стремительными темпами, это роковым образом отразится на евразийском пространстве и на всей планете, окончательно обрушит геополитическую и экономическую стабильность

в мире, в котором русские на протяжении многих столетий являются одной из ключевых наций, определяющих его облик, историю, нравственные и этические идеалы». В данном случае Зюганов абсолютно прав. Не случайно даже в аналитических материалах ЦРУ, которое никак не заподозришь в симпатиях к нашей стране, проблема вымирания русских рассматривается как одна из ключевых общемировых угроз.

В том, что геноцид русского народа — это последовательная политика, осуществляемая «пятой колонной», обосновавшейся в российской властной верхушке, со всей наглядностью показала т.н. «пандемия коронавируса», которую Россия встретила практически безоружной. Незадолго до того как Россия с этим столкнулась, только с 2017 по 2020 год в стране под предлогом «оптимизации» было уволено, согласно данным Счетной палаты, 42% медперсонала. И вот поэтому оказалось, что заболевших коронавирусом даже в Москве и Петербурге часто лечить было просто некому. Пришлось срочно перепрофилировать не только больницы в госпитали для больных «коронай», но и стоматологов, и психиатров, и других врачей в вирусологов, мобилизовать на работу в госпитали для больных «коронай» студентов медвузов.

В рамках преступной «оптимизации» российской системы здравоохранения началось повальное сокращение количества больниц, здравпунктов и пунктов первичной медицинской помощи, что обрекло нашу российскую глубинку на вымирание. Мне лично пришлось столкнуться с последствиями этого в поселке Уваровка Можайского района, в 130 км от Москвы, где не могли даже вытащить клеща и взять его на анализ на предмет энцефалита, так как в местной, когда-то вполне нормальной больнице к 2019 году не было даже йода. И куда смотрел губернатор Московской области Воробьев, одним из первых введший полицейский пропускной режим и отрапортовавший, что в подведомственном ему регионе со здравоохранением всё в порядке.

С началом пандемии COVID-19 стало очевидно всем, что отечественная фармацевтика попала в тотальную зависимость от импорта. Обнаружился острый дефицит защитных масок, которые пришлось завозить из-за рубежа: в России их некому было шить. Собянинские оборотистые чиновники не постеснялись, и, главное, не убоились нажиться на нашей беде и принялись продавать маски, полученные из Китая в рамках гуманитарной помощи. Оперативное тестирование заболевших оказалось затруднено из-за недостатка резиновых насадок для пипеток: отечественные изготовители не могут покрыть потребность медицинских учреждений даже в

таких элементарных изделиях! А отечественные аппараты ИВЛ загорались в больницах прямо на больных с коронавирусом. Позор для страны, когда-то первой вырвавшейся в космос! (Уточним: не для страны, а для ее властей! — Ред.)

Все эти беды, обрушившиеся на россиян, никак не затронули тех, кто наживается на наших бедах и вот уже 30 лет правит Россией. По данным, опубликованным агентством «Блумберг», в то время как миллионы россиян стремительно нищают и погружаются в долговую яму, два десятка главных российских миллиардеров увеличивают свое суммарное состояние на 1,5 трлн. рублей каждые полгода, почти на 300 млрд. — за месяц, на 9,5 млрд. — за день и на 400 млн. — за час. Такова экономическая подоплека геноцида русского народа, осуществляемого, как подчеркнул Г. Зюганов, приводя эти цифры, при попустительстве правящей верхушки РФ.

Одновременно с геноцидом русского народа осуществляется и его этноцид. Вытесняется русский язык, который подменяется неким эрзацем «французского с нижегородским», как говорили в дореволюционной России, а в наше время еще и «новоязом», смесью английского и идиша с разговорным русским. Мы повсюду видим вывески на иностранных языках, хотя это и запрещено законом в РФ. Российских чиновников, популярных артистов и телеведущих уже порой бывает трудно понять без словаря иностранных слов, которые они часто перемешивают с блатным жаргоном, а то и русским матом.

Как-то по Первому каналу из Кремлевского дворца показывали популярную программу «Три аккорда», специализирующуюся на так называемом «русском шансоне», что уже само по себе нонсенс. Ее ведущий Максим Аверин, столь же приклатненный, как и вся эта программа, представляя в Кремле очередной одесский шедевр, сказал: «Если вы хотите понять, что такое русский шансон, то я сейчас приглашу на сцену артистку, которая споет вам классическую песню в этом стиле». И тут появляется популярная певица, загримированная под Мурку из одесской банды периода нэпа и поет «Гоп-стоп...», «очень популярный в нашей синагоге отходняк...» И меня уже не удивило после этого появления на музыкальном канале You Tube собрания «лучших песен» Владимира Высоцкого в аранжировке известной еврейкой песенки «Семь сорок». Этакая иудаизация русской песни, русской литературы, русской эстрады и русской культуры уже проводится целенаправленно и настырно. И это не что иное, как одна из операций этноцида русского народа.

Кстати, слово «русский» даже в СССР не приветствовалось. Помню, как в «Правде» ответственный секретарь С.В.

Цукасов, наличие которого в руководстве этой газеты главный редактор «Правды» М.В. Зимянин подавал как доказательство «отсутствия в центральном органе ЦК КПСС антисемитизма», регулярно вычеркивал из моих статей слово «русский», заменяя его на «советский». Вот и в современной России слово «русский» гонимо, и его заменяют словом «российский». Вот ведь умудрились сформулировать поправку к Конституции так: «Русский язык как язык государствообразующего народа». А какого народа — убрали. Помню, как в дни обсуждения этих поправок режиссер К.Г. Шахназаров, постоянный участник передач Владимира Соловьева, гендиректор «Мосфильма», а также заместитель председателя Совета при президенте Российской Федерации по культуре и искусству, бегал из студии в студию и верещал: «Что это уже за формулировка: *государствообразующий народ*? Нонсенс какой-то!». Так вот, Шахназарова президент Путин включил в состав рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию Российской Федерации, и он был вынужден принять поправку о ненавистном ему государствообразующем народе. Не исключаю, что именно с его подачи в той поправке исчезло определение этого народа как русского. С этой рабочей группой вообще связано немало странностей, в частности, присутствие в ней нескольких депутатов Федерального собрания с иностранным гражданством (швейцарский гражданин А.А. Клишас — председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству (сопредседатель рабочей группы по согласованию), гражданка США И.Роднина, депутат Госдумы и др.). И эта компрадорская публика рассуждает о «национальной идее России», а затем, устав от трудов праведных, бежит на отдых на свои заграничные виллы и в роскошные апартаменты в Европе и США. Понятно, что при таком настрое дожидаться от них каких-либо дельных идей по части процветании русского и других народов России еще менее перспективно, чем ожидание от козла молока.

Между тем, в истории русской мысли есть не просто патриотическая, но и научная база для национальной идеи современной России. Еще в 1761 году великий русский ученый и патриот Михаил Ломоносов написал графу Шувалову письмо, в котором высказал мысли о государственной задаче сбережения русского народа. По мнению Ломоносова, это — первоочередная цель, которую должно преследовать государство. Эта ломоносовская концепция в полной мере сохраняет свою актуальность и сегодня. Пока еще Россия держится созида-

тельной волей русских людей, без которых она просто не мыслима. Однако страна непременно начнет утрачивать и свои территории, и свое влияние, если численность русских будет снижаться, подчеркивал Ломоносов в своем письме. А при сохранении и преумножении русского народа Россия при ее ресурсах и геополитическом положении способна не только занять ведущее место среди мировых держав и обеспечить безбедное будущее грядущим русским поколениям, но и благотворно повлиять на судьбы всего человечества. Граф Шувалов, изучив письмо Ломоносова, представил на его основе свой доклад императрице Елизавете. Об этом докладе Шувалова в наше время вспомнил А.И. Солженицын в своих заметках о русской национальной идее, правда, не упомянув при этом великого М.В. Ломоносова.

«Я вообще осторожно отношусь к термину «национальная идея», — писал он. — Потому что им злоупотребляют. Когда Ельцин предлагал сформулировать национальную идею чуть ли не в недельный срок. Что из этого вышло? В нашем ограбленном состоянии для спасения я предложил бы национальную идею, которая изложена 250 лет тому назад елизаветинским придворным Иваном Петровичем Шуваловым. Он предложил Елизавете руководствоваться как главным законом — сбережением народа... Каждый шаг, каждый закон должен быть направлен — оберегает он народ или нет. Если нет — прочь его! Каждый закон, каждый шаг правительства должен быть на это направлен».

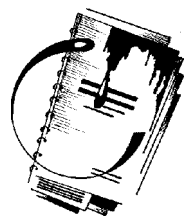
Почему же Путин, столь дружный с вдовой Солженицына и почитающий его творчество, забыл о его самом серьезном предсмертном наказе — о необходимости сделать национальной идеей России не абстрактный патриотизм, а сбережение русского народа?

«Обнуление» Путиным понятия «патриотизм» путем лишения его национального характера и разрыва с государствообразующим русским народом, без которого Россия просто немыслима, чревато дальнейшим углублением кризиса власти в РФ. Конечно, патриотами России должны быть не только русские как государствообразующий народ, но все народы, населяющие нашу страну. Однако без русского народа Россия немыслима как государство и цивилизация. Именно поэтому русский патриотизм является государствообразующим, как и русский народ, и лежит в основе русской национальной идеи, и всякие попытки дезавуировать его как «квасной» или того хуже — нетерпимы, независимо от того, кто их предпринимает.

Валерий МЕДВЕДЬ,
Сергей ДОЦЕНКО

ПОЛЬСКИЕ УРОКИ

В 2015 году Министерство обороны России объявило данные о потерях: безвозвратные потери войск и сил армии и флота составили почти 12 000 000 военнослужащих. Пропали без вести и попали в плен 4 500 000 человек, из плена вернулись на родину 1 800 000. С оккупированных советских территорий насильственно было угнано на работы 5 млн. 300 тыс. человек, из них 2 200 000 погибли. Общие безвозвратные людские потери страны — военнослужащих и гражданского населения — составили 26 600 000 человек. Имущественные потери СССР составили около 30% всего национального богатства страны. Так, по сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков, последние полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 000 сёл и деревень, свыше 6 000 000 зданий и лишили крова не менее 15 000 000 человек (по некоторым данным — до 25 000 000). Оккупанты разрушили 31 850 промышленных предприятий, 65 000 километров железнодорожных путей, 4 100 железнодорожных станций, 36 000 почтово-телеграфных учреждений и других предприятий связи, унич-

ДОСЬЕ "МГ"

тожили или вывезли 236 000 электромоторов, 175 тыс. металлорежущих станков, уничтожили или разграбили 40 тыс. больниц, других лечебных заведений, научно-исследовательских институтов, 43 000 библиотек общественного пользования. Разорили и разграбили 98 000 колхозов, 1876 совхозов и 2190 машинно-тракторных станций, зарезали, отобрали или угнали в Германию 7 000 000 лошадей, 17 000 000 овец и коз, 110 000 000 голов домашней птицы.

Основная тяжесть войны с нацизмом выпала на долю СССР. Именно Советская Армия, сломав хребет вермахту, освободила порабощенные народы Европы от коричневой чумы.

И всё равно находятся силы, которые хотели бы переписать, забыть или вычеркнуть ключевые исторические факты, принизить вклад СССР или вообще лишить нас нашей Победы. Такие имеются и в современной России, и в «просвещённой» Европе, и за океаном.

Значит, нам снова нужно отстаивать историческую правду о тех событиях.

В оборот сейчас выходит большое количество советских военных и политических документов 40-х годов, до поры носивших различные грифы секретности. Из каких соображений их «секретили»? Трудно сказать. Ведь некоторые из них так и просятся на всеобщее обозрение, как яркий агитационный плакат. Содержание их непременно стоит узнать не только народам России и её «соседок», ранее входивших в СССР, но и народам стран «просвещённой Европы» — тем, в которых правилом хорошего тона считается говорить о нас как об оккупантах, ничем не лучше немецких нацистов, разнужданных тоталитаристах, почти на полвека погрузивших Восточную Европу во мрак социалистического рабства. В этих странах принято сносить памятники советским солдатам, офицерам и генералам, погибшим за освобождение этих стран от нацизма, считается дурным тоном отмечать годовщины этого самого освобождения, а если уж и отмечать, то ни в коем случае не приглашать на них представителей России. Под давлением этих стран Европарламент принимает недружественные нам резолюции, наподобие принятой 19 сентября 2019 года *«О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»*.

Возьмём Польшу. Ту самую, которая в 2019-м не пригласила Россию на мероприятия, посвящённые годовщине начала Второй мировой войны, а её президент Анджей Дуда заявил, что СССР и Германия в 1939 году были союзниками и что по итогам войны Польша не обрела свободу, а оказалась

«заложником коммунизма» и что в ней проводились репрессии вплоть до 1960-х годов, и окончательно война закончилась для Польши в 1989 году.

30 сентября 1938 г. в Мюнхене руководителями Великобритании, Франции, Италии и Германии было подписано Мюнхенское соглашение, узаконившее раздел Чехословакии. Судетскую область получила Германия. А Польша, воспользовавшись ситуацией, направила Праге ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую область, являвшуюся предметом территориальных споров между ней и Чехословакией в 1918—1920 годах. К слову сказать, аналогичным образом поступила Венгрия, присоединив к себе «по случаю» южные и восточные регионы Словакии, на 87% населённые этническими венграми.

На Нюрнбергском процессе немецкому фельдмаршалу Кейтелю был задан вопрос: «Напала бы Германия на Чехословакию в 1938 году, если бы западные державы поддержали Прагу?» Ответ гласил: «Конечно, нет. Мы не были достаточно сильны с военной точки зрения. Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии». То есть мюнхенский пересмотр границ в Европе стал событием, давшим «зелёную улицу» Второй мировой войне, и, как бы ни пытались проигнорировать его значение современные польские политики, роль Польши в этом пересмотре границ была весьма ощутима.

1 сентября 1939 года. Начало операции «Вайс», в ходе которой вооружённые силы нацистской Германии и Словакии нанесли сокрушительное поражение польским вооружённым силам, в результате чего была оккупирована западная часть Польши. 17 сентября польское правительство бежало на территорию Румынии. По решению политического руководства СССР, в восточную часть Польши вошли советские войска с целью освобождения удерживаемых польскими властями с 1920 г. территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее, как и Польша, входивших в состав Российской империи. Камень преткновения в отношениях двух независимых государств? Ещё бы. Но, обвиняя СССР в совместной с гитлеровцами агрессии, поляки «забывают» поведение своей собственной страны во время предшествовавших событий «чехословацкого кризиса».

Ещё один камень преткновения, который историки Польши трактуют «обличительно» для нас — Варшавское восстание против гитлеровцев с 1 августа по 2 октября 1944 года, организованное командованием Армии Крайовой (АК) и Польским правительством в изгнании.

В восстании приняли участие все действовавшие в то время в городе подпольные организации. Концепцией восстания предполагалось внезапным ударом захватить Варшаву, произвести высадку 1-й польской парашютно-десантной бригады и подготовить всё необходимое для организации прибытия эмигрантского правительства. Восстание должно было стать политической демонстрацией, поддержанной кратковременной вооружённой борьбой. При этом военно-политическое руководство СССР, Верховное главнокомандование Советской Армии, Верховное командование Войска Польского, польские организации левого толка, действовавшие в варшавском подполье, своевременно не получили никакой официальной информации о подготовке и дате восстания под руководством АК. Координация с наступавшими советскими частями планом не предусматривалась. Никаких планов у командования АК относительно оказания помощи Советской Армии в форсировании Вислы и освобождении Варшавы не было.

Недостаточно подготовленное в военном отношении, политически направленное против СССР, не согласованное с нашим командованием восстание ожидаемо закончилось после двухмесячных ожесточённых боёв тяжким поражением, повлекло огромные человеческие жертвы и уничтожение левобережной Варшавы. АК не достигла ни военных, ни политических целей.

Точное количество жертв восстания остаётся неизвестным. Считается, что около 17 000 участников польского сопротивления погибло и около 6 000 было тяжело ранено. По приблизительным оценкам, в германских карательных кампаниях было убито от 150 000 до 200 000 человек мирного населения. В ходе уличных боёв было уничтожено около 25% жилого фонда Варшавы, а после капитуляции восставших германские войска целенаправленно, квартал за кварталом сравняли с землёй ещё 35% зданий города.

Западные союзники СССР не поддержали план восстания в Польше, не согласованный с СССР. Решения начальников штабов США и Великобритании, принятые 7 июля 1944 г., не оставляют в этом сомнений. Из них следовало, что командование союзников не имеет возможности для доставки по воздуху оружия в количествах, достаточных для обеспечения восстания в Польше. То есть изначально военные и политики Великобритании и США понимали авантюристность замыслов эмигрантского правительства Польши с дислокацией в Лондоне.

30 июля вечером в Москву с частным визитом прилетела делегация польского кабинета министров в Лондоне во главе с премьер-министром Станиславом Миколайчиком, которая встретила со Сталиным 3 и 9 августа.

9 августа 1944 года Сталин в беседе с членами польской правительственной делегации заявил, что решение о восстании польской подпольной армии в Варшаве он считает «нереальным делом, так как у восставших нет оружия, в то время как немцы только в районе Праги имеют три танковых дивизии, не считая пехоты».

Переговоры за это время фактически не сдвинулись с мёртвой точки. 12 августа ТАСС опубликовало заявление, которое выразило отношение правительства СССР к организаторам восстания: *«В последние дни в зарубежной печати появились сообщения со ссылкой на газеты и радио польского эмигрантского правительства о восстании и боях в Варшаве, начавшихся 1 августа по приказу польских эмигрантов в Лондоне и продолжающихся до сих пор. Газеты и радио польского эмигрантского правительства в Лондоне упоминают при этом, что повстанцы в Варшаве якобы были в контакте с советским командованием, но оно не пришло к ним с необходимой помощью. ТАСС уполномочен заявить, что эти утверждения и упоминания зарубежной печати являются либо результатом недоразумения, либо проявлением клеветы на советское командование. Агентству ТАСС известно, что со стороны польских лондонских кругов, ответственных за события в Варшаве, не было предпринято ни одной попытки, чтобы своевременно предупредить и согласовать с советским военным командованием какие-либо выступления в Варшаве. Ввиду этого ответственность за события в Варшаве падает исключительно на польские эмигрантские круги в Лондоне».*

Несмотря ни на что, восставших Советская Армия не бросила.

12 августа 1944 г. командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К.К. Рокоссовский издал приказ 00826/ОП: выйти на Вислу и овладеть предместьем Варшавы — Прагой. Согласно рассекреченным архивным документам, 47-я армия 1-го Белорусского на протяжении августа 1944 года вела наступательные бои и к концу месяца вышла к Висле. В районе Праги она наткнулась на укрепленные позиции противника и после нескольких неудачных попыток прорвать позиции противника армия остановилась. 9 сентября 1944-го командир 8-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенант А.Ф. Попов отдал приказ 018/ОП — захватить мост через Вислу в районе Праги и переправиться на западный берег Вислы в районе Варшавы.

Из донесения заместителя начальника Оперативного управления штаба 1-го Белорусского Фронта: «*В ночь на 22.09.44 г. в районы, занимаемые повстанцами в г. Варшава, нашими самолетами сброшено: противотанковых ружей — 82, автоматов — 15, патронов ПТР — 4200, патронов ТТ — 81 000 шт., патронов винтовочных — 68 420 шт., патронов парабеллум — 3 360 шт., мин 50-мм — 6082 шт., гранат немецких — 390 шт., сухарей — 10 765 кг, концентратов — 6606 кг, табаку — 400 кг, печенья — 332 кг, консервов мясных — 2266 кг, сахару — 725 кг, соли — 200 кг, кофе — 105 кг, разного продовольствия — 560 кг*». Стоит обратить внимание — это только результат одних суток. Всего советской авиацией был совершён 4821 самолётывылет в район Варшавы, из них 2535 вылетов со сбросом грузов, 1361 — с нанесением штурмовых и бомбовых ударов по противнику, 925 — на прикрытие с воздуха восставших районов и 100 — на подавление средств ПВО противника. Восставшим было сброшено одно 45-мм противотанковое орудие с боекомплектом в 30 шт. артиллерийских снарядов, 156 шт. 50-мм миномётов (с боекомплектом в 37 216 шт. 50-мм миномётных мин), 505 противотанковых ружей, 1478 автоматов, 520 винтовок, 669 карабинов, 41 780 гранат, более 3 млн. патронов, средства связи, 131 221 кг продовольствия и 515 кг медикаментов.

Союзная авиация в начале августа сделала две попытки сбросить с большой высоты свою помощь. При этом было потеряно четырнадцать самолётов (в т.ч. тринадцать с экипажами). 14 августа 1944 г. Форин-офис сообщил о невозможности оказать помощь Варшавскому восстанию, поскольку решение о его начале было принято без предварительных консультаций с Лондоном и без согласования с Советским правительством. 24 августа президент США Ф. Рузвельт сообщил Черчиллю, что не видит возможности оказывать помощь Варшаве. Тем не менее 18 сентября союзниками была предпринята ещё одна попытка оказания помощи по предоставленному советскими ВВС воздушному коридору. Было сброшено приблизительно 1250 контейнеров (подобрано АК около 100) и потерян 1 самолёт в районе Варшавы. Основная часть сброшенных грузов попала к немцам. Иных попыток помощи восставшим со стороны союзников не было.

В ходе десантной операции 1-й армии Войска Польского, входившей в состав 1-го Белорусского фронта, 15—23 сентября 1944 г. её общие потери составили 3764 солдат и офицеров, в том числе 1987 человек убитыми и пропавшими без вести на западном берегу Вислы: потери ранеными состави-

ли 289 военнослужащих. Нет сомнений в том, что польские жолнежи самоотверженно пытались помочь своим восставшим братьям. Только эмигрантскому правительству в Лондоне это было не нужно — ведь овладение Варшавой «красными» сводило на нет все их усилия в построении антисоветской Польши. Не так давно глава минобороны Польши Антоний Мачеревич заявил: *«Крупнейшая битва Второй мировой войны. Нужно отдавать себе отчёт в том, чем было Варшавское восстание. Это была крупнейшая битва, которая предредила судьбы Европы, потому что только благодаря этому фронт был удержан, только благодаря этому многие страны могли сохранить независимость, только благодаря этому советская армия не пошла дальше на запад. А так могло быть, нужно отдавать себе в этом отчёт: советская армия могла пойти гораздо дальше на запад, чем пошла, если бы не жертва Варшавского восстания»*. Как говорится, приехали: «крупнейшая битва Второй мировой войны»...

Варшавско-Познанская наступательная операция, в ходе которой и взяли польскую столицу, началась 14 января 1945-го. Сегодня в Польше принято считать, что взятие Варшавы нельзя считать ни символическим, ни фактическим освобождением. Так, историк Анджей Завистовский из Института национальной памяти заявил, что с точки зрения официальной идеологии в прежние времена освобождение Варшавы праздновали коммунисты, чтобы *«отвлечь внимание от своей и советской позиции в дни Варшавского восстания 1944 года»*. И днём освобождения, по мнению Завистовского, 17 января называть нельзя: *«Немецких оккупантов сменили советские»*.

Восстановление архитектурного облика Варшавы велось под началом польского архитектора Яна Захватовича, окончившего в своё время Петербургский институт гражданских инженеров. Благодаря его сотрудничеству с архитекторами Ленинграда в 1945—1950 годах, удалось воплотить колоссальный по своим масштабам и затратам архитектурный проект по воссозданию исторического облика Варшавы. Для этого использовались в том числе и документы, находившиеся на тот момент в госархивах СССР. Польские строители того времени не зря говорили, что половина восстановленной Варшавы будет состоять из советского цемента и кирпича. Помогали восстанавливать Варшаву рабочие и инженеры-строители из СССР, в том числе и из РСФСР.

Современным руководством Польши всё это забыто.

Все мы знаем (поляки, правда, упорно пытаются об этом забыть), что, обильно полив кровью землю Польши, Советская Армия недосчиталась в своих рядах около 620 000 своих

воинов, наших дедов и прадедов, бабушек и прабабушек, детей всех народов Советского Союза, покоящихся в 638 массовых захоронениях. Из них непосредственно на полях сражений полегло 477 295 человек, остальные умерли от ран, находясь в госпиталях. В самолётах при освобождении Польши мы понесли потери — 2692 единицы, в танках и САУ — 2966 единиц, в артиллерийском вооружении — 3960 артсистем разного назначения и калибра, автотранспорта — 7605 единиц. Общие затраты вооружения и материальных средств в денежном выражении за период освобождения Польши составили 26 720 959 000 рублей (посчитано было в 1956 году офицерами Военно-научного управления Генерального штаба ВС СССР). Такова была цена освобождения в то время «братской» нам соседней страны для нашего народа!

В Польше с 1 сентября 1939 г. по 8 мая 1945 г. погибли порядка 240 000 польских военнослужащих и около 6 000 000 гражданских лиц.

Отдельная тема — сколько дипломатических усилий затратил лично И.В. Сталин, чтобы увеличить площадь польских земель на западе с получением поддержки этого от других участников «большой тройки». Некоторое представление об этом даёт чтение строк его переписки с американским президентом Ф. Рузвельтом и британским премьером У. Черчиллем: *«Следует иметь в виду, что в укреплении просоюзнической и демократической Польши Советский Союз заинтересован больше, чем любая другая держава, не только потому, что Советский Союз несёт главную тяжесть борьбы за освобождение Польши, но и потому, что Польша является пограничным с Советским Союзом государством и проблема Польши неотделима от проблемы безопасности Советского Союза»*. Для чего старался Сталин, последовательно защищая интересы Польши перед союзными державами? Думается, чтобы заложить основу добрососедских отношений с западным соседом на долгие десятилетия и, возможно, столетия. Чтобы советско-польская граница стала границей дружбы, военного союза и сотрудничества между народами. Навсегда.

Начиная с 23 апреля 1945 года, в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР №8254с за подписью И.В. Сталина (рассекреченным ныне), по просьбе польских трудящихся в лице Временного правительства Польши Советская Армия передала в распоряжение этого правительства для распределения среди переселенцев и малоимущих крестьянских хозяйств (в первую очередь — семьям воинов Войска Польского) трофейных 40 000 голов крупного рогатого скота, 50 000 молодняка рогатого скота, 40 000 овец, 20 000 свиней

(всего 150 000 голов). Кроме того, в виде единовременной помощи для питания железнодорожников, шахтёров, промышленных рабочих в тот же срок передали 8000 тонн мяса и 1000 тонн растительных жиров. То, чего остро не хватало нашему освобождённому населению — старикам, женщинам, детям. Оказали содействие польскому народу в заготовке мяса на 25 000 тонн в живом весе и хлеба на 150 000 тонн, приняв к сведению заявление правительства Польши о намерении 100 000 тонн хлеба заложить в свой неприкосновенный запас (на всякий случай, вдруг неурожай случится). А ещё для загрузки кожевенных и текстильных предприятий Польши Сталин распорядился в порядке торгового договора передать Временному правительству Польши 100 тыс. крупных кож, 20 000 тонн хлопка и 2000 тонн невытой шерсти, оговорив при этом, что 50 процентов выработанной продукции пойдёт для снабжения нашей армии, а 50 процентов — для Войска Польского и гражданского населения. И передать на баланс Временного правительства в 1945 году 2000 автомашин советского производства.

Но это же всё мелочи, панове, не правда ли, и мы всё равно для вас такие же оккупанты, как и немцы? Кстати, мы, может быть, просто не в курсе, и они вам в 1939-м ещё больше всего передали?.. Панове, поинтересуйтесь у своих бабушек и дедушек, скольким их сверстникам эти мясо, молоко и масло помогли выжить в трудную послевоенную годину.

Как относились к нашим воинам в 1944—1945 годах большинство освобождённых поляков, известно из ныне рассекреченных документов освобождавших их фронтов. Так, из докладной записки начальника Политического управления 1-го Украинского фронта Военному Совету фронта об отношении католического духовенства к Советской Армии и к польскому Комитету Национального Освобождения от 24 августа 1944 г. следует, что первоначальная настороженность польского католического духовенства очень быстро сменилась полным доверием. Ксендзы открыто выражали свои симпатии к Красной Армии, призывали верующих оказывать ей помощь в борьбе с фашистами: «...она преследует благородную цель — освобождение польского народа от немецких захватчиков». В польском городе Лежайске во время похорон погибшего советского летчика капитана Никонова местный ксендз обратился к советскому командованию с просьбой взять могилу под свой надзор и соорудить за счет прихода мраморный памятник. В информационной справке Политуправления этого же фронта о положении в районах Польши, освобожденных войсками фронта в период наступ-

ления, от февраля 1945-го рассказывается о том, насколько тепло встречали войска Красной Армии в городах Тарнув, Зелув, Бжезне, Мехув, Буско, Сухеднов: *«Подавляющее большинство польского населения повсеместно встретило части Красной Армии как освободительницу. Представители всех слоев населения обращались к воинам Красной Армии со словами благодарности за освобождение польского народа от немецкой оккупации, приглашали бойцов и офицеров к себе в квартиры»*. Описаны похороны двух погибших советских летчиков, которые состоялись 6 февраля 1945 г., и *«превратились в мощную демонстрацию любви и благодарности к Красной Армии: гробы, венки, памятник были сделаны польским населением. Польские девушки и дети несли огромное количество венков и живых цветов. На венках были надписи — «Героическим советским летчикам от благодарных польских девушек», «От благодарных детей — своим освободителям». На братской могиле был проведен траурный митинг»*.

Забьли, панове?

Конец апреля 2020-го. Из сообщений СМИ: *«Варшава решила попробовать арестовать активы газопровода «Северный поток-2», заявил заместитель министра госактивов Польши Януш Ковальский в беседе с Wprost. По его словам, это может затормозить процесс строительства ветки газопровода. Кроме того, Ковальский считает необходимым отказаться от каких-либо уступок в отношении «Газпрома» в контексте взывания шести миллиардов злотых (около 1,5 миллиарда долларов), которые якобы причитаются Польше в Стокгольме по Ямальскому контракту»*.

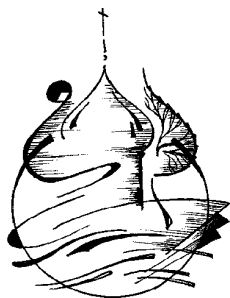
История пишется.

ТАЙНА МОЛЧАНИЯ ГОСУДАРЯ

В дни памяти Св. Государя Николая Александровича обычно возобновляется полемика вокруг февральско-мартовских событий 1917 года. Почему так важно для неприятелей Государя, им сочувствующих или просто заблуждающихся, настаивать на утверждениях, что «Государь отрекся» и «своим отречением предал Россию»?

Силы зла и сам диавол активно противоборствуют, чтобы никаких «плодов покаяния», связанных со свержением Государя, не произрастало. Девиз «Нам не в чем каяться — народ ни в чем не виноват» постоянно слышится из уст как либералов, так и коммунистов, подтверждая единый источник возникновения этих сил. Впрочем, и в умеренно-церковной среде достаточно людей с такими же убеждениями.

Иго, о котором писал известный монах Авель, продолжает удерживать Россию в плену. Иго это — духовное, ибо оно является следствием всеобщего народного духовного помрачения. «Грех Каина» — богоборчество и «Иудин грех» клятвопреступления дов-

СИМВОЛ ВЕРЫ

леют над нами — над русским народом в настоящее время. Это иго возможно преодолеть только через всеобщую народную молитву, через всенародное обращение к Богу.

А если народ не молится, то как можно одолеть сатанинские силы — силы зла. Христос сказал: «...сей же род «изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17: 21). Нет поста и молитвы — нет покаяния, нет смирения, нет мудрости, а вернее, смиренномудрия. Мудрого человека одурачить невозможно. Мудрость даруется Богом: «Начало мудрости — страх Господень» (Притч. 1: 7). Но большинство русского народа не желает впускать Бога в свою жизнь, не желает общаться с Богом и начинать свой день с молитвы.

В русской литературе много сказано о высоких нравственных качествах русского человека. Русский характер, русская душа, русская жертвенность, русское гостеприимство — все эти качества действительно присущи нашему народу. Но сохраняются ли они в настоящее время? И в какой мере? Продолжаем ли мы оставаться носителями этих качеств?

В российском обществе можно встретить множество добрых людей, но приоритетами управления во власти, в бизнесе, в культуре являются холодный циничный расчет, прагматизм, хитроумность, лукавство, бесстыдство, лицемерие, коварство. Но разве этими качествами побеждаются силы зла? Отсюда — духовная слепота и непонимание духовных задач. Непонимание духовного подвига нашего Святого Государя и его Святой семьи.

Ф.М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» нравоучительно показал, как могут одновременно сочетаться в человеке жертвенность и жестокость. В образе Раскольникова Достоевский предначертал путь русского народа в XX веке. На каторгу Раскольников пошёл, вовсе не имея раскаяния в совершенном преступлении: «...ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого промаху, который со всяким мог случиться». Вот так может быть — страдание принял, но не раскаялся. И только через полтора года каторги пришли к нему первые слезы покаяния. Да и то, благодаря участию милой Сонечки.

При совершении преступного действия, лица, заинтересованные в сокрытии его истинных причин, всегда пытаются какое-либо слагаемое или деталь, или участника выставить на передний план с тем, чтобы затмить целостность, т.е. истинную картину случившегося.

Но в духовной сфере смысл полноты события постигается не от частности к целому, а от целого к частностям. Только в

этом случае можно все слагаемые расставить по своим местам — назвать людей и их действия, предметы и обстоятельства своими именами.

Государю, как и его супруге не смогли, да и сейчас не могут простить их нравственной чистоты. В книге Юлии Кудриной «Мать и сын», приводится письмо Великого князя Георгия Михайловича к Великой княгине Ксении — сестре Государя. Он пишет: «Конечно, я до сих пор в ярости против Аликси, так и останусь на всю жизнь; она его погубила, в этом нет никакого сомнения». Все родственники Государя разделяли это мнение. И сегодня многие убеждены в том, что виноваты не заговорщики, не родственники, не генералы и адмиралы, не духовенство, которые предали и погубили Государя и его семью, а Императрица, чья глубокая вера в Бога, чистота души и искренность суждений для нас сегодня не подлежат сомнению.

Фактически Государь был изолирован уже по дороге в Ставку. А на пути из Ставки в Псков за ним был установлен жёсткий надзор. Каждое его слово, каждое движение строго контролировались. Государь был свергнут и арестован ещё до предъявления заговорщиками т.н. «акта об отречении». Заявлять об этом, он уже не имел технической возможности. Никто его не слушал, никому его заявления были не интересны. Он был в плену и молчал, понимая всю суетность и тщетность каких-либо высказываний. Государь до последнего момента не оставлял надежду изменить ситуацию и искал пути исполнения не своей, но Божией воли.

В случае, если Государь не пойдёт на уступки или хотя бы, скажем так, «на диалог», ему было заявлено, что будет убита вся семья, поскольку конвой охранявший дворец в Царском селе перешёл на сторону революционеров (это всё было заранее спланировано заговорщиками). Царская семья осталась без какой-либо защиты в окружении подконтрольных заговорщикам войск, готовых по команде главарей мятежников переступить любые нравственные границы.

Неужели нам и сегодня непонятна та степень угрозы, которая нависла 2-го марта над детьми Государя? Неужели надо объяснять, что могли бы сделать с юными прекрасными царевнами пьяные революционные солдаты и матросы? И этой угрозой вполне объяснимо всё последующее поведение Государя и его молчание, потому что он понял — от его действий зависит не только жизнь его дочерей, но и их девичья честь, и спасение от надругательства. Именно в этой угрозе и заключался холодный и циничный расчёт революционеров: «Госу-

дарь, Вы должны добровольно отречься, а иначе мы изнасилуем Ваших дочерей».

У Государя не было выбора. А вот те, кто считают, что «отречение» состоялось, полагают, что у Государя выбор был. Он всеми силами пытался противостоять перевороту и призвать к исполнению долга и присяги, но в ответ услышал лишь слова: «Надо сдаваться на милость победителей». В той или иной форме эти слова ему сказали все, от кого зависело спасение России.

Мемуары, дневники и воспоминания об этих событиях носят противоречивый, сумбурный характер. Имеет ли смысл только на основании субъективных мнений дневниковых записей, воспоминаний, писем или телеграмм строить категоричные доказательства? Мало ли что человек, находящийся в неопределенном или отчаянном положении, может написать.

Помните, как Царь из «Сказки о Царе Салтане», весьма расстроился, когда получил известие, что царица родила «неведому зверушку»: «Как услышал царь-отец, // Что донес ему гонец, // В гневе начал он чудесить // И гонца хотел повесить; // Но, смягчившись на сей раз, // Дал гонцу такой приказ: // «Ждать царёва возвращенья // Для законного решения». Правда, и этот приказ сказочные заговорщицы переиначили в своем желании погубить Царицу и Царского сына.

Так, может, и наш Государь в гневе или в расстройстве, или «в отчаянии» (позже в телеграмме к Государыне были слова «отчаяние проходит»), или по каким-то только ему известным причинам что-то подписал или приказал отправить какую-то телеграмму? Ну и что из того? Почему, когда рассматриваются этот фальшивый «акт» или действия заговорщиков и генералов-предателей, или какие-то дневники, или мемуары, то историки начинают твердить про сложную «необычную обстановку»? А когда вопрос касается действий Государя, то все об этой «необычной обстановке» забывают.

Нас всё время пытаются увести в сторону от основного всеобъемлющего религиозного понимания тех событий, как бы подталкивая наше внимание к частностям, к деталям обстоятельств или человеческих суждений, в мотивацию совершаемых действий как революционерами, так и Государем. То предъявляют «акт отречения» или телеграмму Государя своему брату Михаилу, якобы свидетельствующую о «передаче власти», то задают вопросы: «Почему Государь ничего не сказал своей Матушке?» или «Почему не обратился к войскам?»

Но на самом деле никакие мотивации не должны затмевать понимания состава преступления. Любое преступление, если его проследить во всей полноте, носит религиозный характер. Поэтому людям, которые живут вне религиозных понятий (даже если они называют себя верующими), вне границ действия заповедей Божиих, никогда не будет понятна суть социальных явлений, ибо все исторические и общественные процессы необходимо рассматривать только через призму основных религиозных понятий, через Библейское мировоззрение. И только в этом случае можно увидеть объективную картину события, а тем более совершённого преступления.

Утверждение о том, что в Пскове или в Могилеве были верные Государю войска или люди, к которым он мог обратиться, бездоказательно. Не было верных. Не было и тех, к кому можно было обратиться, ибо все либо предали, либо равнодушно устранились, либо просто трусили. Государь так и записал в дневнике: «Кругом измена и трусость, и обман». «Кругом» — это означает, что и щёлочки для выбора или «свободного волеизъявления» не было. Так надёжно и технично революционеры обложили Государя.

Да и не должен был Государь к кому-либо обращаться. Это у войск был долг перед Государем. Это они давали присягу на верность. Это они должны были к нему обращаться, а не он к ним.

Громогласно в эти дни о своей верности Государю заявил только один человек — граф Федор Келлер. Он сломал свою саблю, отказался присягать Временному правительству и стремился прийти на помощь к Государю. Но его действия были нейтрализованы генералом Маннергеймом. Граф Келлер в телеграмме к Государю от 6 марта писал, что войска «с чувством ужаса и отчаяния... выслушали манифест Вашего Величества об отречении от всероссийского престола и с негодованием и презрением отнеслись к изменникам, забывшим свой долг перед царем, забывшим присягу данную Богу».

Итак, якобы полученный из рук Государя документ во всей русской армии был объявлен как манифест. А потом манифест — вдруг превратился в «акт». И этот факт не смущает историков.

Государь не только своей матушке — он, похоже, вообще никому никаких подробностей не рассказал. Императрица Мария Федоровна проживала в кругу семейства, связанного с заговорщиками, и во многом разделяла их убеждения. В январе 1917 года она пишет в дневнике о нашей святой Императрице Александре, что она «своеволием только увлекает

всех нас в пучину несчастий», «всех ненавидит и мечтает о мести», «совсем свихнулась от бешенства и жажды мести». Когда матушка Государя узнала о зверском убийстве Григория Распутина, она сказала: «Слава Богу, Распутин убран с дороги». Разве это христианское отношение к совершившемуся убийству?!

Государь прекрасно понимал все заблуждения своей матушки, хорошо знал о её неприязни к своей дорогой любимой супруге и именно поэтому не счёл нужным ей что-то объяснять и рассказывать. А она в свою очередь просто записала в свой дневник то, что говорили ей в её окружении и то, что в общих чертах ей рассказал Государь. Если бы Государь рассказал ей, действительно, о том, что произошло на самом деле — про те аргументы, которые ему предъявили террористы, то она и записала бы их в дневнике и не мучилась бы тем неразрешённым вопросом, который стал для нее «величайшим унижением в жизни». Она ведь была уверена, что её сын действительно «отрёкся», но никак не могла понять — почему?

Что касается позиции Великого князя Михаила по отношению к революционным событиям, то также всё объяснимо — он был участником заговора. Великий князь Михаил пишет в своем дневнике 27 февраля 1917 года: «В 5 ч. с экстренным поездом Джонсон и я поехали в Петроград. В Маринском дворце совещался с М.В. Родзянко, Некрасовым, Савичем, Дмитриюковым». Он сам подтверждает, что совещался с врагами Государя. Не вёл переговоры с ними, защищая и отстаивая право на власть своего брата и законного Государя, а вёл переговоры с Государем от имени заговорщиков. 1-го марта он в телеграмме призывал Государя: «Забыв всё прошлое, прошу тебя пойти по новому пути указанному народом» — т.е. заговорщиками.

Даже если закрыть глаза на всю «липовость» документов, именуемых «отречениями», то та власть, которую якобы Государь передал Великому Князю Михаилу — при отказе Михаила, — должна была вернуться к Государю. Поскольку Михаил власть не принял, то он не мог передавать её Временному правительству. У него просто не было на это полномочий.

На основании какого документа Михаил подписывал свое т.н. «отречение»? Если заговорщики предъявили ему тот самый подписанный карандашом «акт», то для человека, находящегося в здравом уме, такого сомнительного документа явно недостаточно, чтобы принять на себя полномочия и подписывать еще какое-то «отречение», а тем более передавать

власть, которой ты вовсе и не владеешь. В его т.н. «отречении» черным по белому написано: «...Принял я твёрдое решение: в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего». Но если Великий Князь не принимал Верховной власти, то какое он имел право ее кому-либо передавать?

Нежелание вникать в эти вопросы сегодня, впрочем, как и совершившиеся более ста лет назад заговор, измена, государственный переворот, являются лишь следствием духовной катастрофы, которая разъединила множество русских людей с Богом. Даже тех, кто продолжал считать себя верующими.

Наш современник, к сожалению, уже почивший, богослов и мыслитель Евгений Авдеенко в своей статье «Каинова печать и русская революция» написал: «Причина катастрофы не экономика, не политика, не ошибки власти, не заговор, а, в конечном счете, только «зараженный дух» — проникший во все слои и сословия народной жизни «зараженный дух». Повреждены все сферы ума человеческого — нравственная, научная, правовая, религиозная. Наступило помрачение ума, которое непременно предшествует преступлению. Ошибка сердца — это не теория, не расчет, не поиск своего интереса, это — подмена религиозной веры, ее энтузиазма и жертвенности, это — уверенность в истине, убеждение, мучение, слёзы... Но ошибка сердца не есть сознательная ложь... В революции мы приняли на себя Каинову печать как наказание, и задача — в том, чтобы совлечь с себя Каинову печать. Как для личности, так и для народа одинаково достоверно, что печать Каина не снимается покаянием. Только — страданием. В этом смысл тоталитарного режима и внутреннего террора в России после революции. В этом смысл участия народа в самой жестокой из войн мировой истории. Народ понес великое страдание и через внутренний режим, и через войну с внешним врагом. Самое важное сейчас — усвоить то всенародное страдание. Необходимо с предельной ясностью видеть связь пережитого страдания с отступничеством всех сословий от исторических начал жизни нации, извлечь духовный смысл и сделать его своим. Не только кровь мучеников за веру мистически нас укрепляет, но всё совокупное народное страдание — даже тех, кто стал соучастником утопии, совершил ошибку, соблазнился, был виновен и пострадал. Всенародное страдание может стать этапом на пути выздоровления, а может и не стать. Не станет оно в том случае, если слушать тех, кто контрреволюционный террор рассматривает сам по себе — вне связи с революцией, которая положила

на нас Каинову печать. Когда современный «Каин» — глупенький либерал или сознательный адепт западной либеральной идеологии — зовет нас каяться в контрреволюции, а не в революции, нужно знать, что тем он хочет окончательно пресечь («как ножницами отрезать») нас от нашего прошедшего, окончательно обесценить то всенародное страдание, которое уже пережито как наказание и принесено как жертва. ...Бесстыдно над жертвами террора и войны — глумятся, само страдание предъявляют как позор и проявление рабского духа. Когда «Каин» зовет нас каяться не в грехе революции, цареубийства, гонений на Церковь, но каяться в наказании за грех, то он хочет одного: чтобы мы шли «путем Каина» (Иуд. 1: 11)».

На мой взгляд, «всенародное страдание» должно привести нас к всенародному покаянию. Но к покаянию невозможно подойти до тех пор, пока Богом не будет снята «Каинова печать». Каин убил своего брата Авеля, и Господь назначил ему наказание. «И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьёт меня. И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьёт Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» (Быт. 4: 13-15). Это «знамение» от Господа и есть «Каинова печать».

Убийство Каином своего брата не объясняется через мотив преступления. Оно также носит религиозный характер, ибо это было убийство праведника — соратника Бога другим человеком и, что особенно горько, — его родным братом, соратником дьявола. Мотива не было, была просто ненависть. И именно такой ненавистью к 1917 году полыхало всё российское общество по отношению к Государю и к его Царственной супруге.

Свержение Государя и последующее убийство Царской семьи должны рассматриваться именно с позиций Библейского мировоззрения и религиозных понятий. Сначала следовало заклятие жертвы, а затем ложь, оправдывающая убийство и его последствия. Так Каин после убийства Авеля на вопрос Бога: «Где Авель, брат твой?» — лгал Богу, сказав: «Не знаю; разве я сторож брату моему?» (Быт. 4: 9). Так иудеи, распяв Христа, лгали о том, что Он не воскрес и, обращаясь к стражам, что стояли у гроба, требовали: «Скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали» (Мф. 28: 13). Так и революционеры и их поддерживавшие клятвopреступники, предав на заклятие Царскую се-

мью, лгали, оправдывая совершившееся против Бога и Царя злодейство. И сегодня с ужасом приходится смотреть и удивляться, как те, кто называют себя православными христианами, выступают на их стороне.

Когда следователь расследует преступление, то он обращает внимание в первую очередь на прямые улики, а затем на совокупность косвенных улик. Прямых улик, доказательств того, что Государь отрёкся, не существует, а по совокупности косвенных улик свидетельства, а правильное сказать, лжесвидательства заговорщиков не превышают совокупность фактов, доказывающих, что Государь не отрекался от Престола. А отсюда следует вывод, что заинтересованные лица и одураченные ими сторонники желаемое выдают за действительное. Иллюзию нам предъявляют как реальность.

Смысл любого ложного информационного вброса — предъявить вырванный из контекста факт как бьющую по психике человека «реальность» с тем, чтобы убедить читателей, слушателей или зрителей в том, что это единственно верное суждение о происшедшем событии. Да так, чтобы вызвать у человека нервное потрясение. В таком коматозном состоянии обычный человек утрачивает способность соображать, думать и анализировать полученную информацию. Именно так действовали революционеры. Все по команде начали орать: «Государь отрёкся!», и реальность после этого уже никого не интересовала.

Огорчает то, что и сейчас она мало кого интересует. Первой задачей богословского мышления является восстановление контекста, т.е. всей полноты фактов совершившегося события. Понятие «контекст» в переводе с латинского означает «соединение», «сплетение», «связь». Это — целостная совокупность различных фактов, необходимых для понимания и объяснения причин и следствий события. Как смысл отдельной фразы или отрывка из литературного произведения не может быть в полной мере понятен, если они вырваны из контекста множества фраз, так и сам смысл событий не может быть понятен вне контекста, т.е. вне совокупности всех обстоятельств совершившегося события, а тем более злодейского преступления, последствием которого стало неисчислимое количество жертв. Если нам виден контекст, то понятен и смысл событий. А если не виден, то мы остаемся, что называется «с носом». Чего и желали революционеры и стоящий за ними диавол.

Русский народ прошел в XX веке через безмерные страдания. Но всякое страдание назначается человеку Богом для того, чтобы привести его к покаянию. Таков смысл Боже-

ственной педагогики. Покаяние есть перемена ума, перемена жизни — поворот с «кривых путей» на прямую дорогу ко Христу. Страдание без покаяния не может стать усвоенным и освоенным, если не приведёт нас к перемене ума, к изменению собственной жизни и личных взаимоотношений с Богом.

«Каинова печать» — это не знак проклятия, а знак наказания. С одной стороны нам препятствуют определенные силы и тот лукавый дух, что стоит за ними, а с другой — сам народ своей совестью, видимо, еще не возрос до необходимости покаяния перед Богом, а где-то даже и атрофирован — т.е. вообще не способен к покаянию. А значит — путь страданий нашего народа будет продолжаться.

Каин стал самым первым богоборцем. Февральская революция была организована и сотворена богоборцами, наследниками Каина — носителями «Каинова греха». А поддержана и оправдана носителями «Иудиного греха» — предателями, изменниками, клятвопреступниками.

Таким образом, русский народ оказался сопричастен «греху Каина» — богоборчеству (разрушенные и брошенные по всему лицу русской земли Божии храмы — наглядное тому доказательство) и «греху Иуды-предателя». И нет пока в народе нашем ни раскаяния, ни покаяния за цареубийство. Поэтому Господь будет вынужден продолжать подавать целительные лекарства (иногда весьма горькие) для вразумления и врачевания заблуждающегося и заплутавшего русского народа. Не только церковного, но и нерелигиозного.

На суде у Каиафы первосвященник спрашивал Христа: «Что же ничего не отвечаешь? Что они свидетельствуют против Тебя? Иисус молчал» (Мф. 26: 62). И когда над Христом издевались, насмехались, оскорбляли и били Его «по ланитам», спрашивая: «Прореки нам Христос, кто ударил Тебя?» (Мф. 26: 68) — Он молчал. И на суде у царя Ирода, когда тот «предлагал Ему многие вопросы», — Христос молчал и «ничего не отвечал ему» (Лк. 23: 9). И когда воины «надели на Него багряницу» и «насмехались над Ним... и плевали на Него и, взяв трость били Его по голове» (Мф. 27: 29-30) — Христос молчал.

Вот и с Государем точно так же поступили, и поэтому всё последующее после 2 марта 1917 года молчание Государя можно в полной мере уподобить молчанию Христа.

В «Легенде о Великом инквизиторе» из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Христос не произносит ни единого слова. Он молчит на протяжении всего повествования. А в конце только целует молча своего обвинителя. Так и

арестованный Государь в молчании целовал генерала Алексева и прочих генералов-предателей при прощании с ними.

Наблюдать и исследовать обстоятельства нужно не для того, чтобы осуждать, а для того, чтобы научиться сострадать. Своими страданиями Христос искупил человеческий род. Способность к состраданию и есть критерий веры в Бога. Спасительная сила мудрости достигается только через страдание и сострадание. Только в этом случае сострадание достигает качества, угодного Богу, и становится настоящим религиозным делом. Оно становится спасительным, как спасительными для нас стали страдания Христа — страсти Христовы. Тайна веры во Христа заключается в спасительной силе сострадания.

Царская семья сострадала вместе со Христом. Царский друг Григорий Распутин страдал вместе со Христом. И если мы не сострадаем Государю и его семье, Григорию Ефимовичу, то и Христу мы не сострадаем. Они были со Христом, а Христос был и остается с ними. Нетрудно догадаться, на чьей стороне выступили революционеры, родственники Государя, военные и духовенство...

Если мы не сострадаем Государю, а сострадаем революционерам, то как выглядят все наши молитвы и громкие слова о любви к Богу и ближним в глазах Божиих? На этот вопрос отвечать всё равно придётся перед Богом каждому из нас сугубо, независимо от званий и заслуг.

г. Санкт-Петербург

Александр КУПРИН
(1870 — 1938)

К 150-летию со дня рождения

Тайна укоренения писателя в духовной жизни своего народа кроется не только в совместном прожитии эпохи, художественном отражении её лика, но и в том кровном родстве, которое проявляется с годами всё твёрже, всё неоспоримей.

В детские годы, повстречавшись в начале пути с дедушкой Лодыжкиным, акробатом Серёженькой, беззаботным белым пуделем Артошей, а потом с чудесным доктором Пироговым, застенчивым атлетом, цирковым силачом Арбузовым, мы, взрослея, входим в удивительный купринский мир, населённый народом мужественным, отважным, щедрым... И неожиданно для себя, вдруг осознаём, что мы тоже частица этого русского мира и понимаем, почему писатель, истосковавшись по Родине на чужбине, перед отъездом домой, сказал: «В Россию я пешком пойду».

САШКА И ЯШКА

РАССКАЗ

I

Ника — известная непоседа. Ника — егоза и стрекоза. Ника скачет, как коза брынская. Всё ей надо знать, во всё сунуть свой розовый нос, особенно куда не надо. В одну минуту она задает двадцать пять вопросов и сама их разрешает с непостижимой быстротой.

Нике нет еще и десяти лет, а она уже дважды летала на аэроплане и потому на подруг смотрит с высоты шестисот метров.

— И даже совсем ни капельки не страшно, — говорит она, — а только ужасно приятно. Точно катишься на бесшумном автомобиле по асфальту. А внизу всё: дома, лошади, паровозы, деревья — как игрушки для самых маленьких детей.

ЛАРЕЦ

Ника из семьи военных летчиков Прокофьевых. Ее отец — известный инструктор; его специальность — тяжелые боевые аппараты. С огромного «Фармана» №30 он сбрасывал бомбы на немцев.

Брат Жоржик знаменит на всех аэродромах как виртуоз по высшему фигурному пилотажу: ему нет равного в изяществе и законченности петель, скольжений и штопоров. Все системы летательных машин он попробовал на личном опыте.

Другой брат, Александр (Ника его зовет просто и непочтительно — Сашкой), — военно-морской летчик. Он перегнал отца по службе и, в шутку, подтягивает его. За ним числится несколько сбитых германских машин. Он старший лейтенант, рукоятка его кортика украшена георгиевским темляком, а за последние подвиги при обороне Эзеля он непременно получит и Георгиевский офицерский крест.

Ника по праву гордится своими тремя авиаторами. Даже плюшевая, потертая Никина обезьянка Яшка совершила множество полетов в самой боевой обстановке, укрепленная на гаргроте Сашкиного аэроплана.

Ника щурит блестящие голубые глаза, встряхивает по-мальчишески головой и отбрасывает рукой лезущие на нос короткие волосы.

— Вот вы мне вчера про собак, про гусей и про кошек... Хотите, я вам расскажу про Сашку и про Яшку. Только уговор: если что-нибудь ошибусь, не сердиться.

— Пожалуйста, Ника, пожалуйста.

Рассказ ее прекрасен. Он жив, ярок, меток и весь в движении. Но, к сожалению, его мог бы запечатлеть только граммофон, приставленный приемником к самому рту Ники, хотя и этот способ мне кажется неудобным, потому что Ника во время рассказа вертится во все стороны. От торопливости у нее вскакивают на губах и лопаются пузыри. Она выпускает одновременно множество слов, которые несутся из ее рта стремительно и без всякого порядка, так что порою кажется, будто шестнадцатое по счету слово доходит до вас раньше четвертого.

Если ее поправить в какой-нибудь технической ошибке, она — ничего, не обижается. Она охотно распишется в незнании, примет на бегу поправку и уже быстро скользит дальше, как на коньках.

По этой причине я предлагаю ее рассказ в изложении, проверенном и подкрепленном сторонними справками, давая самой Нике место лишь в известных, необходимых случаях.

II

В середине осени отряд Эзельских боевых гидропланов получил телефонное сообщение о том, что в бухте Лео замече-

ны три германские подводки. Известие это пришло к раннему вечеру, когда уже начинало слегка темнеть. В этот момент находился в полной готовности один только аппарат, именно мичмана Прокофьева, Никиного Сашки, и потому мичман, не теряя ни секунды на праздные размышления, лишние слова, взобрался на свое место в гидроплане, посадил рядом с собою отважного механика Блинова с двумя полупудовыми бомбами и, быстро поднявшись кверху, полетел в хорошо знакомом направлении.

Они безошибочно и очень скоро долетели до бухты Лео, обшарили ее самым тщательным образом, но никакого следа субмарин не оказалось. Пришлось попусту возвращаться назад к великому неудовольствию Блинова, у которого бомба чесалась в руках.

Гидроплан приблизился к своей стоянке. Уже открылся Церельский маяк. Огонь сигнального костра, нарочно разведенного на берегу, увеличивался с каждой секундой. Около него стали заметны маленькие, черные копошащиеся фигуры людей.

Мичман Прокофьев управлял аппаратом одною рукою, а другую выставил за борт гондолы и нажимал пальцем кнопку электрического фонаря, давая знать о своем возвращении. С необычайной ловкостью удалось ему, остро снизив гидроплан, спуститься на воду. Блинов даже заметил, что «так хорошо, пожалуй, и днем не сядем». И вдруг случилась катастрофа. Одна из бомб взорвалась.

Судить о причине этого взрыва можно только предположительно. Вероятнее всего следующее: еще не достигнув бухты Лео, Блинов, охваченный нетерпением, начал вывинчивать в одной из бомб предохранитель и, вывинтив, держал эту бомбу в руках, готовый бросить ее по первому знаку, между тем как другая бомба лежала между его ступнями на дне гондолы. Когда, после напрасных поисков, гидроплан возвращался домой, механик вспомнил о предохранителе и стал его водворять на прежнее место, зажав бомбу коленями. Бомба имела грушевидную форму. Очевидно, она как-нибудь скользнула и упала на другую бомбу. Замечательно, что эта вторая бомба не взорвалась от детонации. Гидроплан был весь исковеркан. Блинова разорвало буквально на куски. Мичман спасся каким-то чудом.

III

Прокофьев рассказывал потом, что в этот момент он не слышал взрыва и не видел пламенного столба. Он только почувствовал, что какая-то дьявольская сила выхватила его из сиденья, взметнула на воздухе и швырнула в море. Ему уда-

лось выбраться на поверхность с большим трудом. Долго мичман не мог отдышаться и все отплеывал горькую воду, наполнившую ему рот, горло и нос. Инстинктивно он ухватился за какой-то плавающий обломок разрушенного крыла...

Он вынырнул спиной к костру и не сразу сообразил это. Всего лишь за пять минут назад перед его глазами горели знакомые огни, всё приближаясь и вырастая, — теперь же ничего не было, кроме черного, зловещего, вздыбленного моря, плеска мрачных волн и полного одиночества. И он крикнул к темному беззвездному небу:

— Господи! Как ужасно!

Потом он несколько раз взывал в пустое безбрежное пространство:

— Помогите! Помогите!

Но силы покидали его, голос хрипнул и слабел. Он не мог себе представить, что произошло с аппаратом. Не наскочили ли они на камень? И куда девался Блинов? И где же, наконец, огни маяка и костра?

Потом его поразило то, что он совсем не чувствует правой ногой свою левую ногу, как ни старается к ней прикоснуться. Но вскоре он случайно нащупал ее рукою. Она всплыла вся изуродованная, переломанная и болталась почти на поверхности, вслед за движением тела, колеблемого волнами. И в ту секунду он услышал торопливое пыхтение подходящего катера. Это был миг яркого сознания и глубокой радости. Вслед за ним наступил упадок и сонное оцепенение.

Прокофьев почти не сознавал, что с ним было дальше: как его вытаскивали из воды в катер, как довели до берега, как делали первую перевязку и как везли восемьдесят верст до Аренсбурга в автомобиле, доверху набитом сеном.

Смутно он помнил, что где-то какой-то врач, при свете лампы, обстригал ему ножницами обнаженные, торчавшие наружу из разорванного мяса косточки отрезанных на ногу пальцев и спрашивал: «Не больно ли?» А он отвечал, стиснув зубы: «Нет, не больно, но кончайте, кончайте скорее...»

Из Аренсбурга его отправили на пароходе в Ревель, а оттуда дали знать по телеграфу отцу, в Петербург.

— Папа сидел на диване, а мама сидела тут же рядом, — рассказывает Ника. — Вдруг принесли телеграмму. Папа распечатал, прочитал и схватился за затылок. Протянул ее маме: «Вот, прочти. Нога сломана в двух местах. Оторвана ступня... Надо ехать в Ревель».

Они поехали втроем.

Из игрушек Нике позволили взять с собою только одну, самую любимую, с которой ей расстаться было уж никак

невозможно: обезьянку, мохнатую, плюшевую, с премиллой выразительной мордочкой.

— Может быть, она немного развлечет Сашу, — сказала Ника, укутывая обезьянку одеяльцем.

IV

Мичману Прокофьеву было, пожалуй, не до развлечений. Длинный и неудобный путь, большая потеря крови, мучительные перевязки, бессонница — всё это истомило и обессилило его.

— Был он такой худой, худой и бледный, бледный, как мертвец, — тонким жалобным голоском говорит Ника, — а губы были белые-пребелые.

Глядя на него, отец не мог удержать слез. Заплакал и сам мичман, прошептал еле слышно:

— Неужели мне больше не летать?..

Подумать только: он жалел не о своей молодой, полной всяческих прелестей и великих надежд, прекрасной жизни, не о грозившем ему ужасе непоправимого калечества. Нет, точно каменная плита, угнетала его одна лишь мысль о том, что судьба отняла у него невыразимую словами радость смелых взлетов вверх, сквозь облака, в чистую лазурь, к сияющему солнцу, когда победный рокот мотора сливается с гордым биением сердца.

Да, в этих слезах вылилась настоящая свободная душа человека-птицы!

Но, как ни странно, плюшевая обезьянка Яшка в самом деле развлекла Прокофьева и вызвала на его бледные губы улыбку, когда он, усадив ее к себе на грудь, погладил нежную шерстку и уморительную мордочку. В нем, разбитом, обескровленном, хранился скрытый глубоко внутри большой запас крепкой, цепкой, неистощимой энергии жизни.

— Когда мы собрались уходить, Сашка пристал ко мне: «Оставь, пожалуйста, Никишка, обезьянку у меня ночевать. Ну, что тебе стоит?» Мне, конечно, было жалко, но он так просил, что я не могла отказать и оставила. А на другой день опять выпросил. А потом еще и еще. Такой попрошайка. Говорит: «Если бы ты знала, Ника, какой Яшка милый. По ночам мне не спится, всё болит, а он сидит со мною рядышком и утешает меня, уговаривает потерпеть. Оставь мне его еще на денек».

Так Яшка к нему и совсем привык, и остался у него навсегда, и домой не хотел после ехать. Ходил с Сашкой на перевязки и даже на операции.

Мичману отняли ногу немного пониже колена. Доктор не ручался за исход операции — больной был чересчур слаб. Но

стойкая, живучая натура вынесла. После операции, сделанной в Кронштадте, Прокофьева перевезли в Петербург, в лазарет адмирала Григоровича, где он стал с каждым днем быстро и заметно поправляться.

Там, совсем для него неожиданно, в палату к нему привезли и положили приятного соседа — родного брата Жоржика. Так же, как и месяц назад, получил отец летчика телеграмму с гатчинского аэродрома:

«Подпоручик Георгий Прокофьев упал; перелом обеих ног».

И теперь уже пришлось отцу, матери и Нике ехать зараз к двум больным.

— Жоржик был скучный, всё нянчил свою закутанную ногу, — говорит Ника. — А Сашка ничего — точно это и не ему ногу отрезали. Смеялся и пел под гитару веселые стишки. Свои собственные, на мотив «Маргариты»: «А Прокофьев о ноге не тужит, С деревяшкой родине послужит...» А между кроватями, очень важно, сидел на стуле Яшка. Прежний. Меня он и не узнал даже. У него тоже одна нога была забинтована. Так, за компанию с Сашкой и Жоржиком.

V

Мичману Прокофьеву сделали искусственную ногу. В долгие дни, пока он к ней приучался, все его мысли и разговоры (а вероятно, и сны, и молитвы) были сплошь полны тревожным вопросом: сможет ли он послужить родине с деревяшкой или не сможет? Оказалось, смог.

Надо только представить себе его буйную радость, когда ранним свежим июньским утром он отделился от земли и свободно поплыл ввысь, и аэроплан, как и прежде, с чуткой готовностью был послушен тонким движениям его пальцев, а рыже-бурый Яшка, прикрепленный к гаргроту на носу лодки, надменно глядел в небо, растопырив руки и ноги и вызывающе завернув голову вбок и назад. «Знай наших!»

С той поры Никин Сашка и храбрая обезьяна Яшка стали неразлучны. Надо сказать, что у большинства летунов есть свои талисманы, фетиши и амулеты. Французские авиаторы, например, носят на цепочке серебряные или золотые жетончики с изображением пророка Елисея. Другие хранят у себя на груди ладанку, в которую зашит псалом девяностый «Живый в помощи вышняго».

У капитана Казакова, сбившего шестнадцать немецких аппаратов, всегда был укреплен на носу гондолы образ Николая-чудотворца. Иные не расстаются в полетах с фетишами, вроде плюшевых мишек, мопсов и слонов.

Мичман Прокофьев вдвойне дорожил Яшкой: и как амулетом, и как памятью о козе-егозе-стрекозе, о быстроногой, остроглазой, розовоносой Нике. Он, как и все летающие воины, бросал бомбы, производил разведки, вступал в воздушный бой с немецкими аэропланами, и Яшка на своем месте взирал в лицо смерти с наглым, вызывающим высокомерием.

Так-то они вдвоем раз и приняли участие в воздушном бое, который длился около двух часов. Один из четырех сбитых вражеских аэропланов был снижен Прокофьевым вместе с лейтенантом Дитериксом и остался спорным. Но слава победы над другим досталась ему целиком. После долгих воздушных хитростей Прокофьев зашел в хвост мощному немецкому «Альбатросу» и, приблизившись к нему на жутко близкое расстояние, стал буквально поливать его из пулемета.

Мичман ясно видел (и никогда этого зрелища потом не забыл), как германский летчик судорожно возился над своим пулеметом, но пулемет, что называется, «заело», и он ничем не мог заставить его вновь работать. Мотор немца начал заикаться перебоями, аппарат накренился и стал снижаться. Вспыхнул огонь. Прокофьев видел, как немец сначала с отчаянием схватился за голову, а потом повернул к русскому летчику искаженное яростью багровое лицо, бешено затряс над головою огромными кулаками и выкрикнул, страшно выкатив глаза, злобное ругательство. И вместе с пылающим аэропланом полетел, кувыркаясь, вниз, с высоты двух тысяч метров, и упал в море.

VI

Вернувшись на стоянку, Никин Сашка, легко раненный в руку, пересчитал пробоины в своем аппарате. Их оказалось, шрапнельных и пулеметных, около тридцати. На его счастье, ни одна пуля и ни один осколок не угодили в более жизненные места летающей лодки.

Прокофьев за этот бой получил чин лейтенанта и золотое оружие. А Ника говорит с гордостью:

— Мой Сашка и мой Яшка, оба получили по Георгию. У Сашки белый крест на кортике, а у Яшки георгиевская медаль на груди. Так и в приказе было напечатано.

— Полно, Ника. Неужели в приказе?

— Ну, я не знаю наверное. Но, во всяком случае, оба имеют по Георгию. Впрочем, поглядите сами...

Она лезет в самую свою сокровенную шкатулочку и достает оттуда раскрашенную фотографию. Действительно, с карточки смотрит открытое, худощавое лицо двадцатидвухлетнего лейтенанта Прокофьева, у которого рука в косынке. И тут же раз-

валился плюшевый, потрепанный боями, немного удивленный, но не потерявший высокомерия, растарашенный Яшка. У него рука забинтована, а на груди в самом деле красуется огромная картонная золоченая медаль на полосатой ленточке.

— Правда твоя, Ника, правда. Прости.

Когда у Сашки нога была в повязке, была и у Яшки нога забинтована. А также и руки. И когда Сашку поливали пулеметным огнем, поливали и Яшку. И если у Сашки теперь золотое оружие, как же и Яшке не щеголять с черно-оранжевой ленточкой?

Вот Никин рассказ и окончен. Остается прибавить, что одноногий лейтенант Прокофьев успел сбить еще два германских аэроплана в Моонзундском наступлении. Он был свидетелем того, как немцы бомбардировали Церельские укрепления четырнадцатидюймовыми снарядами. Когда от своего начальства он получил приказание улететь с отрядом истребителей в Ревель, то церельские артиллеристы взмолились:

— Оставайтесь, пожалуйста, лейтенант. Он без вас совсем нас заключает.

Прокофьев ответил:

— Я прежде всего солдат и слепо повинуюсь приказанию. Снеситесь по радио.

Они снеслись и получили такой ответ:

«Лейтенант может остаться, но это зависит только от его желания».

Он остался, и оставался до тех пор, пока ангары и жилые двухэтажные постройки на аэродроме не превратились в жалкие кучи мусора под действием чудовищных немецких семидесятипудовых снарядов. Тогда лишь он приказал своему отряду сняться и лететь в Ревель, а сам улетел последним, попав в перекрестный огонь, в котором был контужен.

Германцы хорошо его знали. Их пленники летчики с почтением произносили его имя и называли имена аппаратов, которые он снизил. Конечно, они слышали и о Яшке. Да, впрочем, у каждого из них был свой фетиш.

Все это я вспомнил, рассматривая на днях давнишние фотографии. Десять-двенадцать лет прошло от того времени, а кажется — сто или двести. Кажется, никогда этого и не было: ни славной армии, ни чудесных солдат, ни офицеров-героев, ни милой, беспечной, уютной, доброй русской жизни... Был сон... Листки старого альбома дрожат в моей руке, когда я их переворачиваю...

1917

НОВЫЙ ФАШИЗМ И ПУТЬ К СВОБОДЕ

Год назад, 9 мая 2019 года, мы созванивались с нашим Приморским митрополитом Владыкой Вениамином (Пушкарём), поздравляли Владыку, как ежегодно это делаем с Днем Победы, с 9 Мая. Для него, сына фронтовика, этот праздник очень значим. Владыка особо трепетно относится к памяти героев, погибших в той войне, и видит большое неотмирное значение Победы — Господь дал шанс потомкам Святой Руси сказать свое слово в истории. В той войне победила Святая Русь, и Господь даровал тогда победу по молитвам святых в ожидании покаяния русского народа за безбожие.

Запомнилось, что в прошлом 2019 году Владыка Вениамин сказал фразу, которую не произносил в предыдущие годы: «Дай Бог нам не потерять эту Победу...»

Мы запомнили фразу. Прошёл год, и Россия оказалась в сложном положении — духовные потомки Гитлера организовали давно обещанные акции, о которых мы читали во многих книгах, в их откровениях в докладах «Римского клуба»... Потомки мировых фашистов перешли к активным лукавым действиям. Они давно обещали нам эпидемии, войны и голод. Во

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

имя «спасения природы», «сохранения биосферы» и установления их господства над всеми богатствами земли и народами мира.

На этом фоне не удивительны нападки на передачу «Государство в кармане» в программе «Бесогон» Никиты Михалкова. Её сняли с телеэфира канала «Россия 24». Мировая античеловеческая элита возмутилась тем, что по телевидению — их сугубому оружию, исключительно их средству борьбы с человечеством — прозвучали для масс «откровения» некоторых спикеров об истинных целях всего, что сейчас происходит. Ладно бы для ограниченного круга, для интеллектуалов, а это прозвучало для **масс!** Нет сомнений, что команда снять передачу пришла из-за границы, из логова Рокфеллеров, Гейтцев, лондонского и мировых элитарных сообществ, предпочитающих ночной мрак дневному свету.

Озвученное в «Бесогоне» — давным-давно не тайна. Но, вероятно, наступили времена, когда телевидение и СМИ, находящиеся в определённых «частных руках», должны вещать только одну версию в интересах новых античеловеческих поработителей мира.

Большей части трезвомыслящих людей всё происходящее ныне давно ожидаемо и понятно. С тех самых пор, когда через ныне здравствующих высокопоставленных предателей уничтожался СССР и его ВПК — по рекомендациям и программам «Римского клуба». С момента, когда Запад закрыл глаза на разгром Ельциным Верховного Совета с учетом своих будущих интересов. С тех самых пор, когда начал оживать и рукотворно возрождаться нацизм в мире и в России.

С тех пор, как взорвали башни-близнецы в Нью-Йорке, как развязали войны в Ираке, на Арабском Востоке, когда сильно обострились межгосударственные, межрелигиозные и межэтнические противостояния по всему миру, когда в России начали набирать обороты противостояния белых и красных, сталинистов и антисталинистов... Когда признаки программных интересов «Римского клуба» всё более и чаще прослеживаются в поведении, речах и действиях политиков всего мира и даже «православных» церковных иерархов.

Фильм «Государство в кармане» сняли с эфира, считая, наверное, что мы никогда не слышали и не читали того, что публично говорит Греф. Что мы ничего не знаем о мошенничествах с прививками и вакцинами «Всемирной организации здравоохранения». Тем паче, что мошенников с их античеловеческими акциями не раз ловили за руку. Что мы никогда не слышали высказываний английской элиты о необходимости вирусов для сокращения населения (принц

Филипп заявлял, что мечтал бы переродиться в виде опасного вируса).

Авторы античеловечных докладов откровенно рекомендуют, а от правительств всех стран требуют: сокращать население, отказываться от христианства и от своего государственного суверенитета, промышленности, независимой экономики, угрожая заставить несогласных все это принять насильственно — через эпидемии, войны, голод, санкции, через экуменизм, межэтнические и межрелигиозные противоречия, церковные расколы и другое...

Неужели мы не понимаем, что военные и религиозные конфликты — рукотворны, терроризм — детище заинтересованных кругов, «зеленый» ересиарх Варфоломей, поддерживающий последователей Гитлера, — продажная марионетка, что нынешний иезуитский папа Римский приехал в Рим из Буэнос-Айреса — места большого скопления спасшихся от наказания гитлеровских нацистов?..

«Бесогона» показал, в чьём иностранном и чужеродном кармане наша страна. Зрителей напугала перспектива цифрового рабства и «всемирного кастинга» — отбора из семи миллиардов людей одного миллиарда «достойных жизни». Но эти идеи всемирного рабства и господства небольшой группы людей очень стары, и мы слышали о них еще со времён Наполеона и Гитлера и даже ранее.

В 2000-х годах на русском языке разошёлся большой тираж книги сотрудника англосаксонских спецслужб Дж. Колема-на «Комитет 300». Что нас должно ожидать по планам преступного европейского аристократического и союзного ему, безродного, но богатого или интеллектуального меньшинства, известно давно (английская монархия много веков играет не последнюю роль в античеловеческих проектах и операциях).

Зрителей «Бесогона» поразили откровенные признания главы Сбербанка Г. Грефа, сводящиеся к утверждению права неких людей по образцу «учения Каббалы» скрывать от жителей планеты информацию и некое знание, дабы манипулировать ими. Но в этой логике стоит предположить, что новоявленные «властелины» нашей страны, наших денег и вообще Божьего мира возомнили себя всемирными рабовладельцами, хозяевами нашей воли...

Мы не говорим пока о реально запланированном «властелинами» ограничении доступа людей к ресурсам, о грядущем разрушении промышленности во всём мире, о прекращении добычи дешевой атомной энергии (дающей возможность двигаться вперёд бедным странам), о планируемом так называемом «социалистическом» распределении продуктов,

воды, других благ и труда. Где весь «социализм» сведётся к планированию и распределению, лишению индивидуальной собственности и монополизации.

Но нас интересует: как и через что «властелины» планируют лишить человека воли? Информация об этом тоже есть и, наверное, многие с нею знакомы. В первую очередь — технотронными средствами (об этом давно писал З.Бжезинский в «Технотронной эре»). В этом направлении и трудится ныне Билл Гейтс с его разработками вакцин-чипов, криптовалют и средств контроля за телом человека, а также китайские социальные инженеры и многие центры, менее известные, чем контора Гейтса.

Для создания человека без свободной воли нам готовят наркотический «рай» — тот самый «новый дивный мир» Олдоса Хаксли, изобретенный в Англии и некогда апробированный «владычицей морей» в императорском Китае. Колеман в «Комитете 300» пишет: «Употребление «восстанавливающих силы» наркотиков будет обязательным — каждому будет выделена квота на наркотики, которые можно будет купить в магазинах Мирового Правительства по всему миру. Будут широко распространяться наркотики, изменяющие сознание, и их употребление будет обязательным. Такие изменяющие сознание наркотики будут добавляться в пищу или в питьевую воду без знания и согласия людей...»

Для «властелинов мира» важна пропаганда пороков, поражающих человеческую волю. Это дыхание ада мы и наши дети ощущаем и ныне повсюду. Но это только начало. Еще одно средство порабощения — разрушение семьи и ложное воспитание. Через уничтожение семьи (созданной Богом через союз Адама и Евы), насильственное изъятие детей, воспитание своих адептов и развращение женщин.

Колеман пишет: «Браки будут поставлены вне закона, и семейной жизни, как мы это понимаем сейчас, не будет. Детей будут отбирать у родителей в раннем возрасте, и они будут воспитываться надзирателями как государственное имущество. Женщины будут развращены постоянным процессом «эмансипации...» Для этого сегодня и проводятся законодательные инициативы о «семейном насилии».

Новым «властелинам»-элитариям нужно не человечество, наделённое свободой воли (которое они ненавидят, поскольку человек — любимое создание Бога), а послушные бесподобные твари, воля которых безальтернативно избирает только зло.

Потому в том, бесовском «дивном» мире, куда нас хотели бы загнать, обязателен отказ от Христа, принятие идеи реинкарнации и, как нормы, — эвтаназии.

В реальности новоявленные «властелины мира» плетутся в хвосте падшего демона — большой обезьяны Бога с его «золотым тельцом» с изрядно облезшей позолотой. Все методы борьбы «властелинов» с человеком и его волей стары как мир и известны нам со времён Римской империи, где люди, поклоняясь языческим богам, становились порочными, развращёнными и скотоподобными. Всё это привело к разложению Римской империи. Новое дыхание миру дал Христос-Бог: принеся Свое Евангелие, Он дал новую вечную метафизическую идею Римской империи. Дал человечеству краеугольный камень — веру христианскую, без которой на земле невозможно построить ничего настоящего и долговечного.

Валерий КИРИЛЛОВ

ТУПИК «ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ»

Беспрерывный гвалт: «Коронавирус, коронавирус...» Люди ищут маски, перчатки, запасаются продуктами. Обращения президента не успокаивают, ибо после них транслируют сведения о росте количества зараженных и умерших. «Закручивание гаек» в столице вроде бы оправдано, но порождает возмущение. Одна знакомая жалуется: «Представьте себе, я временно живу у дочки, в моей квартире ещё до запретных мер начался ремонт. Решила сходить в магазин в «чужом» районе, и меня что, за это наказывать?» Другая, наоборот, заявляет: «Правильно делает Собянин! Если бы не он, было бы как в Нью-Йорке!» Чиновница из Мурманска хладнокровно рассуждает об установке на «карантинщиков» электронных браслетов, то есть как на преступников.

В противоречивой, нервной мишуре событий и заявлений мало кто задумывается о возможных причинах вирусной атаки на человечество. Чиновники и ТВ вообще игнорируют эту тему, что заставляет задуматься об их зависимости

от «внешних игроков». Между тем, атака очень выгодна глобализму, ибо позволяет, во-первых, списать разразившийся мировой кризис финансово-спекулятивной экономики именно на вирус, а во-вторых, отформатировать новый мировой порядок с целью установления тотального контроля над гражданами.

Подготовка к завершающему этапу началась еще до распада СССР и резко усилилась после того, как СССР не стало. Вспомним заявление «ржавого Толика»: «Подумаешь, вымрут тридцать миллионов...» Примерно тогда же глобалистка Тэтчер конкретно определила: в России должно остаться 15 миллионов. А в 2008 году один из предшественников Сергея Собянина, Гавриил Попов, обнаруживший вдруг «15 миллионов лишних людей в провинции», высказался так: *«...должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом производительности труда и накопленного каждой страной богатства... Пора выйти из туника, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие... Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества...»* И далее: *«...страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из мирового сообщества»*. Чем это отличается от взглядов Гитлера?

Первым делом принявшие «глобальную перспективу» Ельцин и демонократы из его окружения, подобные Чубайсу, уничтожили высокотехнологичные производства (микроэлектронику, станкостроение, авиастроение, тракторостроение, приборостроение) в крупных городах, местную промышленность и колхозы в провинции, взялись изгонять из всех сфер государство. Как и следовало ожидать, сократилась рождаемость, люди начали массово вымирать от тоски, неверия в будущее — свое и своей страны. Кто остался, устремились на шабашку в мегаполисы. Пахари превратились в охранников, учителя — в служанок, учёные, инженеры — в торговцев импортом. Тем временем без лишнего шума тщательно отработывались (и продолжают отработываться) в соответствии с установками «мирового правительства» методики и программы контроля над «биоматериалом».

В административных зданиях, школах, больницах, метро, аэропортах, на предприятиях, вокзалах понаставили металлодетекторов. Оставим в стороне распространённое враньё, что всё это делается для «защиты людей от террористических актов». В советское время, как известно, ничего такого в массовом порядке не было, как не было и терроризма. Зададимся

другим вопросом, так ли безопасны металлодетекторы? По свидетельству ряда специалистов, в этих устройствах используются радиоволновые сканеры-излучатели, работающие на частоте 13,56 МГц, совпадающие с частотой, применяемой в медицине для активации межклеточной жидкости онкоклеток. Особую опасность они представляют для людей, носящих кардиостимуляторы, и для детей, ибо могут привести к стерилизации. Впрочем, следом появились рентгеновские арки, которые, еще более опасны. Но это мало кого не волнует.

Тем временем власть пошла дальше, дав «зеленый свет» установке видеокamer. Куда ни глянь, ныне везде «зоркое око», управляемое неведомо кем и откуда. На перекрестках, железнодорожных переездах, игровых площадках, в подъездах, административных зданиях, магазинах, больницах, детских садах... Жители небольшой деревеньки Волок на западе Тверской области, где я весной побывал, возмущаются: «В школе у нас всего пятнадцать ребятишек осталось, а на улице рядом с нею установили две видеокamеры. Ну скажите на милость, какие у нас могут быть террористы? Террористы, по нашему разумению, это те, кто решениями сверху разрушил предприятия, колхозы, кто беспощадно вырубает леса, привёл в запустение ранее возделываемую землю, вывозит капитал на Запад, лишил наших детей будущего! Их-то и надо брать в оборот!»

Недавно СМИ сообщили: англичане протестовали против сотовых вышек с установленным на них оборудованием 5G, с помощью которого якобы был активирован коронавирус. Вряд ли это технически возможно, скорее, это фейк. Но что это за система такая 5G, а она устанавливается уже и в России? Серьезный электронщик рассказал мне о её преимуществах: мол, она позволяет делать операции на расстоянии, т.к. с точностью в сто процентов копирует движение руки хирурга. Правда, загвоздка в том, где взять на местах опытных хирургов, дублирующих действия системы. Но суть не в этом. Вот что писала «Пятая газета» (от 31 марта 2020 г.): *«...сейчас во многих городах в густонаселенных районах и даже на территориях детских учреждений стали устанавливать вышки с излучателями сверхвысоких частот миллиметрового диапазона, так называемыми 5G. Эти излучатели являются мощным боевым оружием, разработанным в Пентагоне для разгона демонстраций, под их воздействием люди находятся как в микроволновой печи, происходит разрушение клеток организма, ДНК человека со всеми вытекающими последствиями, люди постоянно плохо себя чувствуют, часто болеют, ощущают вялость, плохо реагируют*

ют на окружающее». Так ли это? Хотелось бы услышать ответ от специалистов, представителей власти. Они молчат, и люди начинают думать: что-то тут нечисто...

Не сильно-то распространялись властные круги России и по поводу окружения нашей страны сетью американских биологических лабораторий. Лишь в конце прошлого года секретарь Совета безопасности Н.П. Патрушев с озабоченностью заметил: *«Пентагон ввёл в эксплуатацию более 200 лабораторий по всему миру. Они имеются и на территориях Азербайджана, Армении, Грузии, Казахстана, Молдовы, Узбекистана и Украины»*. Примечательно, что одним из ведущих специалистов в сфере микробиологии в США стал перебежчик из России, бывший первый заместитель комплекса «Биопрепарат», полковник, доктор биологических наук Катаджан Алибеков. Как-то пришло известие: Алибеков вернулся в Казахстан. Как можно предположить, не для того, чтобы доживать свой век в бездеятельности. Газета «Слово» писала: *«Парадоксальность ситуации в том, что Армения и Казахстан участвуют, наряду с Россией, не только в ЕАЭС, но и в военно-политической Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)»*.

Только общими усилиями сможем мы воспрепятствовать замыслам глобалистов превратить Россию в «электронный концлагерь» и продолжить сокращение населения до минимума, необходимого «золотому миллиарду». Деиндустриализация, алкоголь, наркотики, поддельные продукты, растление детей, дебилизация образования, насаждение «массовой культуры», фальсификация истории, оптимизация медицины, «планирование» семьи, распространение инфекций — далеко не полный перечень того, что используется против России и русского народа. Разве не на наших глазах это происходило? И что же в итоге?

Приведу лишь несколько печальных цифр, имеющих отношение к демографии, экономике, медицине. Несмотря на «меры по повышению рождаемости», в 2019 году она была ниже на 12 процентов, чем в 2017 году. По мнению профессора В. Катасонова, только в прошлом году из страны были выведены «инвестиционные доходы» в размере 77,5 триллиона рублей, что эквивалентно трети доходной части бюджета. Кроме того, по статье «экспорт капитала» выведено 26,7 млрд. долларов. Во времена СССР на территории РСФСР действовали 12 тысяч больниц и поликлиник, сейчас осталось 5,6 тысячи. В стране недостает 25 тысяч врачей и 175 тысяч медперсонала.

Уроки коронавирусной пандемии должны заставить нас мобилизоваться и задуматься над тем, какое страшное буду-

шее несет с собой финансово-спекулятивный глобализм. Думать надо сегодня, сейчас, а не тогда, когда нам внедрят приемно-передающий, управляющий нашим сознанием нано-чип. Нас не должны убаюкивать разовые решения власти, не затрагивающие неизлечимых пороков системы. Спасение в отказе страны от заданного хозяевами денег глобалистского финансово-паразитического курса и в возвращении на традиционный путь производительного развития в интересах всего нашего народа. Собственно, народ этого давно ждет, не случайно популярность Сталина, вопреки низменной пропаганде на ТВ, превышает 70 процентов.

Вадим КУЛИНЧЕНКО

ИМ НЕ НУЖНА НАША ПОБЕДА

Когда на просторах Европы ещё бушевало жаркое пламя бойни Второй мировой, и западные союзники рассчитывали на кровь советского солдата, — они его боготворили. Так У.Черчилль в письме к И.В. Сталину 27 сентября 1944 г. писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в Палате общин то, что я сказал раньше, что именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...»

Когда же война закончилась, изменились и оценки прошедших сражений и войны в целом. Почему?

Известно, что именно У.Черчилль явился отцом «холодной войны», инициировав её своей речью в Фултоне (5 марта 1946 г., штат Миссури, США). А через год, 12 марта 1947 года, Америка провозглашает «Доктрину Трумэна», в которой объявляет защиту мира от коммунизма. «Доктрина Монро» (политика изоляционизма 1920—1930-х годов) забыта, ребёнок окончательно вырос из коротких штанишек, ему нужен весь мир. Но на пути к мировой гегемонии у США стоит СССР, недавний союзник во 2-й Мировой войне. Его надо опорочить, а в дальнейшем победить. Всё это происходит на

глазах победителей, которых осталось немного, но они ещё живы. Задача — поскорее избавиться от них.

Англо-американская дипломатия и «демократия» всегда отличались лицемерием и двойственностью стандартов — это подтверждено мировой историей. Но что удивительно: все это знают и неизменно попадают на их удочку..

Были Тегеран (Тегеранская конференция, конец ноября — начало декабря 1943 г.), затем Ялта (Крымская конференция, 4—11 февраля 1945 г.) и, наконец, Потсдам (Берлинская конференция, 17 июля — 2 августа 1945 г.). В своё время и западная пресса рассматривала эти конференции как пример плодотворного сотрудничества стран с различным политико-экономическим строем. СССР ещё нужен был союзникам в войне против Японии, ещё не все каштаны были вытащены из огня чужими руками. Россия дала обещание и выполнила его, но... Победа была достигнута. Претенденты на мировое господство ушли в небытие, пора было приниматься за очередное препятствие на пути к собственной гегемонии — за СССР. Конференции забыты. Кто сегодня вспоминает о них?

И сразу же (заметьте — окончание 2-й Мировой в сентябре 1945-го, а уже в марте 1946-го знаменитая фултонская речь У.Черчилля) некоторые официальные представители США начали утверждать, что война и победа в ней не оправдывают затраченных на них средств, ибо победа является прологом новой кровавой бойни. У.Черчилль, теперь уже экс-премьер Великобритании, заявил, что победа в войне стала ненужной и даже бессмысленной — мол, по сути, победа над фашизмом явилась потерей мира и была не более, чем мифом.

На этом основании делался вывод, что безоговорочная капитуляция Германии — ошибка Запада. Она сыграла на руку только СССР, потому что интересы Запада были теснее связаны с интересами Германии, нежели с СССР. Только неспособность Запада достаточно быстро и чётко уяснить эту истину явилась непосредственной причиной, породившей период «холодной войны». Возникает вопрос, который почему-то никем не поднимался и не поднимается сегодня в историческом плане: что случилось бы, если бы Запад пошёл на сепаратный мир с недобитой фашистской Германией? Наверняка, получился бы гибрид скорпиона (фашизм) со львом (Британия) и орлом (США). Страшная вещь! А между тем, этот вопрос прорабатывался Западом на самом высоком уровне. И только жёсткая позиция СССР, который тогда был в военной силе, предотвратила этот страшный сговор. Об этом по прошествии 75 лет пытаются забыть, но факты в истории — вещь упрямая.

Но не только началась идеологическая обработка мирового общественного мнения против СССР (ведь простой народ был ещё под обаянием мужества русских), продолжалось и изолирование Союза от всех плодов победы. Приведу только один из открывшихся недавно фактов такого свойства, которых было множество известных и неизвестных до настоящего времени.

Как известно, действия советской военной миссии в Японии после её капитуляции были весьма ограничены. Всем заправляла американская администрация, и все достойные технические достижения, в первую очередь военные, достались США. А чтобы в СССР ничего не попало, не гнушались и противоправными, неэтичными действиями. Так 1 апреля 1946 года вблизи порта Нагасаки ВМС США были затоплены 24 подводные японские лодки на глубине 200 метров, скрытно от СССР, с целью не допустить попадания японских технических разработок подводного кораблестроения в руки советских специалистов.

Конечно, был уже не 41-й, а 46-й год, когда СССР, спасший мир от коричневой чумы, из союзника превращался в противника. С прилавков стали исчезать книги объективного содержания, замещаемые книгами ястребиного толка. А ведь всего только пять лет назад Европу буквально ошеломило нападение Германии на СССР. Многих в то время охватило оцепенение. Тогда уже казалось реальным, что замыслы нацистов добиться мирового господства, близки к осуществлению. Германские стратеги, уверовав в доктрину блицкрига, были убеждены, что и в войне против Советского Союза он сработает. Именно для этого была двинута огромная армия вторжения на советскую территорию. По этому поводу один из английских парламентариев в августе 1941 года писал: «Меня охватывает дрожь при одной мысли о том, какая судьба могла бы постичь Великобританию, если бы против нас, находящихся в одиночестве, было бы предпринято наступление такой же силы, какое было начато Гитлером против России» («Память павших в Великой Отечественной войне», М., 1995, с.257).

Война, потребовавшая невероятных физических и духовных сил и жертв (больше всех жертв понёс СССР), породила новое качество народного самосознания. Сама обстановка формировала бесстрашие, умение подчиняться и своевременно выполнять предписания сверху. Высокие цели борьбы пробуждали у людей такие нравственные нормы и дух, которые трудно было разрушить одним махом. Кроме того, победа или поражение в войне определяется тем, в каком состоянии стра-

на и армия закончили войну. Несмотря на огромные потери и разрушения, СССР вышел из 2-й Мировой войны более мощным в военном отношении государством, чем до войны. Следует отметить и то, что золотой запас страны в 1945 году составил солидную величину — более 2 500 тонн.

Поэтому устранить СССР военной силой было невозможно, даже уповая на атомную бомбу, тем более что многие народы уверовали в советские идеалы. Началось наступление на него «холодной войной», которая включала в себя весь спектр аспектов наступления, а не только «военное противостояние», которое было не главным.

Не буду касаться программ разложения СССР, разработанных Алленом Даллесом и Биллом Клинтонем (цитата из выступления Билла Клинтона на секретном совещании Объединённого комитета начальников штабов 24 октября 1995 г.: «Расшатывание идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке»), сошлюсь только на тысячестраничный труд Джека Ф. Мэтлока «Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза», чтобы меня не обвинили в необъективности. Посол не скрывает присутствия американского фактора на всех этапах перемен в СССР и не только потому, что сам так думает. Интересы США и Запада в целом исторически сошлись на Горбачёве. Не случайно Тэтчер настаивала — «ему надо помочь». И посол приходит к заключению: *«Горбачёв больше заинтересован в сохранении собственного положения как главы партии, чем в проведении реформ, которые сам же начал».*

Именно из-за таких «руководителей» государства и других «архитекторов» перестройки, имена которых на слуху, СССР потерпел поражение в «холодной войне» и, более того, распался на отдельные государства. И это не предел. Кому нужна сильная Россия?

«Расчленение России на мелкие государства путём межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии...» (Билл Клинтон, 24.10.1995 г.).

Только слепой может отрицать, что данная программа сегодня не в действии.

Это предвидел ещё фюрер третьего рейха перед своей кончиной под ударами советских войск. 2 апреля 1945 года Гитлер во время последней речи в присутствии Бормана изложил основные пункты своего «завещания» в отношении герман-

ской «политики будущего», где есть такой тезис: «После поражения рейха и до появления азиатского, африканского и, возможно, южноамериканского национализма, в мире останутся только две державы, способные противостоять друг другу — Соединённые Штаты и Советская Россия. Как исторические законы, так и географическое положение вынудят их к пробе сил — либо военной, либо в областях экономики и идеологии. Те же самые законы делают неизбежным, что эти державы станут врагами Европы. Равным образом очевидно, что рано или поздно они сочтут желательным искать поддержки единственной оставшейся великой нации в Европе — германского народа. Я со всей силой подчёркиваю, что немцы любой ценой должны избежать того, чтобы стать пешкой в игре любой из этих двух сторон».

Важно отметить, что после окончания Второй мировой войны сложились более благоприятные возможности для сохранения мира на Земле, но этим не сумела воспользоваться мировая общечеловечность. Войны были и остаются продолжением политики государств, которая формируется и проводится относительно небольшой прослойкой политиков, отнюдь не всегда отражающих интересы большинства своих сограждан. К сожалению, в определённых ситуациях роль отдельной личности может оказаться роковой: Гитлер — во 2-й Мировой войне, Ельцин — в Чечне, Клинтон — в Югославии, Буш — в Ираке... Список можно продолжить.

«Демократия» — только ширма для непредсказуемых действий личностей, и об этом нельзя забывать по прошествии 75 лет с того дня, когда завершилась мировая бойня. Угроза крупномасштабной войны — суровая реальность нашей эпохи. Несмотря на сдерживающие факторы и усилия здравомыслящих политиков и государственных деятелей, мир пока не застрахован от скатывания в пропасть вооружённого противоборства.

Одним из симптомов этого скатывания, являются попытки переписать историю. Форсирование Ла-Манша в 1944 г. и открытие 2-го фронта в Европе было значительным событием в ходе войны, но не главным. В ходе войны Советская Армия уже сломала хребет фашистской Германии. Лишить нашу страну лавров Победы, стереть из памяти народной главную роль России в двух мировых войнах — задача западных идеологов. Без участия России не было бы побед англо-саксонской расы в этих страшных войнах. Это-то и не устраивает Запад. Потому сегодня у нас и стараются отнять Победу!

УДАР ПО ПРАВАМ И СВОБОДАМ

21 мая 2020 года Государственная Дума приняла в 3-м чтении очередной антиконституционный и антинародный (ниже это будет показано подробно) законопроект № 759897-7 «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации».

По сути, создаётся единая база данных на всех граждан России «от мала до велика». Оператором новой системы будет Федеральная налоговая служба. В базу войдут сведения о гражданах, содержащиеся практически во всех государственных и муниципальных информационных ресурсах органов власти и органов управления государственными внебюджетными фондами — от ФИО до семейного положения и состояния здоровья.

В единой базе данных будет аккумулироваться информация из ранее разрозненных реестров и регистров разных государственных структур — МВД, Минобороны, Минцифры, Минобрнауки, Рособнадзора, ФНС, Минтруда, ПФР, Фонда ОМС, ЗАГС и целого ряда других...

Кроме того, органами ФСБ и СВР, ФСО и МВД «в федеральный регистр сведений о населении могут вноситься... сведения, ранее не учтенные в государственных информационных системах органов государственной власти Российской Федерации, органов управления государственными внебюджетными фондами, а также обрабатываться записи федерального регистра сведений о населении».

В пункте 8 статьи 8 «Порядок формирования и ведения федерального регистра сведений о населении» даётся определение единого идентификатора, под которым будут содержаться все данные о гражданине. Фактически он станет цифровым идентификатором личности, заменяющим имя человека во всех отношениях с властными и коммерческими структурами: «Сведения об одном физическом лице, включаемые в федеральный регистр сведений о населении, образуют одну запись федерального регистра сведений о населе-

нии. Запись федерального регистра сведений о населении в федеральном регистре сведений о населении идентифицируется не повторяющимся во времени и на территории Российской Федерации номером. При внесении изменений в запись федерального регистра сведений о населении номер указанной записи не изменяется».

При этом в пункте 9 статьи 8 говорится: «...порядок формирования и использования номера записи федерального регистра сведений о населении... при формировании и ведении федерального регистра сведений о населении определяются правительством Российской Федерации».

Сведения из федерального регистра будут предоставляться органам власти всех уровней, органам управления внебюджетными фондами (ОМС и прочие), многофункциональным центрам (МФЦ), избирательным комиссиям и нотариусам.

В пояснительной записке сказано о преимуществах, которые принесёт принятие нового закона: «Создание федерального ресурса о населении позволит: повысить оперативность и качество принимаемых решений в сфере государственного и муниципального управления... сократить сроки оказания государственных и муниципальных услуг... обеспечить повышение эффективности борьбы с правонарушениями, сокращение числа мошеннических действий при получении мер социальной поддержки и уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей, повышение собираемости платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации».

А что же получают от нововведения граждане?

Говоря юридическим языком, в результате окончательного принятия законопроекта № 759897-7 произойдет полная отмена статьи 23 Конституции РФ («Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну... на тайну переписки... и иных сообщений»); части 1 статьи 24 Конституции РФ («Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются»); статей 28, 29 (касающихся граждан, не желающих по религиозным и иным убеждениям соучаствовать в построении тоталитарного общества) и целого ряда других статей Основного закона страны. Фактически уничтожаются такие классические понятия, как презумпция невиновности, приватность и конфиденциальность. Люди станут «прозрачными» для операторов и хозяев единой системы данных. Практически каждый человек лишается богоданной свободы и превращается в управляемый объект системы, действующий только по её командам.

Создание единой базы данных на всех граждан России противоречит и Федеральному закону от 27.07.2006 года №152-ФЗ «О персональных данных». Согласно части 3 статьи 5 ФЗ №152: «Не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях несовместимых между собой».

Фактически 21 мая 2020 года в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова Госдумой был принят законопроект, с помощью которого не сложно осуществить построение общественного устройства, абсолютно аналогичного описанному в 13-й главе Апокалипсиса...

Немало слов в законопроекте говорится об абсолютной безопасности внедряемого ресурса. Однако даже самая совершенная компьютерная система не может гарантировать абсолютной защищенности хранимой в ней информации от ошибок, сбоев, вирусов, несанкционированного доступа. Всё это чревато самыми непоправимыми последствиями, при которых практически невозможно что-либо восстановить и исправить. То есть любая защита имеет «дыры», которые не очевидны на первый взгляд. Дело во времени: как только подберут нужный ключик, информация окажется в свободном доступе.

Защита компьютерных систем и отдельных устройств по определению невозможна! Это принципиальная особенность любой машинной информации, вытекающая из самой её природы — фундаментального свойства независимости содержания информационного сообщения от его материального носителя (от формы и способа её записи).

Не следует также забывать о возможных утечках данных, сообщения о которых регулярно появляются на информационных ресурсах. Причём речь порой идёт уже не о сотнях тысяч, а сотнях миллионов пострадавших. Известно, что большинство утечек совершается именно при помощи внутренних злоумышленников или системных администраторов.

Наконец, в подавляющем большинстве случаев в РФ используются элементная база, программное обеспечение, операционные системы и системы управления базами данных западного производства, куда могут быть заложены любые несанкционированные закладки.

Зарубежный опыт, на который так любят ссылаться российские чиновники, демонстрирует отказ развитых стран от создания единых распределённых баз данных. В Великобритании, Германии и Франции законодательно запрещено создание единого банка персональных данных на всех граждан страны. Парламенты и высшие Конституционные орга-

ны этих стран расценили попытки построения подобной системы как покушение на основополагающие права и свободы граждан и угрозу национальной безопасности. Точно так же создание единой базы данных на всех граждан РФ является мощным ударом по конституционным правам и свободам граждан, создаёт реальную угрозу национальной безопасности государства и каждого человека.

По сути, принятие описанного выше опасного законопроекта о едином регистре населения означает антиконституционное деяние. Система в концентрированной электронной и фактически доступной форме будет содержать всю информацию о населении России в целом, в том числе о военнослужащих и сотрудниках спецслужб. Такая электронная информация делает возможным любые преступные, в том числе и диверсионные действия по отношению ко всему населению страны.

Необходимо помнить, что Русская Православная Церковь твёрдо настаивает на исключительной добровольности участия граждан в новых формах идентификации и аутентификации личности и признает право человека отказаться от использования любых технологий, противоречащих его религиозным и иным убеждениям. Такое же заключение даёт Государственно-правовое управление президента РФ. «Любые формы принуждения людей к использованию электронных идентификаторов личности, автоматизированных средств сбора, обработки и учета персональных данных, личной конфиденциальной информации недопустимы», — говорится в ответе Управления Святейшему Патриарху Кириллу.

Поэтому сегодня наша задача остаётся неизменной — бороться за нашу богоданную свободу, за сохранение традиционной системы учёта, и в этом нас Священноначалие Русской Православной Церкви поддерживает. «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал. 5: 1); «Испытывайте, что благоугодно Богу, и не участвуйте в бесплодных делах тьмы, но и обличайте» (Еф. 5: 10-11) — учит нас Слово Божие.

От редакции. 9 июня закон «О едином федеральном информационном регистре...» В.В. Путин подписал.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2020 год
(Май)

Нынешние российские коммунисты действительно на 1 Мая проявили всеобщую солидарность, как им и положено, — покорно и солидарно сидели дома. Сидели молча и самоизолированно, как им велел вождь Зюганов. Ни тебе красных полотнищ, ни тебе красных бантов, ни красных ветровок с крупной надписью: «КПРФ», ни, тем более, бодрых музыкальных маршей. Попрытались, как мыши по темным углам. То ли за здоровье опасались, то ли вождя боялись ослушаться... Вся их прежняя крикливая коммунистическая солидарность на этот Первомай обнаружилась в истинном свете! И стало окончательно ясно, чего она стоит.

До 1917 года маёвки и демонстрации на 1 Мая в России тоже были запрещены. Но люди собирались и отмечали этот день чуть ли не во всех крупных городах империи. И аресты были, и увольнения с работы. А это было пострашнее возможности подхватить грипп...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Но не таковы нынешние коммунисты. Не то что выйти на площадь, они даже на дачу боятся выехать... Продолжатели дела Ленина... На День Победы будет точно такая же история.

Геннадий Андреевич, не пора ли уже подумать о роспуске партии покорных и бессмысленных коммунистов. Эта партия ни к Первомаю, ни к Дню Победы уже не имеет никакого отношения.

* * *

6 мая на онлайн-совещании по выходу из принудительной изоляции, проведенном Путиным, мэр Москвы Собянин сделал заявление: «С 12 мая режим самоизоляции в Москве будет ужесточён. Ослаблять его считаю нецелесообразным». И добавил: «Но работа промышленных предприятий истроек будет полностью восстановлена». Оно и понятно: стройки, дорожные работы и тротуарная плитка — это святое для московского мэра. Ну и, конечно же, мигранты-гастарбайтеры вылезут из своих подвалов, чтобы делать баснословные доходы строительно-дорожным олигархам. О распространении ими коронавируса речи на совещании не шло вообще. Московского градоначальника, видимо, это мало волновало.

В этот день стало ясно и другое — пенсионеров после длинных майских выходных из заточения не выпустят. Путин с Собяниным их опять обманули. Более того, о них на этом совещании вообще никто даже не заикнулся. Они, пенсионеры, с надеждой сидели у телевизора, ловили каждое слово президента и мэра, но о них ни разу не вспомнили. Они впервые отчетливо и ясно почувствовали себя лишними в этой жизни. Реально, в прямом смысле — лишними, не нужными для этой власти, отработанным материалом. Освободить их из-под домашнего ареста никто не собирался. По всей видимости, карты москвича еще долго не будут разблокированы.

Российский пенсионный обыватель, привыкший верить каждому телевизионному слову, надеялся, что вот еще немного он потерпит, посидит дома, чтобы не заболеть, а потом всё наладится, жизнь вернется в прежнее русло. И он не желал слушать, когда ему говорили, что если это и случится, то еще не скоро. «Ну как же не скоро, — возражал он. — Такого не может быть. Ведь мне нужно картошку на даче посадить... Как же я без своей картошки?..» И все слова хитроумных провластных политиков о том, что мир будет другим, что жизнь изменится, — проходили мимо его ушей, он этого не желал слышать и понимать. Мол, еще немного он потерпит,

посидит дома ради своего же здоровья, а потом всё будет хорошо, и он спокойно и свободно поедет на дачу или в гости к родственникам...

Но 6 мая их охватило не просто сильное и безысходное разочарование, их охватил настоящий страх. Про них даже не вспомнили. И они уже не понимали, как жить дальше и что дальше делать. Сколько после этой ночи будет среди них инфарктов, можно только догадываться. И самое подлое будет заключаться в том, что цифры смертей от этих инфарктов наши доблестные и героические врачи припишут к цифре смертей от коронавируса.

* * *

По сообщению Первого канала ТВ, на 7 мая в России коронавирусом заразилось 177 160 человек. Но в Москве, по утверждению мэра Собянина, коронавирусом больны 300 000 человек.

Как бы понять: кто кого дурит?

* * *

Мы оказались в ситуации загнанных зверей. Нас обложили со всех сторон красными флажками. И тех, кто пытается их перепрыгнуть, хватают и сажают в клетку. Цепи флажков каждый день сжимаются. Нам приказано сидеть в своих норах и не высовываться. А чтобы высунуться, нужно надеть намордник и получить клеймо, точнее, тавро — и только для прохода через разрешенный коридор с точным указанием направления движения. Ни шагу в сторону. И с возвратом назад по тому же маршруту. Иначе — наказание и запрет на следующий выход. Находясь в своем загоне, мы обязаны быть благодарны охотникам за то, что они заботятся о нашем здоровье...

За цепями флажков стоят егеря и отслеживают каждый наш шаг. Не туда пошли — наказание, отошли от своего логова на большее число шагов, чем разрешено, — наказание: запрет на кормёжку, на воду, на окно в мир... (к этому в конце концов ведут неподъемные штрафы).

Главный московский охотник с самодовольной улыбкой с высоты своей высотной башни смотрит на наш загон и время от времени, держа руку на коленке своей ближайшей охотницы с кнутом, усыпанным бриллиантами, произносит громкие объявления: «Терпите! Всё делается для вашего же блага! Еще немного, еще чуть-чуть — и для вас всё кончится!..» Некоторые из нас верят, что вот-вот флажки снимут, и нам вернут прежнюю свободу. Отдельные особи пытаются их в

этом разубедить. Чаще всего безрезультатно. А флажки всё сжимаются...

* * *

11 мая Путин вновь обманул ожидания пенсионеров, сказав: «Надо еще потерпеть». А сколько терпеть — не сказал. Его слова «родные мои» еще больше обозлили тех, кому за 65 и кто уже третий месяц вынужден сидеть в четырех стенах, как в заключении. Собянин же и не собирался их выпускать из заточения, продлив общую московскую изоляцию до конца мая. Как и обещал, он, наоборот, ужесточил «карантинный» режим: теперь москвичи не могут высунуться из дома без масок и резиновых перчаток, ношение которых строго **обязательно**, в противном случае — штраф 5000 рублей.

Одно только непонятно: как эта собянинская принудительная масочно-перчаточная **«самоизоляция»** будет сочетаться с путинским «окончанием нерабочего периода» с 12 мая?..

Москвичи пребывают в недоумении. Маразм властей крепчает.

* * *

Вечером 9 мая произошел пожар в московской городской клинической больнице имени С.И. Спасокукоцкого. Загорелся урологический корпус больницы, перепрофилированный для приема больных с коронавирусом. Сгорела женщина, находившаяся в реанимации с подключением к аппарату ИВЛ (искусственной вентиляции лёгких). По сообщению информационной службы МЧС, произошло возгорание кислорода из-за неисправности аппарата.

Ночью 11 мая загорелся частный пансионат для пенсионеров «Второй дом» в подмосковном Красногорске. При пожаре погибли 11 человек от 60 до 90 лет. Еще 9 пострадали. Сообщение это прошло лишь поздно вечером в некоторых новостных программах ТВ, на весь день забитых пропагандистской раскруткой коронавируса и лицемерными праздничными штампами «самоизолированного» Дня Победы. Видимо, очень не хотелось добавлять негатива и без того в плохое настроение «дорогих россиян» и портить концертно-победную сетку центрального телевидения. Сообщило об этой трагедии в утренних новостях и радио «Маяк», но в дальнейших дневных новостях больше о ней не заикалось, т.к. это, конечно же, не сочеталось с бесконечным хохотом ведущих «Маяка». Причина пожара, естественно, была названа са-

мая что ни на есть точная и неоспоримая: «неисправность электропроводки». По сообщению Интерфакса, никакими противопожарными средствами, что тоже вполне естественно для контролируемых органов, нелегальный частный пансионат оборудован не был. Связь с пультом МЧС отсутствовала. А зачем заморачиваться, когда цель — чистоганная прибыль? Более того, «Второй дом» вообще не был зарегистрирован как пансионат. И при этом функционировал несколько лет.

Никакие «Зимние вишни» коронавирусную власть ничему никогда научить не в состоянии. Вот если на продаже медицинских масок 1000-процентную прибыль хапануть — это другое дело, это с превеликим удовольствием... Пусть пенсионеры дома сидят, тогда и проблем у властей не будет... А то, видите ли, зачем-то «Второй дом» захотели... Вот он и стал их последним домом...

Ранним утром 12 мая в Санкт-Петербурге произошел пожар в больнице Святого Великомученика Георгия, перепрофилированной для лечения больных коронавирусом. Погибли пять человек, находившихся в реанимации и подключенных к аппарату ИВЛ. Как сообщило ГУ МЧС по Санкт-Петербургу, пожар случился из-за возгорания аппарата искусственной вентиляции легких.

Ранее Министерство здравоохранения РФ распространило информацию о том, что аппараты ИВЛ вылечивают лишь 13 процентов больных COVID-19. Остальных пациентов, проходивших лечение через ИВЛ, достигал смертельный исход.

Мало сказать, что эта процедура почти не вылечивает больных коронавирусом, но она еще просто опасна для использования и в прямом смысле убивает.

Я не случайно назвал время пожаров, случившихся в больницах, — раннее утро и вечер. Врачи в это время еще не пришли на работу или уже ушли по домам. А медсестры, скорее всего, распивали чай в своих ординаторских кабинетах. Вот и не уследили за воспламенением аппаратов.

* * *

«Очевидно, что мир изменился, изменился радикально и, скорее всего, изменился навсегда», — сказал Дмитрий Медведев на конференции по занятости населения в мае этого года. Ключевое слово в этом заявлении — «навсегда».

Очень многие из нас еще не поняли, не осознали, что мы перешли тот рубикон, после которого вернуться назад невоз-

можно. И отныне мир, в котором нам суждено будет жить, не просто изменился, не просто стал другим, он стал «радикально», абсолютно другим, более того, он стал противоположно другим по отношению к тому миру, к тем условиям и реалиям жизни, где мы пребывали до сих пор. Осознать это простому, не искушенному в политологических знаниях человеку очень трудно или даже невозможно. Случилась глобальная трагедия, мировая революция в человеческом существовании, произошел слом всех прежних человеческих отношений. Мы в прямом смысле этого слова больше не будем жить так, как жили прежде. Понятия «свобода личности», «права личности» «неприкосновенность личности, его жилища и его собственности» отныне отменяются, как сказал Медведев, «навсегда». Отныне человечество будет существовать по новым законам, новым указаниям, новым правилам. И к несоблюдающим эти законы, указания и правила будут применены жесткие наказания и насилия. Контроль за каждым из нас будет тотальным, поголовным, безжалостным и с каждым месяцем, с каждым годом нарастающим. Госдума 21 мая приняла в третьем, окончательном чтении правительственный закон о «создании единого федерального регистра, содержащего информацию о населении страны». В этом «регистре», а вернее говоря, реестре будут отслеживаться абсолютно все этапы жизни каждого из нас: от рождения до смерти. Не случайно этот закон принят карманной Думой в срочном порядке во время т.н. «коронавирусной» «самоизоляции» населения, чтобы никто не посмел никуда выйти с протестом. Собственно, эта «самоизоляция» тоже введена **навсегда**, она лишь будет время от времени ослабляться или ужесточаться для определенных частей населения. Через какое-то время она так же будет утверждена законодательно, т.е. именно навсегда.

Приученные ждать и верить, российские обыватели три месяца дисциплинированно сидели под домашним арестом, ожидая конца свалившейся на их головы эпидемии непонятого вируса. Им сказали «сидеть» и они сидели, уверенные в честности власти, надеясь на скорое освобождение. Они были отлучены от работы, от родственников, от храмов на Пасху, от уличных гуляний на 1-е и 9-е мая, от свежего воздуха, от парков и скверов, от птичьего пения и цветения весенней природы... Они терпеливо ждали. А власти в это время срочно принимали законы об их закабалении и о контроле над ними **навсегда**. Что, как мы услышали, и констатировал Дмитрий Медведев.

Нас уже готовят ко второй волне «коронавируса». Об этом в конце мая нас предупредили Путин и Министерство здравоохранения. Вот так и будем теперь жить — от волны до волны. И еще нам сообщили об окончании испытаний в России вакцины от этой инфекции, а также о скором ее применении для всего населения страны — уже этой осенью. Можно не сомневаться в том, что вакцинация от «коронавируса» со временем станет **обязательной** для всех. Скорость создания данной «вакцины» говорит о том, что российские власти торопятся, опережая весь мир, с поголовной вакцинацией. Население пока еще дисциплинировано исполняет все указания власти и не проявляет видимого, серьезного, действенного недовольства. Поэтому надо спешить, воспользовавшись безропотностью большинства граждан России, и раньше всего остального мира вакцинировать страну. Собственно, в этом и была изначальная цель операции под названием «Коронавирус» и принудительной «самоизоляции», которая через какое-то время будет утверждена Думой в качестве закона.

Помимо закона о госреестре населения Госдума в мае под ширмой «самоизоляции» приняла закон о дистанционном электронном голосовании для любых выборов и референдумов в России. То есть отныне открыты широкие ворота для фальсификации властью любого голосования. Наблюдатели на выборах в этом случае становятся бессмысленными, и доказать фальсификацию уже будет практически невозможно.

Как известно, коронавирус разошелся по всему миру. Причем в основных странах Европы и Америки число умерших от него, как нам ежедневно вот уже три месяца внушают центральные СМИ, намного больше, чем в России. Но при всём при этом никто из руководителей зарубежных государств не самоизолировался в бункере: ни Обама, ни Меркель, ни Макрон, ни кто-либо другой, ни даже Зеленский, ни тем более Лукашенко. И Собянин не самоизолировался, несмотря на то, что в Москве самое большое по России число больных этим *коронованным вирусом*. В бункере оказался только единственный президент — Путин. Почему, зачем он спрятался в бункер? — нам никто не объяснил, и сами мы до сих пор пребываем в неведении. Время от времени он обращается к народу или даёт распоряжения министрам и губернаторам из своей изоляции, словно (прошу прощения за сравнение)

Гермоген из подземелья, распоряжения, которые или не исполняются, или исполняются частично и со скрипом. При чем «распоряжения» эти, как правило, облакаются в форму рекомендаций, просьб и советов, но никак не приказов и не требований. Никто из руководителей регионов и министров не был наказан и тем более уволен с работы за невыполнение президентских рекомендательных указаний. И вот так уже три последних месяца.

Правда, 26 мая Путин всё же **приказал** провести парад во всех крупных городах в честь 75-й годовщины Дня Победы. И назвал дату — 24 июня. А шествие Бессмертного полка перенес аж на конец июля. И то, если разрешат эпидемиологи — оговорился он. У нас теперь вся жизнь подчинена эпидемиологам, вирусологам и боязни заболеть... Всю страну заставили почти три месяца сидеть в квартирах, а президент спрятался в бункере. Даже Пасху и День Победы 9 Мая от людей изолировали. А теперь мы должны коллективно обрадоваться дарованному сверху разрешению на парад и на Бессмертный полк как бы постскрипtum... Но ведь недаром говорит народная мудрость: дорого яичко к красному дню...

Сколько еще наш президент будет находиться в бункерной изоляции — нам неизвестно. Неужели аж до 24 июня?! Никакой информации на этот счет ни сам глава государства, ни центральные СМИ, ни московская власть не выдают, вообще не заикаются об этом. То есть президент России в отличие от всех других глав государств по какой-то причине спрятался. По какой причине — нам не говорят. Если из-за боязни заразиться, то эпидемия раздутого до небес вируса в мае уже пошла на спад, открылись промышленные предприятия, стройки, магазины, люди вышли на работу. Но президент всё еще в изоляции и продолжает раздавать свои рекомендации из бункера.

Что происходит в стране? Понять невозможно. Губернатор Московской области Воробьев отменил цифровые пропуска. Однако мэр Москвы их сохранил. Но ведь многие жители Подмосковья и других ближайших областей работают в Москве. Значит, для них ничего не изменилось. Не говоря уже о транспортных потоках, идущих в Москву со всех регионов страны, — им-то как быть? Эти разобщенные, не согласованные действия глав регионов вызывают сумятицу среди людей, порождают озлобленность против властей всех уровней. Но президента эта несогласованность и эта межрегиональная сумятица, похоже, вообще не волнует. Он в своем бункере этих проблем публично не касается, передав свободу действий региональным властям.

После минского победного парада 9 Мая прошло уже более двух недель. И что-то мы не слышали о вспышке там масштабных коронавирусных заболеваний. Что же выходит? То, что все негативные прогнозы телевизиорных российских «специалистов» по поводу Белоруссии оказались блефом? В чем я и не сомневался заранее.

Но меня волнует и другое недоумение. Допустим, наш президент очень боится заболеть и по этой причине не показывается на публике и не выезжает в другие регионы страны. Однако руководители регионов не могут последовать его примеру и должны работать, причем не только сидя в кабинетах. Иначе жизнь в России просто остановится, иначе жизнеобеспечивающие структуры и производства в конце концов перестанут функционировать. Не говоря уже о восстановлении нормальной жизни после стихийных бедствий. То есть им нельзя бояться заболеть, подобно осторожному президенту.

Почему я не боялся заболеть (и, слава Богу, не заболел), когда все эти прошедшие три месяца должен был в условиях жесткого карантина, получив цифровой пропуск, с заблокированной Собяниным социальной картой прорываться на нескольких видах общественного транспорта в редакцию и делать журнал, принимать тираж очередного номера «Молодой гвардии», а затем ходить на почту, чтобы разослать его авторам и тем подписчикам журнала, которые подписывались на него через редакцию? Ведь дело-то не могло стоять из-за того, что наш президент спрятался в бункере, а мэр Москвы обязал меня «самоизолироваться», и все остальные подписчики, согласно договору с подписными агентствами, должны были вовремя получить очередной номер журнала! То есть и для меня, и для руководителей регионов страны президент не мог быть примером!

Слово «бункер», собственно говоря, условно. Даже если наш президент изолировал себя на подмосковной даче, все равно для него и для нас эта дача — его бункер. Отчего же глава государства целых три месяца в тяжелейшее для страны время находился на даче? А остальные ответственные люди, чтобы страна не встала и не обвалилась в хаос, обязаны были работать и делать нужное дело? Президент для них примером стать не мог. Бункерными указаниями страна жить не может.

Еще в середине мая сам московский мэр Собянин С.С. оповестил москвичей по ящику о том, что на улице маски

носить необязательно. И вот в конце мая под предлогом снижения числа больных пресловутым «коронавирусом», а также в качестве смягчения режима не менее пресловутой «самоизоляции» он же — Собянин С.С. — опять же по ящику заявил об обязательном и настоятельном ношении масок не только в транспорте и магазинах, но и на улицах, в парках и на спортивных площадках. Более того, выходить из подъезда москвичам теперь можно только по «графику», разработанному мэрией и вывешенному в подъезде каждого дома. Не более трех раз в неделю. А спортом разрешено заниматься лишь с пяти до девяти утра. И всё это, повторяю, в качестве барского смягчения «карантинных мероприятий». Кстати сказать, об открытии храмов Собянин С.С. даже не заикнулся. Значит, так и останутся закрытыми.

Уж и не знаю, настала ли пора говорить о власти поголовного маразма, обрушившегося на головы несчастных «дорогих россиян», но то, что, живя в столице, мы со всей очевидностью наблюдаем маразм верхушки городской власти, — по-моему, уже не сомневается ни один не потерявший разума человек. Ясно, что в состоянии маразма московская власть загнала себя сама и теперь не знает, как из этого состояния выйти. Потому и вынуждена, оправдывая собственную ретиво-дуроломную деятельность, в «качестве смягчения» накручивать всё новые и новые маразматические инициативы и требования. И оправдания эти — облекает в неимоверно глубокомысленные соображения: мол, если нас всех выпустить из своих домов, то мы все выстроимся в первомайскую демонстрацию и строевым шагом, не соблюдая разработанных Роспотребсоюзом дистанций, двинемся в московские парки с красными знаменами и антисобянинскими плакатами. По всей видимости, эта мэрская власть и нас всех тоже держит за таких же маразматиков и дегенератов. Вот уже много лет я живу рядом с Кузьминским парком. И когда в нормальные, не карантинные, времена я ходил туда по будням на прогулку, то внутри парка мне навстречу попадались пять-шесть человек, не более. Но теперь, конечно же, по убеждению Собянина С.С., после трехмесячной невольной отсидки жители Юго-Востока Москвы устроят в Кузьминском парке первомайскую демонстрацию — никак иначе. Я думаю, с гораздо большим желанием все жители Москвы устроили бы демонстрацию рядом с московской мэрией...

Ну ладно, если бы этот властный маразм исходил только из городской верхушки. Но ведь и основная власть эту маразматическую ахиною одобрила, согласилась с ней. Путин

из своего дачного бункера похвалил Собянина за его улыбочивую ретивость и неугомонно-суетливую борзость. А это куда как печальнее. Поневоле позавидуешь белорусам.

В последний день мая с грустью задумался: ну проведет Путин 24 июня парад. Но для чего? Кому он будет нужен в этот день? Праздник — 75-летний юбилей Победы — уже позади. Праздничное настроение у людей было испорчено слишком ретивыми «коронавирусными» запретами и незаконными указами (прежде всего в Москве). Да и в этот день, 24 июня, москвичам, не говоря уже о приезжих, не позволят собраться в центре столицы. И кто будет присутствовать на этом параде? Ведь сам же Путин сказал: «Любые риски для здоровья участников парада должны быть сведены к минимуму, а лучше — исключены». Этот парад, скорее всего, станет самооправданием для Путина, не более того. И ничемность этого запоздалого парада, по-моему, очевидна уже сейчас. Ну, посмотрим мы его по телевизору — и что? С таким же успехом могли бы показать нам прошлогодний парад в записи.

Из 11 миллионов населения нынешней Москвы славян — русских, украинцев и белорусов — сегодня насчитывается лишь 4 млн. 600 тыс. человек, говорится в информации, размещенной на портале Asiarussia.ru со ссылкой на консультанта одного из силовых ведомств. Национальный состав населения российской столицы сегодня выглядит следующим образом: русские — 31%, азербайджанцы — 14%, татары, башкиры, чувашаи — 10%, украинцы — 8%, армяне — 5%, таджики, узбеки, казахи, киргизы — 5%, корейцы, китайцы, вьетнамцы — 5%, чеченцы, дагестанцы, ингуши — 4%, белорусы — 3% грузины — 3%, молдаване — 3%, цыгане — 3%, евреи — 2%, другие народы — 4%. Даже приблизительный подсчет на основе приведенных данных показывает, что на долю в 31% русских сегодня приходится доля приблизительно в 33% представителей традиционно мусульманских народов. Как утверждается в сообщении, сегодня в России в целом азербайджанцев живет больше, чем в Баку, а татар в Москве больше, чем в Казани.

За последние 15 лет количество российских мусульман увеличилось на 40%, и если эта тенденция не будет остановлена, к середине нынешнего столетия каждый четвертый россиянин будет мусульманином.

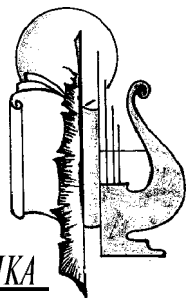
Татьяна НИКОЛЬСКАЯ,
кандидат исторических наук

УЖЕ НАПИСАНА «ТЛЯ»...

К 100-летию со дня рождения И.М. Шевцова

В русской литературе есть произведения со странной судьбой, чей путь к читателям усталился таким изобилием препятствий, интриг и таинственных недомолвок, что их преодоление продолжается до сих пор. К таким произведениям относятся романы Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» и Ивана Шевцова «Тля». Оба были написаны и опубликованы на «закате социализма», оба посвящены одной теме — идейному противостоянию в кругах советской интеллигенции. Обе книги вызвали огромный ажиотаж, но были изданы в СССР всего один раз и 1-2 раза в постсоветскую эпоху. А дальше — всё, словно стена поставлена.

Роман «Чего же ты хочешь?» после журнальной публикации вышел даже не в Москве, а в Белоруссии (Минск: «Беларусь», 1970), не был включён в 6-томные Собрания сочинений В.А. Кочетова, изданные в середине 1970-х и в конце 1980-х гг. (М.: «Художественная литература»). Роман «Тля» (вернее, его основная часть) был завершён к 1950 г., но увидел свет лишь в конце правления Н.С. Хрущёва (М.: «Советская Россия», 1964). Когда-то изданная тиражом 100 тысяч экземпляров, эта книга ныне — библиографическая редкость. В

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

постсоветский период «Тля» переиздавалась 2 раза: в 2000 (М.: Голос. Тираж 3000 экз.) и в 2014 г. (М.: Институт русской цивилизации. Тираж не указан).

Эти книги практически невозможно найти в библиотеках (особенно после «чисток» 1990-х гг., когда произведения советских писателей в массовом порядке выбрасывались — подобно тому, как велась борьба со «старым миром» в 1920-е гг.). А на букинистическом сайте alib мне довелось встретить лишь одно объявление о продаже первого издания «Чего же ты хочешь?» — причём, за такую цену, словно это не массовое издание 1970 года, а авторская рукопись «Слова о полку Игореве».

В то же время романы нельзя назвать забытыми — заслуженно или незаслуженно. В Интернете разливаются песней многочисленные отзывы, большинство которых можно пересказать в четырёх заветных словах: «Не читал, но осуждаю». Впрочем, встречаются и другие мнения. Самое распространённое из них: если б романы были скучны и бездарны, никто бы не помнил о них через 50—60 лет и тем более не ругал бы столь страстно.

Действительно, названия романов «Тля» и «Чего же ты хочешь?» по-прежнему на слуху, их обсуждают, о них спорят. У кого-то они вызывают гнев, у кого-то — одобрение или просто нейтральное читательское любопытство. Но всё это делается, так сказать, заочно. Потому что очень немногие спорщики эти книги хотя бы в руках держали. Романы до сих пор имеют репутацию «крамольных», «одиозных», словом, полузапретных — и это в наше время, когда, по крайней мере, формально, цензуры не существует.

А между тем, в этом году исполняется 100 лет со дня рождения автора «Тли» писателя Ивана Михайловича Шевцова (9.09.1920 — 17.01.2013). Он также известен своими романами «Во имя отца и сына», «Набат», «Бородинское поле», другими литературными произведениями и искусствоведческими работами.

И.М. Шевцов родился в Белоруссии в бедной крестьянской семье, ещё подростком начал успешно сотрудничать в районной газете, учился в Саратовском военном училище погранвойск. Во время Великой Отечественной войны Иван Шевцов возглавлял разведотряд особого назначения, выполнявший боевые операции в тылу врага. После войны он продолжил успешные занятия журналистикой, в том числе международной, работал корреспондентом в Польше, Болгарии. Одна за другой выходили его книги: «Юность Болгарии» (М.: «Молодая гвардия», 1954), «Сильные люди» (М.: Воениздат, 1958), «На краю света. Записки офицера» (М.: «Молодая гвардия», 1960), «Евгений Викторович Вучетич» (Л.: «Художник РСФСР, 1960), роман «Свет не без добрых людей» (М.: «Московский рабочий», 1962)...

На первый взгляд, биография Шевцова — типичный для советской эпохи пример, когда одарённый молодой человек из низов трудом и талантом достиг высоких профессиональных

успехов и общественного признания (действие так называемого «социального лифта»). Но едва ли не более значительной оказалась другая сторона судьбы: не будучи ни антисоветчиком, ни диссидентом, Шевцов и в советское и в постсоветское время перенёс опалу и гонения, получив репутацию «крамольного» писателя. И едва ли не первопричиной стал его роман «Тля».

Как уже упоминалось, роман довольно долго оставался «в столе» автора. Путь к публикации неожиданно открылся после того, как 1 декабря 1962 г. Н.С. Хрущёв посетил выставку художников-авангардистов в Манеже и подверг её острой критике. В те времена издание книги готовилось долго и тщательно, поэтому «Тля» вышла в свет в 1964 г., а полемика вокруг романа растянулась на целые годы, уже после отставки Хрущёва. Нападки противников велись организованно и довольно беспощадно, подобно тому, как это происходило с Всеволодом Кочетовым (1912—1973), покончившим с собой в 1973 г.

Ивана Шевцова также подвергли многолетней травле, долго не принимали в Союз писателей СССР — уникальный случай для автора нескольких изданных книг. При этом главные аргументы против романа — не столько замечания литературного характера, сколько идеологические обвинения — прежде всего в черносотенстве и антисемитизме. С этим ярлыком книга продолжает жить более полувека — благо заинтересованным читателям не так просто разыскать «крамолу» и проверить истинность обвинений. Сразу оговорюсь, что когда, наконец, я добралась до «Тли», поиски «антисемитских выпадов» остались безуспешными: в идейное противостояние художников, которому посвящён роман, вовлечены с обеих сторон люди разных национальностей.

Можно предположить, что кое-кто из тогдашних мэтров, людей со связями, увидел себя среди отрицательных персонажей и решил поставить Шевцова «на место». Но, думается, бурное отвержение «Тли» имело и другие причины. Автор во всеулышание высказался о проблеме, о которой в советском обществе одни не знали, а другие помалкивали: в кругах советской элиты, включая верхи КПСС, идёт нешуточная борьба, кипят страсти, сталкиваются противоположные идеи; там нет политического единства, формально декларируемого, нет ясного понимания, каким путём должна следовать страна... И куда она при таком руководстве зайдёт через несколько десятилетий — одному Богу известно (а в Бога коммунисты не верили). Открытие смелое и опасное — оно пугало и настораживало; проще было приструнить неудобного «крикуна», чем прислушаться к его словам.

1960-е — начало 1970-х гг. — время острых идеологических баталий, происходивших не только в общественных, научных и творческих кругах, но и на самом верху, в руководстве партии и

правительства. Разумеется, о последнем знали немногие, хотя теперь давно не секрет, что в позднем СССР единой Коммунистической партии, по сути, не было. Открытая идейная полемика велась среди интеллигенции, где в годы «оттепели» возникли неформальные культурно-общественные движения. Условно их правильней разделить не на привычных «западников» и «славянофилов», а на «шестидесятников» и «русскую партию».

Те и другие, по крайней мере, формально, оставались в рамках советской идеологии, при этом предпринимая своеобразные попытки ревизии марксизма-ленинизма. Основная идея «шестидесятников» сводилась к лозунгу троцкистско-зиновьевской оппозиции 1920-х гг.: «Назад — к Ленину». Отсюда следовали другие принципы «шестидесятничества»: тезис о возвращении к «ленинским нормам» как образцу социалистической законности, романтизация В.И. Ленина и его «гвардии», объяснения ошибок и преступлений советского периода искажениями ленинизма. Насколько искренни были «шестидесятники» — показали последующие события, когда практически весь их «основной состав» приветствовал крушение СССР. Сторонники «русской партии», напротив, считали необходимым отказ от наиболее одиозных идей В.И. Ленина: таких, как русский национальный нигилизм или разжигание общественной ненависти к религии... В отличие от давно почившего «шестидесятничества», идеи «русской партии» оказались жизнеспособны и в постсоветский период были приняты большинством коммунистов.

«Шестидесятники» и представители «русской партии» могли лишь догадываться, кто из лидеров партии поддерживает их. Наличие в верхах идейных разногласий особенно ярко проявилось в истории, когда «Литературная газета» опубликовала статью А.Н. Яковлева, крупного чиновника отдела пропаганды ЦК КПСС, «Против антиисторизма». Статья сыграла свою роль в борьбе против «русской партии»: у «хлопцев», попавших под «панскую» руку, затрещали чубы. Однако и выступление Яковлева, более похожее на публичный донос, чем на честную полемику, выглядело слишком скандально. Видимо, поэтому верхи выбрали компромисс: борец с антиисторизмом был отправлен послом в Канаду — далёкую, спокойную страну, которая создавала проблемы разве что советским хоккеистам и где с обязанностями полпреда справилась бы даже домашняя кошка.

Но вернёмся к Шевцову и его роману. Тля — это насекомое-паразит, которое питается соками молодых растений и побегов, а через слону ещё и способно заражать их вредными вирусами. Тля живёт большими колониями и считается одним из злостных вредителей, поскольку способно поразить, ослабить и даже погубить растение. Впрочем, в живой природе тля тоже может стать жертвой паразита — насекомого наездника (у Шевцова последняя аналогия отсутствует).

В романе тля — это не отдельный персонаж (хотя пару раз слово это направлено в конкретный адрес), а коллективный образ художников и критиков, которых автор называет формалистами. Они не просто выступают за художественное новаторство, но довольно агрессивно нападают на искусство традиционное, пытаются вытеснить его на обочину современной культуры, сделать маргинальным в глазах современников, а в будущем и вовсе заменить его собой и своими последователями (Как это похоже на современных постмодернистов!) Формалисты действуют «колонией» — дружно и спаянно; при этом, если продолжить аналогию с тлём-насекомым, здесь тоже присутствуют особи «крылатые» и «бескрылые».

Основное действие романа Шевцова происходит в Москве в середине 1950-х гг. в кругах художников и искусствоведов — среде, которую автор прекрасно знал изнутри. Датировку можно определить по упоминаниям о «новом» фильме «Михайло Ломоносов» (вышел на экраны в 1955 г.) и о юбилее Московского университета (его 200-летие отмечалось в том же году). Главный герой — художник-реалист Владимир Машков. В начале повествования ему 30 с небольшим лет. Он бывший фронтовик, живёт в коммуналке с матерью — простой работницей и не один год встречается с девушкой-искусствоведом Люсей Лебедевой. Судя по тому, что познакомились они во время войны, и Люся уже тогда была взрослой, она ровесница Машкова или немного моложе. В отличие от Владимира, Люся — дочь обеспеченных родителей, живёт с ними в отдельной квартире, избалована, капризна и безжалостно манипулирует молодым человеком, доставляя ему немало переживаний. А тот, по крайней мере на первых порах, увлечён не столько Люсей, сколько придуманным им образом идеальной девушки.

В книге переплетаются две сюжетные линии: любовь Владимира к Люсе и противостояние художников двух направлений — реалистов и формалистов. На страницах романа подробно, со знанием дела описана повседневная жизнь советских художников: работа над картинами, подготовка выставок, собрания, характерные для советских творческих союзов, поездки на этюды, неформальные встречи с товарищами... Художественные произведения, упомянутые в романе, описаны подробно и интересно, их можно мысленно представить. Это тоже своего рода персонажи, через которые раскрываются образы и характеры художников.

Формалисты группируются в «салоне Осипа», который собирает у себя дома искусствовед Осип Давыдович Иванов-Петренко. Они не прочь поспорить друг с другом по мелочам, но в главном сохраняют единство. Реализм чужд им не просто как художественное направление, но и как понимание мира. «Простые» люди им не интересны и не дороги — ни как герои произ-

ведений, ни как зрители. Они с презрением упоминают, в качестве образа русского народа, «молочницу Дусю и домработницу Машу».

Формалистов вполне устраивает положение малопонятных «эстетов», кумиров в узком кругу «избранных». Правда, не желают они отказываться и от преимуществ, которые даёт статус преуспевающих советских художников: выгодные заказы, мастерские, участие в выставках, похвалы в прессе и, наконец, статья в Советской энциклопедии. Они не стремятся создать некое отдельное движение в искусстве, а намерены овладеть тем, что уже существует, что было создано художниками реалистического направления и их почитателями.

На страницах романа проходит настоящий «мастер-класс» по манипулированию общественным сознанием — что позже стали называть «пиаром». Руководители «салона» действуют умело и спаянно, распределяя обязанности между своими сторонниками: один пишет хвалебную статью, другие привлекают «нужных» людей, пока «бескрылая» безмянная массовка устраивает ажиотаж вокруг «гениальных» картин или obstruction противникам... Формалисты пытаются (и не без успеха) руководить процессами в творческой среде, выдвигая одних и преграждая путь другим, проводя, таким образом, не вполне естественный отбор.

Среди персонажей-формалистов — сын директора мебельного магазина Борис Юлин, конкурент Машкова в живописи и любви. Он привык измерять жизненный и творческий успех в материальном эквиваленте; его тянет к таким же обеспеченным и удачливым людям. Под стать себе он выбирает и невесту — Люсю, которую поначалу считает своего поля ягодой. Борис циничен на пути к цели: презирая социалистический реализм, он готов подстроиться под «злобу дня» — изобразить на картине фальшивых девушек-колхозниц, никогда в жизни не виденных. Однако Борис не лишён и привлекательных черт. По крайней мере, поначалу он выглядит дружелюбным и отзывчивым, в первой же сцене даёт Владимиру в долг большую сумму. Да и Машков симпатизирует Юлину, предлагает вместе поехать летом в колхоз на этюды. Но со временем их отношения портятся, и причина этому — не только соперничество в любви.

Иначе выглядит «учитель» Бориса — художник Лев Барселонский. Этот авантюрист с мутной судьбой давно занял положение живого классика. Он не лишён способностей и исторического чутья: насколько можно судить, нарисованные им в годы войны плакаты пришлись по душе и партийным идеологам, и «простым» людям. Среди художников он — непререкаемый авторитет, находящийся вне критики, а для формалистов — своеобразный вождь.

Другой мэтр, Николай Николаевич Пчёлкин, — тоже знаменитый живописец, член-корреспондент Академии художеств,

не относится к лагерю формалистов. Он просто готов ладить со всеми — и с реалистами, и с формалистами, но прежде всего — со своей молодой супругой Линочкой. Короткая история их брака довольно остроумно описана в Прологе романа, а дальнейшие события показывают, что со временем Пчёлкин оказался «под каблучком» у Линочки.

«Салону Осипа» противостоят художники-реалисты — пожилой академик и депутат Михаил Герасимович Камышев, а также Владимир Машков со своими друзьями: Петром Ерёменко, Павлом Окуновым и Кареном Варганыном. Правда, если образы Машкова и Камышева выписаны ярко и реалистично, то их товарищи выделяются скорее картинами, чем характерами или поступками (один пишет натюрморты, другой — батальные работы, третий — пейзажи). Особенно это касается образа Карена. Вместе с тем, друзья Владимира не выглядят ходячими изрекателями прописных истин. Они — «обычные», живые люди, которых делает сильными не отсутствие недостатков, а любовь к Родине и русскому искусству.

Из друзей Машкова, пожалуй, самый запоминающийся, в каком-то смысле ключевой персонаж — молодой скульптор Яша Канцель (хотя он появляется в романе всего несколько раз). Трудолюбивый и талантливый, он ещё не вошёл в полную силу (и сам понимает это), не вполне определился с темой творчества и художественным стилем. В общении с людьми он готов скромно прислушиваться ко всем и учиться у всех. О славе Яков и не помышляет; главное для него — творчество. Как скульптору, ему близок реализм, близки и товарищи-реалисты. В то же время он вхож и в «салон» формалистов, которые до определённого момента привечают его, хотя и не признают его творчество. Самого Якова привлекает в «салоне Осипа», главным образом, Диана — дочь хозяина. Девушка не отталкивает своего робкого ухажёра, но и не отвечает взаимностью; к тому же словно стесняется за него перед родственниками и приятелями.

К сожалению, этот интересный персонаж вскоре выпадает из действия. Рассорившись с обитателями «салона», Яков уходит от них и в тот же вечер погибает, попав под неизвестную машину. Это обстоятельство как бы провисает в сюжете: если герой погиб случайно, зачем это было нужно (куда интереснее — показать дальнейшую историю Якова)? Если же формалисты решили таким образом отомстить «отступнику», то не слишком ли быстро (в течение 10—15 минут) они разработали и осуществили план убийства (да и зачем...)? Странно и то, что гибель человека в центре Москвы милиция словно не заметила: в романе нет даже беглого упоминания о поиске скрывшейся машины (а их в Москве было на порядок меньше, чем сейчас) или об опросе свидетелей, одним из которых мог бы стать Пётр Ерёменко, что в роковой вечер тоже был гостем «салона».

В дальнейшем герои лишь несколько раз упоминают погибшего друга, а затем словно забывают о нём. Даже между собой они не обсуждают, продвигается ли, например, милицейское расследование. Занятые устройством на выставку собственных картин, друзья не попытались предложить туда хотя бы одну работу Якова Канцеля. Реакция Дианы, просто исчезнувшей из действия, остаётся вовсе неизвестной. Лишь через несколько лет в Академии художеств организуется выставка скульптур Якова Канцеля, но из романа неясно, кто был её инициатором.

Не исключаю, что автор сознательно хотел показать недружественность, разрозненность реалистов на фоне цепкой спаянности формалистов. И впрямь, если бы под машину попал Борис Юлин, выставка его памяти была бы устроена гораздо быстрее.

С каждой страницей противостояние формалистов и реалистов обостряется, а методы борьбы формалистов становятся всё более изощрёнными. Вместе с тем, картины идейных баталий не выглядят схематично. Среди художников и критиков есть убеждённые сторонники или противники реализма и формализма, есть колеблющиеся, есть и «молчаливое большинство», которое лишь пассивно реагирует на события.

Не сразу делает свой выбор главная героиня — Люся Синицына. Не по годам инфантильная, девушка, несмотря на внешнюю самоуверенность, внутренне не особо самостоятельна и зависима от чужих влияний. Обитая в среде, где культивируется увлечение «новаторским искусством», Люся поначалу искренне восхищается работами формалистов, высокомерно поглядывает на Владимира и его друзей. Да и формалисты в лице Бориса Юлина считают Люсю вполне достойной своего общества (видимо, в силу высокого положения её отца). Сама же девушка мечется между Машковым и Юлиным. Она не первый год знает Владимира, но не ценит его любви и в момент очередного каприза устраивает помолвку с Юлиным. Жениху она отводит незавидную роль орудия наивной женской «мести», однако тот, будучи сам не промах, манипулирует Люсей куда успешнее, чем она им. Девушка опомнилась лишь тогда, когда Борис предложил ей подписать своей фамилией чужую статью сомнительного идейного содержания...

Конечно, нельзя не учитывать, что роман «Тя» появился в советское время, когда, согласно официальной идеологии, коммунистическая партия всегда была права, а ошибаться могли лишь отдельные её представители (образ почти религиозный). Такую точку зрения, нимало не сомневаясь, высказывают и главные герои: даже в частных беседах они благоговеют перед авторитетом партии и Ленина. В советском романе иначе и быть не могло, однако в 2020 г. некоторые рассуждения звучат наивно. Например фраза: «Они [формалисты — Т.Н.] *хотят потихоньку вывести искусство из-под руководства партии*» в наши дни способна скорее вызвать сочувствие к формалистам, чем возмущение ими.

В конце романа Пётр Ерёмко, доведённый до отчаяния всеисием своих противников, пишет письмо в ЦК КПСС — и партия приходит на помощь. Однако некоторые намёки позволяют предположить, что сам Шевцов не идеализировал КПСС, не считал её безгрешной и монолитной (чего в советское время он открыто написать не мог). Да и судьба романа показывает, что формалисты имели в верхах более могущественных покровителей, чем единственный чиновник Варягов, отстранённый от должности на последних страницах романа.

Книга читается увлекательно, динамика действия и сюжетные интриги держат в напряжении. По художественному уровню — это добротная русская советская проза, до которой далеко современным лауреатам всевозможных «русских букеров» и «антибукеров». И если даже сейчас, через несколько десятилетий, роман не забыт читателями, не утратил актуальности и художественной ценности, — можно себе представить, какой «бомбой» он прогремел в год своего первого издания.

Роман «Гля» уникален и по своей тематике. За прошедшие десятилетия появилось не так много книг, посвящённых идейному противостоянию внутри позднего советского общества. Даже противники Шевцова, исписавшие обвинениями километры бумаги, остались бесплодны, так и не создав какую-нибудь ответную «Антиглю». Роман не устарел по прошествии времени, а актуальность поднятых писателем проблем даже усилилась, о чём свидетельствует современное состояние российского искусства: засилье лишь одного течения — постмодернизма, пожирающего творческое разнообразие не хуже огородной тли, низведение реалистов до положения маргиналов, отсутствие даже видимости здоровой творческой конкуренции...

Тем не менее, роман не оставляет чувства безысходности — и вовсе не потому, что в конце героям пришёл на помощь Н.С. Хрущёв. Если бы и не пришёл — герои всё равно продолжили бы свой избранный путь, оставаясь верными России и творческому призванию, писали бы новые картины, развивая традиции великого русского искусства. Собственно, так и происходит в реальной жизни, и это обстоятельство делает «крамольный» роман «Гля» ещё более современным и значимым.

г. Санкт-Петербург